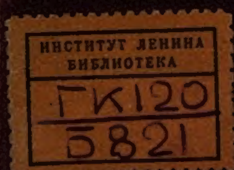
БРЕСТ-
ЛИТОВСКАЯ
КОНФ.

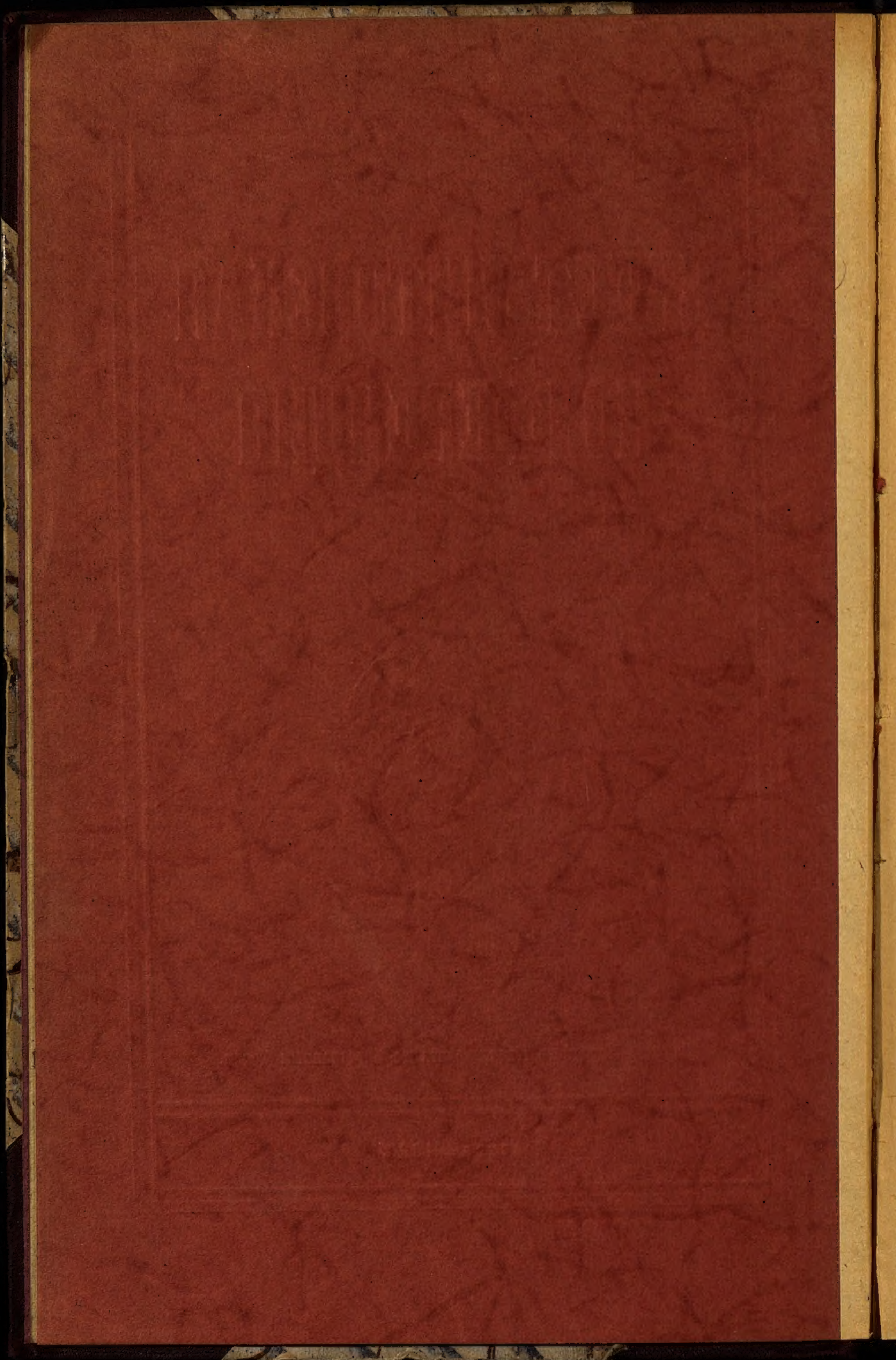

БРЕСТ-ЛИТОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Издание Народного Комиссариата по Иностранным Делам.

Москва—1923.

БРЕСТ-ЛИТОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ЗАСЕДАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ КОМИССИЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

Б. Е. ШТЕЙНА

Издание Народного Комиссариата по Иностранным Делам

Москва — 1923.

„Главлит“ № 13244. Тираж 2.000

Типография Центросоюза, Москва, Денисовский пер., 30.

Экономические и правовые условия Брестского мира.

(Протоколы заседаний экономической и правовой комиссий).

Политическая история брестских переговоров и Брестского мира достаточно хорошо известны. Можно думать, что наступило уже время для исторического изучения этого периода русской революции, для чего, во всяком случае, накопилось уже большое количество сырого материала. Основными источниками для изучения этого периода являются, конечно, опубликованные еще два года тому назад Н. К. И. Д. протоколы пленарных заседаний и политической комиссии Брест-Литовской мирной конференции. Дополнительными источниками для этого изучения могут явиться мемуары участников конференции. Насколько нам известно, из русских участников конференции опубликовали свои воспоминания лишь тов. Каменев и С. Мстиславский.

Что касается материалов, опубликованных в Германии и Австрии, то из этих материалов основным может явиться записка, представленная германским правительством в рейхстаг, при ратификации Брестского договора. Из мемуарной литературы следует указать мемуары Чернина, Кюльмана, генерала Гофмана, генерала Людендорфа и, наконец, Гинденбурга.

Мы указали лишь самые основные источники; политическая же литература о Бресте гораздо обширнее указанных нами сырых материалов.

Все это, однако, относится главным, если не исключительным, образом к политической стороне брестских переговоров. На экономико-правовую сторону брестских переговоров до настоящего времени совсем или почти совсем не обращалось внимания. Это, конечно, понятно. Политическое значение брестских переговоров и связанный теснейшим образом с исходом этих переговоров ход русской и мировой революции заслонили от современников все остальные стороны брестских переговоров. Между тем, для исторического изучения (равно как и для практического значения в свое время Брестских условий) экономическая и правовая

стороны переговоров играют и играли, несомненно, крупную роль. Правовые условия брестских переговоров вовсе не подвергались (если не считать одной статьи Флейшиц в журнале «Международная политика и мировое хозяйство») изучению. Что же касается экономических условий, то они являлись предметом «научного» изучения со стороны ряда буржуазных профессоров (Кулишер, Загорский), которые это изучение сделали средством для сведения политических счетов и оплевания советской власти за архи-тяжкие условия Брестского мира. Нужно отметить, однако, что указанные исследования экономических условий Брестского мира касались конечных его звеньев, т.-е. самого договора, который явился следствием третьего периода брестских переговоров. Ни первого, ни второго периодов брестских переговоров эти исследования не касались. Между тем, наиболее интересные контуры как экономических вожделений Германии, так и точек зрения и удельного веса русских заявлений имели место как раз во время первого и второго периодов.

Что касается первого периода, то освещение экономических (и, отчасти, правовых) условий этого периода нашло себе место в опубликованных уже протоколах пленарных заседаний и заседаний политической комиссии. Во время первого периода не существовало еще особых правовой и экономической комиссий. Эти комиссии появились лишь во время второго периода. Их протоколы до настоящего времени не были опубликованы (если не считать единичных, разрозненных и неполных отчетов, появлявшихся в «Известиях» и «Правде» во время переговоров).

Приступая в настоящем издании к опубликованию полных протоколов экономической и правовой комиссий брестских переговоров (второго периода), мы считаем необходимым дать полный очерк развития переговоров по вопросам экономическим и правовым.

Пять лет, прошедшие с момента брестских переговоров, поражение германского империализма, германская революция, аннулирование Брестского договора—дают нам полную возможность спокойной исторической оценки прошедшей эпохи.

Брестские переговоры имели, как известно, три этапа: первый период с 22-го по 29 декабря 1917 г.; второй период с 9 января по 10 февраля 1918 г., заканчивающийся отказом русской делегации подписать договор, и, наконец, третий период с 1-го по 3 марта 1918 г., закончившийся подписанием Брестского договора.

Контуры экономических взаимоотношений выступают, хотя лишь в общей форме, уже в первый период переговоров.

Мы и начнем с него.

Вопрос о способах и методах восстановления экономических взаимоотношений возник впервые на заседании политической комиссии 26 декабря 1917 года. Приняв на этом заседании общую формулу о том, что «все трактаты, договоры и соглашения, бывшие в силе между договаривающимися сторонами до об'явления войны, снова вступают в силу, поскольку они не противоречат создавшимся новым условиям», и передав эту формулу для окончательной редакции, комиссия приняла, по предложению Кюльмана, в принципе следующее постановление, касающееся так называемой «экономической войны»: «Все законы и распоряжения, изданные для проведения в жизнь этой экономической войны, об'являются со дня заключения мира недействительными для подданных обеих стран». После принятия этой резолюции Кюльман предложил перейти к обсуждению вопроса о восстановлении нормальных экономических сношений между обоими народами. «Для этой цели,—заявил он,—необходимо подвергнуть законодательной регулировке товарообмен. Это можно сделать различными путями; ближайшим, на основании принятого на сегодняшнем заседании порядка, явилось бы восстановление товарообмена,—по примеру восстановления других договоров, существовавших до начала войны,—*в особенности торгового договора, хотя бы предварительного*».

Ответ русской делегации на это предложение Кюльмана есть, в сущности говоря, *первый торгово-политический акт Советской России*.

Вот почему нам особенно интересно остановиться на этом ответе, ибо он должен дать нам картину того, как рисовались тогда внешние экономические отношения между Советской Россией и капиталистической Германией. На предложение Кюльмана первым ответил Иоффе, который заявил, что восстановить торговые сношения необходимо, но что «востановление последнего торгового договора невозможно».

Он пояснил эту невозможность тем, что «в России господствуют совершенно новые принципы и условия, так что невозможно восстановить договоры, созданные еще при прежних условиях». Дополняя эту мысль, тов. Покровский высказался в том смысле, что «организация народного хозяйства в России будет проведена в общегосударственном масштабе. В виду этого, было бы немыслимо восстановить те договоры, которые были заключены при совершенно других условиях между известной группой русских и немецких торгово-промышленников».

Далее Кюльман более подробно развил свое предложение относительно предварительного соглашения по вопросам внешней торговли. «По моему мнению,—заявил он,—представляются две возможности предварительного соглашения: одно для ближайшего будущего,—скажем на

один год по заключении мира,—мы провозгласили бы *взаимную свободу торговли*, при чем *пошлины не стали бы взиматься ни с той, ни с другой стороны;* второй выход заключался бы в том, что обе договаривающиеся стороны поступали бы *по принципу взаимного благоприятствования в области торговых сношений*».

Это уже целая торгово-политическая программа,—программа, которая явно начинается с зондирования почвы.

По сравнению с договором 1904 г., беспошлинная торговля с обеих сторон была для Германии гораздо более выгодной; то, что Германия теряла на беспошлинном ввозе русского сырья, то она могла с избытком покрыть беспошлинным вывозом своих фабрикатов. Как страна экономически неизмеримо более сильная, она не боялась такой игры с беспошлинной торговлей. Кюльман с тем большим правом мог предложить такой выход из создавшегося положения, что перед этим он успел выяснить отрицательное отношение русских делегатов к восстановлению договора 1904 г. Однако, предлагая беспошлинную торговлю, Кюльман не забыл упомянуть и о «принципе взаимного благоприятствования». Употребив эту не совсем обычную формулу, он, по просьбе русской делегации, расшифровал ее и интерпретировал, как понятие отрицательное: «под «благоприятствованием» мы подразумеваем согласие российского правительства не создавать других и лучших условий для какой-либо чужой нации, чем для нас».

Такова была германская программа в ее первоначальном виде.

Что противопоставили этой программе русские делегаты? Не следует забывать, что им приходилось искать выхода при чрезвычайно затруднительных условиях. Не говоря уже об общей политической ситуации брестских переговоров, делегаты Советской России *должны были создавать такие торгово-политические отношения с Германией, которые не противоречили бы и не мешали предполагавшейся национализации внешней торговли и уничтожению свободы внутренней торговли.* Задача эта была настолько схематичной, настолько трудно было в тот момент учесть все ее элементы как настоящие, так—особенно—будущие, что ответ русских делегатов на предложение Кюльмана является неопределенным и незаконченным. В нем есть намеки на предполагаемую систему, но самой системы, даже ее очертаний, не имеется.

Так, в ответ на предложение Кюльмана первым говорил Покровский, указавший, что «полная свобода торговли явилась бы помехой к планомерной разработке русского народного хозяйства в общегосударственном масштабе, благодаря слишком большому наплыву товаров из-за границы, из Германии». Иоффе, говоривший после Покровского, вы-

разился еще менее определенно. По его мнению, «решение этого вопроса представляется возможным только при планомерной организации товарообмена между Германией и Россией». Вопрос, по его мнению, очень сложный и потому «желательно предоставить подробную разработку его особой комиссии, предполагая, что *товарообмен будет планомерно организован*».

Таким образом, в заявлениях русских делегатов можно было уловить две мысли: 1) народное хозяйство России, в том числе и внешняя торговля, будет национализовано, 2) товарообмен между Россией и Германией должен быть организован не в виде частной торговли, а планомерно.

Ответ Кюльмана на эту формулировку был чрезвычайно осторожен: «Насколько я понял обоих предшествующих ораторов,—заявил Кюльман,—то, по их мнению, торговля должна быть национализована, т.-е. находиться в руках государства. Я, не высказываясь в данном случае по существу, хотел бы только заметить, что пройдет много времени, пока удастся организовать эти торговые сношения между государствами. Этому должна предшествовать грандиозная детальная разработка вопроса. Мне кажется, что великие принципы торговых сношений, которые я предложил собранию на выбор, не зависят от лиц, занимающихся торговлей, и от формы товарообмена, а должны быть установлены народами. Если торговые сношения будут вестись непосредственно между государствами, то мы уже теперь можем установить, согласны ли мы принципиально вести совершенно беспошлинную торговлю, или же, по крайней мере, сойдемся ли мы на принципе не оказывать в области товарообмена предпочтения другим нациям».

Этим своим ответом Кюльман чрезвычайно ловко устранил вопрос, поднятый русскими делегатами как о внутренней организации народного хозяйства России, так и о форме организованного товарообмена между Россией и Германией.

Из двух своих предложений: принципа беспошлинной торговли и принципа взаимного благоприятствования (о роли этой отрицательной формулировки мы скажем в дальнейшем) Кюльман определенно выдвигал второе, и после заявления Иоффе, что со стороны российской делегации не будет возражений «против того, чтобы Германия после заключения мира встретила к себе в России *не худшее и не лучшее отношение, чем другие страны*», он заявил: «в таком случае, мне кажется, мы достигли принципиального соглашения относительно того, что после заключения мира немецкие подданные, суда и товары будут в России находиться не в худших условиях, чем подданные, суда и товары других стран».

Из всех сложных теоретических вопросов об организации народного хозяйства, организации планомерного товарообмена родилась простая, но ясная практическая формула, необходимая Кюльману для защиты интересов Германии в России. Замечательно то, что в этой формуле благоприятствование проведено односторонне и о русских подданных, судах и товарах в Германии как-будто забыли.

Из вопросов торговой политики на этом заседании был рассмотрен вопрос о консульском представительстве, при чем русские делегаты заявили о желательности введения института выборных консулов. Кюльман ответил, что Россия может применять какой ей угодно метод назначения консулов, но за Германию он определенного обязательства дать не может.

После обсуждения всех намеченных принципиальных вопросов торговой политики в особой комиссии, германская делегация огласила на заседании 28 декабря 1917 г. проект договора, при чем статьи, относящиеся к вопросам торговой политики, приняли такой вид:

Статья 4. «Каждая из договаривающихся сторон ни в коем случае не будет относиться к подданным, судам или товарам другой страны *во всех вопросах правового или хозяйственного характера* с меньшим благоприятствованием, нежели к подданным, судам или товарам какого-либо иного государства, *не пользующегося в данном отношении никакими установленными договором правами*».

Статья 5. «Договаривающиеся стороны согласны, чтобы по заключении мира, война окончилась и в экономической области. Они не будут участвовать обоюдно ни в каких мероприятиях, которые имели бы целью продолжение враждебных действий в экономической области, прямо или косвенно, и будут всеми находящимися в их распоряжении средствами препятствовать в пределах своего государства таковым мероприятиям, *даже если бы они исходили от инициативы частной или какой-либо другой стороны*. Кроме того, они будут устранять препятствия, которые мешают возобновлению дружеских торговых и деловых сношений, и будут облегчать взаимный товарообмен, *в особенности путем покрытия избытками одной стороны—нехваток другой.*

В течение переходного времени, которое потребуется для преодоления последствий войны и нового урегулирования отношений, они будут относиться к пока неизбежным ограничениям сношений, как-то: запрещение вывоза, урегулирование ввоза и т.п.,—таким образом, чтобы эти ограничения по возможности менее стесняли обе стороны. С другой стороны, они в течение этого времени будут возможно менее обременять доставку необходимых предметов ввозными пошлинами и с этой целью

вступят, по возможности, скорее в переговоры, *чтобы поддержать и расширить установленное во время войны временное снятие пошлин.* Вместе с тем они используют это время *для организации товарообмена.* Для этой цели будут образованы смешанные комиссии, которые должны приступить к работе в наиближайшем будущем».

Статья 6. «Договаривающиеся стороны в возможно скором времени вступят в переговоры о заключении, взамен аннулированного договора о торговле и мореплавании от 1894—1904 г.г., договора о торговле и мореплавании, *постановления которого соответствовали бы новым условиям*».

Статья 7. «Безотносительно к заключению договора о торговле и мореплавании, договаривающиеся стороны предоставляют друг другу, *в течение хотя бы 20-летнего срока, в вопросах торговли и мореплавания права наиболее благоприятствуемых наций.* Ни одна сторона, однако, не будет претендовать на участие в преимуществах, которые предоставляются при мелких пограничных сношениях или которые Россия предоставит пограничным азиатским странам или самостоятельным государствам, выделившимся из государства Российского, или же которые Германия предоставит Австро-Венгрии либо другим, связанным с Германией в настоящее время или в будущем таможенным союзом, странам и колониям».

Из этих статей очевидно, что Германия уже в первый период брестских переговоров представила полную торгово-политическую программу. Уложенная в ст.ст. 4—7, она предоставляла Германии все те преимущества и выгоды, которые ей были необходимы. Она охраняла ее от экономической войны, аннулируя силу постановлений Парижской экономической конференции 1916 г. в доле участия в ней России, она обеспечивала ей в двух статьях не меньшее благоприятствование «во всех вопросах правового и хозяйственного характера» (формула с такой расширенной и всеоб'емлющей редакцией встречается в договорах впервые) и, кроме того, право наибольшего благоприятствования в течение 20 лет. Она же установила, что торговый договор 1894—1904 г.г. не будет возобновлен. В качестве регулятива таможенных вопросов, устанавливалась система беспошлинного ввоза, о чем говорит ст. 5.

Мы не будем подробно останавливаться на этой германской программе. Нам важно то, что только-что цитируемая редакция вышла таковой после обсуждения в комиссии, и нам необходимо выяснить и уловить, что привнесено в эту программу российскими делегатами. В предварительных заявлениях Иоффе и Покровского было несколько принципиальных позиций, указывавших на понимание делегатами Советской России той сложной торгово-политической задачи, которая перед ними

стояла. Они формулировали эти позиции таким образом: 1) В Советской России все народное хозяйство, в том числе и торговля, будет национализовано; 2) В силу этого товарообмен между Россией и Германией может существовать только как организованный товарообмен, товарообмен международный; 3) В силу этого же обстоятельства, нельзя допустить свободного ввоза товаров из Германии, так как последний не дал бы возможности осуществить национализацию торговли; 3) В силу этих же обстоятельств, невозможно восстановление прежнего торгового договора, как несоответствующего новым условиям.

Какой след оставила эта формулировка в программе, вышедшей из комиссионного обсуждения? Можно утверждать, *что реального следа она не оставила.* В самом деле, единственная статья 6, соответствующая положениям русских делегатов о невозобновлении торгового договора, следует после ст. 5, которая выговаривает принципиально беспошлинный ввоз, *что противоречит заявлениям русских делегатов.* Таким образом, *идя формально навстречу* России, Германия *по существу* устанавливала нужный ей модус торговых отношений. Так, в той же статье 5, единственным следом заявления русских делегатов о необходимости ввести организованный товарообмен между двумя государствами, осталась фраза:

«Вместе с тем они (договаривающиеся стороны) используют это время (переходное после войны) для организации товарообмена. Для этой цели будут образованы смешанные комиссии, которые должны приступить к работе в наиближайшем будущем». Таким образом, «*организация товарообмена», т.-е. единственная возможная форма торговых отношений между советским и капиталистическим государствами, устранялась из договора* и переносилась на будущие комиссии. Одновременно с этим, и в той же статье 5, было оговорено, что стороны будут облегчать взаимный товарообмен, в особенности путем «покрытия избытками одной стороны нехваток другой». И в этой фразе *формально* звучат ноты организованных отношений, но какой *смысл* вкладывала Германия в эту организацию «покрытия нехваток»—показала вся история после-брестских с ней отношений.

Таким образом, можно утверждать, что в первый период брестских переговоров: 1) русские делегаты не представили разработанной системы торгово-политических отношений между советским государством (с национализированной системой народного хозяйства) и государством капиталистическим; 2) тот набросок, в виде высказанных ими отдельных пожеланий, они оказались не в состоянии провести в проекте договора, вышедшем из первого обсуждения комиссии.

———

Второй период брестских переговоров, длившийся от 9 января до 10 февраля 1918 г., *в общих заседаниях конференции* не уделил внимания экономическим вопросам вообще и, в частности, вопросам торговой политики. Весь этот месячный срок был использован для дискуссии по пунктам 1 и 2 германского предложения. Все прения вращались вокруг основного вопроса об очищении или неочищении Германией оккупированных ею территорий, о способе и формах народного волеиз'явления и о территориальных границах. В течение этого периода русская революция, разоблачая империалистический и аннексионистский характер германских предложений перед трудящимися всего мира, страстно и убежденно взывала и ждала помощи трудящихся масс центральных держав. Вот почему центром внимания во второй период брестских переговоров,—период наиболее острый и решающий, период наиболее чреватый революционными последствиями в странах Четверного Союза,—был вопрос политический, а не экономический. Все же вопрос об обсуждении экономических условий мира возник уже на заседании политической комиссии от 10 января 1918 г. На предложение Кюльмана о желательности обсуждения вопросов об экономических условиях ответил Троцкий следующим заявлением:

«Для нас вопросы экономического характера стоят в полной зависимости от улажения основного разногласия, которое возникло между обеими делегациями по вопросу о праве на самоопределение. *Мы не думаем, что в экономической области могут встретиться непреодолимые затруднения.*

Насколько я осведомлен, наша делегация это выразила в течение предшествовавших заседаний. Мы считали бы нецелесообразным начинать сейчас обсуждение экономических вопросов, пока мы так или иначе не ликвидировали того основного вопроса, который нас сейчас так остро разделяет».

Однако, в виду того, что германская делегация настаивала на одновременном обсуждении экономических вопросов, на том же заседании было условлено, что будет образована *специальная комиссия для обсуждения экономических вопросов.* Об этом решении образовать особую комиссию по экономическим вопросам упомянул в заседании от 12 января 1918 г. Чернин. На заседании 9 февраля 1918 г. Кюльман упомянул о работе этой комиссии, при чем заявил, что «обсуждение экономических вопросов настолько (по сравнению с правовыми) еще не подвинулось вперед».

Для изучения вопроса о положении переговоров по экономическим вопросам и, в частности, по вопросам торговой политики во время 2-го

периода конференции нам придется обращаться непосредственно к протоколам экономической подкомиссии. Теперь же следует указать на два следующих обстоятельства: во-первых, на то, что некоторые вопросы торговой политики получили освещение (правда, только с германской стороны) во время заседания территориальной подкомиссии от 10 февраля 1918 г., а, во-вторых, что в этот самый второй период переговоров, а именно 9 февраля 1918 г., был подписан мирный, а вслед за ним дополнительный договоры между Украиной и Четверным Союзом.

Изучение экономических условий этих договоров должно служить комментарием к основному вопросу о торгово-политических и обще-экономических условиях второго периода брестских переговоров.

В течение второго периода мирных переговоров (9 января—10 февраля) Германия заключила особый мирный договор с Украинской Радой. Договор этот был заключен 9 февраля 1918 г., и его ст. 7, регулирующая экономические отношения между договаривающимися сторонами, дает отчетливое представление о том, каковы были тенденции торговой политики Германии в этот период. Статья эта представляет собою целую торгово-политическую программу и, в силу этого, представляет собою исключительный интерес. Ее редакция такова: «Относительно экономических отношений между договаривающимися сторонами обусловлено нижеследующее:

I. Договаривающиеся стороны взаимно обязуются незамедлительно завязать экономические отношения и установить товарообмен на основании следующих постановлений:

До 31 июля текущего года должен быть осуществлен обмен излишками главнейших сельско-хозяйственных и промышленных произведений для покрытия текущих потребностей на основании следующих постановлений:

а) количество и род продуктов, обмен коими предусмотрен в предыдущем абзаце, устанавливается у каждой стороны особою комиссией, состоящей из равного числа представителей от обеих сторон и имеющей собраться тотчас по подписании мирного договора;

б) цены указанных произведений при упомянутом товарообмене устанавливаются на основании обоюдного соглашения особою комиссией, состоящей из представителей от обеих сторон;

в) расчет производится на золото на следующем базисе: 1.000 германских имперских марок = 462 карбованцам в золоте Украинской Народной Республики = 462 золотым рублям прежней Русской империи (1 рубль = $^1/_{15}$ империала) или 1.000 золотых австрийских и венгерских крон = 393 золотым карбованцам 78 грошам У. Н. Р. = 393 руб-

лям и 78 копейкам золотом прежней Русской империи (1 рубль = 1/15 империала).

г) обмен товарами, которые устанавливаются предусматриваемой в абзаце «а» комиссией, осуществляется правительственными и центральными учреждениями или находящимися под контролем правительства центральными органами.

Обмен произведениями, которые не устанавливаются вышепредусмотренными комиссиями, осуществляется путем свободных сношений, сообразуясь с постановлениями временного торгового договора, который предусмотрен в следующем пункте 2.

II. Поскольку пунктом 1 не предусмотрено иного, в основу экономических взаимоотношений между договаривающимися сторонами должны быть положены, временно, до заключения окончательного торгового договора, но во всяком случае до истечения, по крайней мере, *шести* месяцев после заключения мира между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с одной стороны, и ныне находящимися с ними в войне европейскими странами, Соед. Штатами Америки и Японией, с другой стороны, нижеследующие постановления:

А. Для экономических взаимоотношений между Германской империей и У. Н. Р. те соглашения, которые установлены в нижеследующих постановлениях германо-русского договора о торговле и судоходстве от 1894—1904 г.г., а именно: статьи 1—6, 7, включая тарифы А и В, 8—10, 12, 13—19; далее из постановлений заключительного протокола, часть первая: по статье 1 абзацы 1 и 3; по статье 5 абз. 1 и 2; по статьям 5, 6, 7, 9 и 10; по статьям 6, 7 и 11; по статьям 6—9; по статьям 6 и 7; по статье 12 абз. 1, 2, 3, 5; далее часть четвертая заключительного протокола: §§ 3, 6, 7, 12, 126, 13, 14, 15, 16, 17, 18 (с оговоркой относительно соответствующего изменения организации подлежащих правительственных учреждений) 19, 20, 21 и 23.

При этом установлено соглашение относительно следующих пунктов:

1) Остается в силе общий русский таможенный тариф от 13—26 января 1903 года.

2) Статья 5 получает следующее изложение:

Договаривающися стороны обязуются не стеснять взаимных сношений никакими запрещениями ввоза, вывоза или транзита, разрешать свободный транзит. Исключения допускаются только для таких произведений, которые на территории одной из договаривающихся сторон являются или будут являться предметом государственной монополии, равно как и для известных произведений, по отношению к которым мо-

гут быть изданы исключительные запретительные правила из соображений здоровья, ветеринарного надзора и общественной безопасности или же вследствие других весьма веских политических и экономических оснований, в особенности в связи с послевоенным переходным временем.

3) Ни одна из сторон не заявит претензий на льготы, которые предоставлены или будут предоставлены другою стороною какому-либо иному государству на основании существующего уже или будущего таможенного об'единения, как, например, существующего между Германской империей и вел. гер. Люксембургом, или же в местных пограничных сношениях в пограничном районе шириною до 15 километров.

4) Статья 10 получает следующее изложение: Товары всякого рода, проходящие транзитом через территорию одной из двух сторон, должны взаимно освобождаться от всякого транзитного сбора, безразлично, провозятся ли они сразу или во время перевозки выгружаются, хранятся на складе и затем снова погружаются.

5) Статья 12 заменяется следующим постановлением:

а) относительно взаимной охраны авторского права на произведения литературы, искусства и фотографии в отношениях между Германией и У. Н. Р. применяются постановления договора, заключенного между Германской империей и Россией 28 февраля 1913 г.;

б) относительно взаимной охраны товарных знаков надлежит и в будущем руководствоваться постановлениями декларации от 23—11 июля 1873 года.

6. Постановление заключительного протокола по ст. 19 получает следующее изложение:

Договаривающиеся стороны окажут друг другу возможное содействие в отношении железнодорожных тарифов, в особенности же путем установления тарифов прямого сообщения. Для сей цели обе договаривающиеся стороны из'являют готовность в возможно непродолжительном времени вступить друг с другом в переговоры.

7. § 5 части 4 заключительного протокола получает следующее изложение:

Установлено обоюдное соглашение относительно того, что таможенные учреждения обеих сторон будут открыты во все дни года, за исключением воскресных и законом установленных праздничных дней.

Далее идет часть под литерой «Б», которая регулирует экономические взаимоотношения между У. Н. Р. и Австро-Венгрией. Эта часть построена точно так же, как и предыдущая часть в отношении Германии. Она так же восстанавливает (с теми же изменениями) русско-австрийский торговый договор 1906 года и русский общий таможенный

тариф 1903 г. В качестве примера таможенного союза, льготы которого не могут служить прецедентом для договаривающихся сторон, эта часть указывает на союз между Австро-Венгрией и княжеством Лихтенштейн. Далее следует раздел «В», устанавливающий экономические взаимоотношения с Болгарией в следующих выражениях:

«В. Что касается экономических сношений между Болгарией и У. Н. Р., то означенные сношения, впредь до заключения окончательного торгового договора, устанавливаются на основании права наиболее благоприятствуемой страны. Ни одна из сторон не заявит претензии на льготы, которые предоставлены или же будут предоставлены другою стороною какому-либо иному государству на основании существующего уже или будущего таможенного союза или же в местах пограничных сношений в пограничном районе шириною до 15 километров.

Г. Что же касается экономических сношений между Оттоманской империей и У. Н. Р., то обе стороны будут взаимно предоставлять друг другу, до заключения нового договора, тот же режим, который они применяют по отношению к наиболее благоприятствуемой стране. Ни одна из сторон не заявит претензий на льготы, которые другая сторона предоставляет или будет предоставлять какой-либо державе на основании уже существующего или будущего таможенного союза или же в местных пограничных сношениях.

III. Срок действия временных постановлений, предусмотренных в пункте II настоящего договора для экономических сношений между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Оттоманской империей, с одной стороны, и У. Н. Р., с другой стороны, может быть продлен с обоюдного согласия сторон. В случае, если предусмотренные в абзаце первом пункта II сроки не наступят ранее 30 июля 1919 г., то каждой из договаривающихся сторон предоставляется, начиная с 30 июня 1919 г., с предварением за 6 месяцев, денонсировать содержащиеся в упомянутом пункте постановления.

IV. а) У. Н. Р. не заявит никаких претензий на льготы, которые Германия предоставит Австро-Венгрии или другой связанной с нею таможенным союзом стране, которая граничит с Германией или непосредственно, или же через какую-либо другую страну, соединенную с нею или с Австро-Венгрией таможенным союзом, или же которые предоставляются Германией как своим собственным колониям, внешним владениям и землям, находящимся под покровительством, так и тем странам, которые находятся с нею в таможенном союзе.

Германия не заявит никакой претензии на льготы, которые предоставляются У. Н. Р. какой-либо другой связанной с нею таможенным

союзом стране, которая граничит с Украиною непосредственно или же через посредство какой-либо иной связанной с нею таможенным союзом страны, или же землям, находящимся под покровительством какой-либо находящейся с нею в таможенном союзе страны.

Пункт б) повторяет абзац «а» в отношении Австро-Венгрии, в той же редакции.

V. а) Поскольку в нейтральных государствах находятся товары германского или украинского происхождения, на которые наложено обязательство в том, что они не должны быть вывезены непосредственно или через чье-либо посредство во владения другой договаривающейся стороны, подобные ограничения в распоряжении ими должны быть отменены по отношению к договаривающимся сторонам. В виду сего обе договаривающиеся стороны обязуются безотлагательно оповестить правительства нейтральных государств относительно вышеуказанной отмены означенных ограничений.

б) Поскольку в нейтральных странах находятся товары австро-венгерского или украинского происхождения и т. д. (как в пункте «а»).

Что же представляет собою только что цитированная ст. VII договора между Украиной и Четверным Союзом по отношению к предыдущим документам торговой политики этого и предшествующего периодов мирных переговоров? Наиболее существенным из этих документов следует считать ст.ст. 4—7 германского проекта, оглашенного на заседании 28 декабря 1917 г. и цитированного выше. Что представляет собою указанная ст. VII украинско-германского договора по сравнению с программой, изложенной в ст.ст. 4—7 германского проекта первой стадии переговоров?

Под'итожим условия ст. VII. Они сводятся к следующим пунктам:

1. Устанавливается особый режим (на особых условиях) *до 31 июля 1918 г.,* в течение каковую срока оба правительства (вернее, три — У. Н. Р., с одной стороны, и Германия и Австро-Венгрия,—с другой), должны осуществить обмен «излишками главнейших сельско-хозяйственных и промышленных произведений для покрытия текущих потребностей».

2. До заключения всеобщего мира (с прибавлением льготных шести месяцев после его заключения), устанавливается порядок экономических сношений, основанных на восстановлении русско-германского договора 1904 г. (с определенными изменениями, о которых ниже) и русского общего тарифа 1903 г. В отношении срока действия этих временных правил введена оговорка, что, если всеобщий мир не будет заключен до 30 июня 1919 г., то стороны могут не ранее шестимесячного срока с

этого момента (с соответствующим предупреждением) денонсировать эти правила. Таким образом, крайним сроком действия этих временных правил следует считать 30 декабря 1919 года.

3. Ниже мы остановимся на детальных изменениях договора 1904 г., предусмотренных ст. VII, теперь же укажем на существенные пункты его, вводимые как «поправки» к договору 1904 г.

а) Абсолютная свобода ввоза, вывоза и транзита.

б) Оговорка о льготах, даваемых одной стороной—третьей, связанной с нею таможенным союзом, не могущих быть прецедентами для второй договаривающейся стороны (примеры: Германия и Люксембург, Австрия и Лихтенштейн).

в) Оговорка о льготах германо-австрийских, австро-германских, колониальных и т. д.

4. Право наибольшего благоприятствования между У. Н. Р. и Болгарией и между У. Н. Р. и Турцией.

5. Оговорка о взаимном снятии запрещений вывоза товаров из одной договаривающейся стороны в другую договаривающуюся сторону.

6. Полная отмена каких бы то ни было транзитных пошлин.

Достаточно этого перечисления для того, чтобы увидеть, как далеко шагнула германская торгово-политическая мысль с 28 декабря 1917 г. до 9 февраля 1918 г. Ст.ст. 4—7 германского проекта первого периода содержит только в зачатке то, что ст. VII германо-украинского договора уже цитирует в полном об'еме.

Сравним оба эти документа последовательно. Ст. 5 германского проекта туманно намекает, что обе стороны «будут облегчать взаимный товарообмен, в особенности путем покрытия избытками одной стороны нехваток другой».

Ст. VII германо-украинского договора определенно настаивает на этом обмене и устанавливает его твердые условия, далеко не к выгоде Украины.

Та же ст. 5 германского проекта говорит о неизбежных (после войны и в период ее ликвидации) «ограничениях сношений, как-то: запрещение вывоза, урегулирование ввоза и т.д.».

Наоборот, ст. VII германо-украинского договора говорит о полной свободе вывоза, ввоза и транзита.

Следует указать, что полная свобода была, конечно, в интересах Германии, потому что ей нужно было русское и украинское сырье. Напротив, она не возражала против формальной свободы вывоза своих

фабрикатов, которая на деле должна была регулироваться лишь вывозной способностью ее рынка во время войны.

Ст. 5 германского проекта говорит о предстоящей «организации товарообмена» и намечает даже путь для установления этой организации.

Ст. VII договора об организации товарообмена (организации, которая могла бы быть полезной России и Украине, как более слабым, по сравнению с Германией, странам) ничего не говорит.

Ст. 6 германского проекта категорически устанавливает, что договор 1894—1904 г.г. не вступает в силу, и об'являет, что стороны приступят в возможно скором времени к переговорам о заключении нового торгового договора.

Ст. VII германо-украинского договора делает огромный шаг вперед (в германских интересах) и вновь воскрешает договор 1904 г., с поправками опять-таки к выгоде Германии.

Ни одна статья проекта 28 декабря 1917 г. не упоминает о свободе транзита (следует иметь в виду, что свобода транзита через Россию и Украину на Восток нужна Германии, в то время как транзит через Германию абсолютно или почти бесполезен России).

Ст. VII германо-украинского договора устанавливает полную свободу транзита и прокламирует уничтожение транзитных пошлин.

В одном только вопросе ст. VII как-будто идет назад (с германской точки зрения) по сравнению с проектом. Так, последний полагал установить действие права наибольшего благоприятствования сроком на 20 лет. Статья же VII договора устанавливает этот срок лишь до 30 декабря 1919 г., т.-е. на 2 года.

Поправки, внесенные ст. VII германо-украинского договора в постановления русско-германского договора, незначительны и, главным образом, носят редакционный характер. Но все же германские редакторы не забывают выкинуть из договора ст. 11 русско-германского договора 1904 г., устанавливающую, что льготы, даваемые Россией означенным странам, не могут быть основанием для требования подобных же льгот со стороны Германии.

Из сравнения статьи VII украинско-германского договора (герм. вариант) мы уже видели, как далеко ушла Германия в своих требованиях. Но огромная разница получается и в том случае, если сравнить ст. VII с требованиями Германии в экономической комиссии *второго* периода, т.-е. того самого периода, когда заключался договор с Украиной.

Необходимо отметить, что Германия заставила *украинцев* принять такие условия, которые она не решалась даже *предложить* российской делегации. При переговорах в экономической комиссии (второго периода) глава германских представителей ф.-Кернер, между прочим, автор русско-германского торгового договора 1904 г., очень настаивал на том, чтобы договор 1894—1904 г.г. был принят российской делегацией за основу будущих русско-германских торговых отношений. Российская делегация категорически отказалась, заявив, что вся ситуация настолько изменилась, что о востановлении старого нечего и думать,—к тому же положение всемирного рынка настолько неустойчивое, что, вообще, не может быть речи о заключении каких-нибудь долгосрочных таможенных и т. п. трактатов. С последним аргументом не могли не согласиться немцы, и в дальнейшем разговор шел уже только о *кратковременном соглашении:* эта сторона сохранена и в германо-украинском договоре, действительном только на 6 месяцев по заключении *всеобщего мира.* Но и в проекте этого кратковременного (русско-германского) соглашения немцы не решились ввести не выгодную для России часть договора 1894—1904 г.г. *о таможенных пошлинах,* дававших германской промышленности ряд существенных льгот в ущерб русской промышленности. «Мы знаем, что этого вы не примете»,—прямо говорили германские представители. И вот после этого (или, вернее, одновременно с этим) в договоре 9 февраля (ст. VII, раздел второй, пункт а) сказано: «в основу экономических отношений между Украиной и Германией будут положены статьи (см. выше) русско-германского торгового договора 1894—1904 г.г., *включая тарифы А и В*».

Это не все. Наиболее ценной для обеих сторон особенностью старого русско-германского договора 1894—1904 г.г. (при чем для этого Германия в период 1892—1894 г.г. пришлось побороть сопротивление России, не желавшей ей давать право наиболее благоприятствуемой нации) было право наибольшего благоприятствования, предоставлявшееся договаривающимися сторонами *друг другу.* Всякая льгота, предоставленная Россией,—скажем, Америке, по ввозу машин,—автоматически распространялась и на германские машины; в то же время, всякая льгота Германии американскому хлебу так же автоматически распространялась и на русский хлеб. В *равенстве* этого благоприятствования для обеих сторон и была вся его суть. Без этого условия это право благоприятствования делается однобоким, в пользу одной (наиболее сильной) стороны и в ущерб другой. В своем проекте, представленном в экономическую комиссию, немцы делали оговорку, что право России на наибольшее благоприятствование не распространяется на те льготы, которые

Германия предоставит Австро-Венгрии. Но Австро-Венгрия ввозила в Германию исключительно *сырье*—хлеб, скот, лес и т. п., т.-е. являлась прямой и непосредственной конкуренткой *России; а в первую голову— Украины.* И вот в договоре 9 февраля ст. VII, разд. IV, п. а) говорит о том, что предоставляемое Украине право наибольшего благоприятствования не распространяется на льготы, которые Германия (а в следующих пунктах—Австро-Венгрия, Болгария и Турция) окажет какому-нибудь третьему государству, связанному с нею или же с Австро-Венгрией таможенным союзом, или же своим колониям. Для соблюдения внешнего декорума такое же право дано и Украине. Но о каком таможенном союзе, *опасном* в этом отношении для Германии, могла мечтать Украина? В переговорах с российской делегацией в экономической комиссии Германия первоначально выставила этот же самый однобокий проект. Но затем, в дальнейшем ходе переговоров, немцы уступили и продолжали настаивать *только* на особых льготах по отношению к Австро-Венгрии. Украинский договор дал им maximum их запроса.

Второй период мирных переговоров, длившийся с 9 января по 10 февраля 1918 г., явился, как известно, кульминационным пунктом всей конференции. Именно в этот период произошло решительное сражение между германским империализмом и русской революцией, сражение, нашедшее себе место в знаменитых диалогах Кюльмана и Троцкого.

В этот же период, когда происходили эти диалоги в политической комиссии, заседали специальные комиссии по правовым и экономическим вопросам. К заседаниям экономической комиссии мы и обратимся.

Первое заседание экономической комиссии состоялось 6 января 1918 г. Как было условлено во время еще первого периода конференции, комиссия по экономическим вопросам должна была рассмотреть принципы будущего торгового договора, на основе ст.ст. 4—7 проекта договора, оглашенного на заседании политической комиссии от 28 декабря 1917 г. На первом же заседании экономической комиссии (т.-е. 6 января 1918 г.) австро-германская делегация предложила, вместо обсуждения принципов будущего торгового договора, начать обсуждение договора 1904 г. по пунктам и, путем обсуждения отдельных пунктов, выяснить, что из старого договора может быть восстановлено. Российская делегация категорически отвергла это предложение. После этого комиссия приступила к обсуждению принципов будущего торгового договора, и стороны обменялись проектами своих предложений. Таким образом, несмотря на отказ русских делегатов восстановить договор 1904 г., высказанный еще в первом периоде, несмотря на предварительное согла-

шение относительно ст. ст. 4—7 проекта мирного договора, в которых говорится о невосстановлении договора 1904 г., Германия сделала еще одну попытки привести свое желание в исполнение.

На первом заседании экономической комиссии российская делегация предложила обсудить п.п. 4, 5, 6, 7 и 8 германского проекта договора, врученного еще во время первого периода переговоров. В ответ на это председательствовавший в германской комиссии Кернер сделал следующее заявление: «Вам должно быть известно, что нам приятнее всего было бы, по возможности, сохранить многое из нашего старого договора (т.-е. договора 1894—1904 г.г.), и мы глубоко убеждены, что более внимательное ознакомление с текстом этого действовавшего до войны договора покажет, что можно было бы сохранить целый ряд постановлений его, будь то на время или даже навсегда. Поэтому нам кажется целесообразным, прежде всего, приступить к пересмотру отдельных пунктов старого договора в порядке их последовательности».

Таким образом, это откровенное заявление лишний раз подчеркивало желание Германии восстановить договор 1894—1904 г.г., как соответствующий ее интересам. Это желание было еще раз подтверждено в об'яснительной записке германского правительства, которую последнее внесло при ратификации Брестского договора в рейхстаг. В этой записке определенно говорится, что «нашим (т.-е. германским) интересам соответствовало бы восстановление договора 1894—1904 г.г.

Российская делегация возражала против рассмотрения старого договора, ссылаясь на прения первого периода, и добилась на первом заседании обсуждения того проекта договора, который был внесен австро-германской делегацией во время первого периода переговоров.

По вопросу о первоначальном проекте, возникли прения уже на первом заседании. Эти прения возникли по пунктам 4 и 5 первоначального германского предложения.

Так, по пункту 4, в котором говорилось, что «к гражданам, судам или товарам каждой из договаривающихся сторон следует относиться с неменьшим благоприятствованием, нежели к гражданам, судам и товарам какого-либо иного государства, не пользующегося в данном отношении никакими установленными договором правами», российская делегация внесла предложение, смысл которого заключался в том, чтобы граждане одной из договаривающихся сторон на территории другой пользовались бы полным равноправием с туземцами. Германская делегация была чрезвычайно обеспокоена этим предложением и возражала, что подобная формула означала бы предоставление русским гражданам избирательных прав в германский рейхстаг, что противоречило бы гер-

манской конституции. Российская делегация успокоила германскую тем, что речь идет лишь о предоставлении прав в экономической и торговой областях, а не политических, хотя российская делегация принципиально высказывается и за последнее.

Тем не менее вопрос о пункте 4 на этом заседании не был решен и стороны перешли к обсуждению пункта 5, где говорится о прекращении войны в экономической области. Против редакции германского проекта (см. выше) российская делегация представила свою редакцию этого пункта, при чем эта редакция отличалась от германской двумя особенностями. Говоря о прекращении войны в экономической области, германская редакция заявляла, что оба договаривающиеся государства не только не будут продолжать прямо или косвенно враждебных действий в экономической области, но и «будут всеми находящимися в их распоряжении средствами препятствовать в пределах своего государства таковым мероприятиям, даже если бы они исходили по инициативе частной или *какой-либо другой стороны*».

Российская делегация в своей редакции этого пункта выбросила оговорку о препятствии враждебным действиям в экономической области, если бы они исходили от какой-либо иной, кроме правительственной, инициативы.

Смысл этого разногласия был довольно значительный и заключался в следующем: указанной редакцией пункта 5 Германия пыталась втянуть Советскую Россию в экономическую борьбу против ее бывших союзников. Обязываясь препятствовать всякой экономической войне, исходившей по инициативе «какой-либо иной стороны», Россия тем самым обязывалась бы участвовать в экономической борьбе, которую Германия продолжала вести с Англией, Францией и другими. Разрывая с англо-французским империализмом, Советская Россия отнюдь не имела никакого желания помогать империализму германскому. Вот почему российская делегация, отдавая себе отчет в значении этой оговорки, опустила ее.

Другое разногласие по пункту 5 возникло в вопросе об организации товарообмена. В германской редакции было сказано, что обе стороны используют переходное время для «организации товарообмена»; этими двумя словами германская делегация отдавала дань тем разговорам и заявлениям т.т. Покровского и Иоффе о новой системе внешней торговли Советской России, которые были сделаны во время первого периода переговоров. Однако, эти два слова не заключали в себе никакой программы в отношении организации взаимного товарообмена.

В отличие от германской редакции, русская редакция этого же пункта отличалась большей определенностью. В ней было сказано, что «одновременно с этим будут, по возможности, приняты меры для установления непосредственного товарообмена между договаривающимися сторонами». Поясняя эту редакцию, тов. Иоффе заявил, что в ней выражается пожелание по возможности вести внешнюю торговлю непосредственно от государства к государству.

И по этому вопросу на первом заседании не было достигнуто соглашения, и прения по обоим пунктам были перенесены на следующее заседание.

На втором заседании экономической комиссии снова разгорелся бой по вопросу о восстановлении или невосстановлении договора 1894—1904 г.г. Мы уже указывали, что германская делегация неоднократно высказывала свою точку зрения на желательность для Германии возобновления этого договора. В указанном заседании председатель германской делегации ф.-Кернер снова выступил в пользу восстановления этого договора. Указав на то, что в России существует предубеждение против этого договора, он заметил, что это предубеждение «не имеет под собой солидной почвы». «Насколько нам известно,—продолжжал он далее,—в России существует убеждение, что при старом договоре ввоз товаров из Германии в Россию значительно увеличился по сравнению с вывозом товара из России в Германию. Это убеждение почти целиком основывается на статистических данных, по нашему мнению, неправильных; русская статистика присчитывает германскому ввозу также и те товары, которые идут только транзитом через Германию, и, наоборот,—не считает ввозом в Германию те товары, которые идут в Германию через гавани, не принадлежащие Германии, в особенности же через голландские и бельгийские».

Исходя из этой аргументации, ф.-Кернер считал не только возможным, но и необходимым сохранить ряд статей старого торгового договора.

Российская делегация возражала против этого, при чем основной аргумент ее против возобновления договора 1894—1904 г.г. заключался вовсе не в доказательстве невыгодности этого договора для России, а в том, что, по ее мнению, «не наступило еще время заключать вообще какой-либо торговый договор». Эту аргументацию российская делегация повторяла неоднократно, полагая, что переходное время, продолжение войны между Германией и Антантой и шаткость общей экономической кон'юнктуры не позволяют заключить какой-либо длительный и устойчивый торговый договор.

Таково было первое разногласие, оставшееся нерешенным, хотя русская делегация и предложила при обсуждении вопроса иметь в качестве материала также и старый русско-германский торговый договор.

Второе, гораздо более серьезное, разногласие возникло по вопросу о толковании об'ема права наибольшего благоприятствования. Разногласие это заключалось в том, что Германия предлагала не считать из'ятием из этого права те льготы и преимущества, которые Германия предоставляла или предоставит, кроме великого герцогства Люксембургского и австрийских общин Миттельберг и Юнгхольц, входящих в германский таможенный союз,—еще Австро-Венгрии и балканским странам. Таким образом, если бы германское предложение было принято, то Россия не могла бы претендовать на льготы, которые Германия предоставит, например, венгерскому хлебу или болгарскому скоту.

Возражая против такого ограничения права наибольшего благоприятствования, российская делегация в указанном заседании выдвинула, с своей стороны, формулировку, в которой она предложила, чтобы Россия не претендовала на те льготы и преимущества, которые Германия предоставила или предоставит своим колониям, но, с другой стороны, Германия не должна претендовать на те преимущества, «которые могут быть предоставлены Россией пограничным с нею азиатским землям, а также самостоятельным государствам, выделившимся из состава бывшей Российской империи».

По поводу этих двух формулировок завязалась чрезвычайно интересная дискуссия, в которой приняли участие со стороны Германии Кернер и Штокгаммер, а со стороны России—Иоффе и Радек. Эта дискуссия касалась не только приведенных формулировок, но и более общего вопроса о создании так называемой средней Европы. Дискуссия не привела на указанном заседании к положительным результатам, так как русская сторона категорически восставала против германского предложения относительно из'ятий для права наибольшего благоприятствования.

На этом же заседании была образована специальная подкомиссия, которая занялась постатейным чтением старого торгового договора в целях выяснения, какие из этих статей можно было бы оставить. Эта подкомиссия не пришла к каким-либо положительным результатам, и на третьем заседании экономической комиссии тов. Иоффе считал нужным отметить, «что по принципиальным вопросам соглашение еще не достигнуто».

Третье заседание было посвящено довольно бесплодным спорам о методе дальнейших работ.

Четвертое заседание ушло, кроме вопросов, не имеющих особенно важного значения, на возобновление дискуссии об из'ятии из права наибольшего благоприятствования. Обе стороны стояли на своих прежних позициях и соглашения снова достигнуто не было.

На пятом заседании комиссии, в числе прочих вопросов, возник вопрос о транзите через Россию. Германская делегация предложила, чтобы из формулировки о транзите, бывшей в старом договоре, были удалены слова: «за исключением направлений, кои для транзита закрыты или будут закрыты». Российская делегация не возражала против этого предложения, хотя она ясно представляла себе, что этим предложением Германия добивается для себя права свободного транзита через Россию на Восток и, в частности, в Персию, какого права она не имела по старому договору. С своей стороны, российская делегация предложила внести оговорку, в силу которой «ограничение транзита допустимо в порядке обще-государственного урегулирования хозяйственной жизни страны, в особенности в переходное время, следующее за окончанием войны». По этому вопросу возник обмен мнений, в результате которого германские делегаты согласились обсудить русское предложение.

Следующим серьезным вопросом был вопрос о таможенных тарифах. Как было предварительно условлено (на что Германия дала свое согласие), тарифы А и Б прежнего договора не должны были больше вступать в действие. Однако, на пятом заседании экономической комиссии германская делегация отметила желательность какой-либо гарантии «против того, чтобы с отменой этих тарифов к Германии не применялись высокие ставки русского автономного тарифа». Развивая это предложение, Кернер расшифровал его в том смысле, что, в случае повышения русского автономного тарифа, его ставки не должны превышать 40% стоимости товара. По этому вопросу чрезвычайно интересно отметить позицию российской делегации. Она стояла на точке зрения невозможности обсуждения вообще вопроса о таможенных тарифах в виду новой системы внешней торговли России, сводящейся к почти полной ее национализации. Отвечая Кернеру, тов. Иоффе заявил: «Я знаю, что стремления российского правительства сводятся к тому, чтобы вести внешнюю торговлю, по возможности, прямо от государства к государству и, по возможности, путем прямого обмена. В данный момент в России уже существует декрет, на основании которого без разрешения Всероссийского Экономического Совета воспрещен какой бы то ни было вывоз из России».

Далее, в виду того, что германская делегация настаивала на своем предложении, тов. Иоффе заявил следующее: «Необходимо считаться с

тем, что государство вступает на путь государственного регулирования торговли. Вполне понятно, что повышение таможенных ставок не в интересах какого бы то ни было из ныне воюющих государств, но в этом государственном урегулировании следовало бы предоставить свободу самому правительству; таким образом, может случиться, что в отношении определенной категории товаров вообще будут уничтожены таможенные пошлины, но в то же самое время в отношении другой категории товаров, например, в отношении предметов роскоши, будет признано необходимым повысить таможенные ставки более, чем на 40%. По этой причине такое общее ограничение казалось бы не вполне удобным».

Поясняя свою мысль, тов. Иоффе прибавил: «Невозможность установления максимума повышения таможенных ставок коренится в самом факте экономической разрухи. В данный момент это просто невозможно: когда не известны самые цены товаров, то трудно установить максимум или минимум таможенных ставок».

Таким образом, взгляд российской делегации на предстоящую организацию внешней торговли России и на возможную таможенную политику был высказан достаточно ясно и полно. С этим взглядом выпуждена была согласиться и германская делегация. Протоколы соответствующего заседания экономической комиссии совершенно отчетливо говорят, что если бы мирный договор был подписан в период заседаний экономической комиссии, то одно из самых одиозных торгово-политических условий Брестского мира не имело бы места. Этим условием была необходимость со стороны России применять по отношению к германскому ввозу при неизмеримо возросших ценах устаревшие ставки тарифа 1903 г. и конвенционного тарифа 1904 г. Если бы, повторяю, Брестский договор был заключен во время второго периода переговоров, то, как это явствует из цитируемых протоколов, Россия сохранила бы за собой право на автономную таможенную политику. То, что Германия уступила во время работ экономической комиссии, она немедленно взяла обратно, как только общая ситуация изменилась и события позволили пред'явить России знаменитый берлинский ультиматум от 21 февраля 1918 г.

На этом, однако, не окончились уступки со стороны Германии.

В заседании экономической комиссии 28 января 1918 г. Кернер внес формулировку, которую приняла подкомиссия, рассматривавшая старый договор 1904 года с точки зрения возможности сохранения тех или иных статей этого договора. В данном случае эта формулировка касалась новой редакции статьи 8 старого договора. Эта редакция рассматривала вопрос о внутренних сборах, при чем приравнивала сборы с произведений другой страны к сборам с произведений собственной страны.

Далее указанная редакция продолжала: «поскольку сырые материалы или полуфабрикаты облагаются внутренними сборами, допускается, с целью уравнения, соответственный сбор с привозимых произведений, приготовляемых из этих сырых материалов или полуфабрикатов, даже и в том случае, когда однородные отечественные произведения не облагаются».

Указанной редакцией Германия соглашалась на возможность регулирования со стороны России с помощью акцизной системы цен на германские товары. Иначе говоря, то, чего бы России не удалось сделать с германскими товарами при помощи автономной таможенной политики, она могла бы дополнить с помощью акцизной политики.

И это условие было взято Германией в третий период переговоров обратно. Однако, будучи принятым во второй период переговоров в экономической комиссии, оно является характерным и ярким примером тех уступок, на которые шла в этот момент Германия, и того желания заключить договор с Россией, которое у нее в этот момент было.

Во время работ экономической комиссии Германия сделала еще одну попытку нападения на автономность русской таможенной политики. Это было сделано по вопросу о вывозе из России леса и руды. Как указывали германские представители, вопрос о вывозе из России руды и леса для Германии чрезвычайно важен, и поэтому они предложили следующую редакцию статьи, которая лишила бы Россию права автономно регулировать вывоз этих чрезвычайно важных об'ектов ее экспорта. Статья была предложена со стороны германской делегации в следующей редакции: «Взаимный товарообмен должен по возможности мало затрудняться вывозными пошлинами. Равным образом не следует вводить более высоких вывозных пошлин на сырой или отесанный лес и на руду, нежели те, которые существовали 1 августа 1914 г.». При этом германский представитель добавил, что «конечно, при этом следовало бы еще иметь в виду недопущение полного воспрещения вывоза».

Иными словами, германская делегация, потерпев неудачу на попытке ограничить автономную таможенную политику России в вопросах ввоза, попыталась добиться этого ограничения в вопросах вывоза и, в частности, вывоза таких существенных предметов, как лес и руда.

По этому вопросу возникла продолжительная дискуссия, при чем точка зрения русской делегации была снова подчеркнута, как точка зрения полной автономности в вопросах как регулирования ввоза и вывоза, так и в вопросе о ввозных и вывозных таможенных пошлинах.

После этой дискуссии, во время которой со стороны германской делегации не было проявлено ультимативных требований, вопрос остался открытым.

И эта попытка Германии навязать России невозможность регулирования ее вывоза окончилась неудачей.

И в этом вопросе, как и в предыдущем, Германия воспользовалась ультиматумом 21 февраля 1918 г. для того, чтобы навязать России то условие, которого ей не удалось добиться во время переговоров в экономической комиссии.

Работы экономической комиссии не были закончены в виду разрыва по другим вопросам политического характера и, в частности, по вопросу об оккупированных территориях.

После внимательного рассмотрения цитированных выше протоколов экономической комиссии мы не можем не прийти к тому же выводу, к которому пришел во время переговоров председатель российской делегации тов. Иоффе, писавший *), что во время работ экономической комиссии немцы проявляли «уступчивость, приводящую к убеждению, что не будь разрыва по политическим вопросам, в этой области удалось бы достигнуть соглашения».

Прибавим, что не только удалось бы достигнуть соглашения, но самое соглашение было бы выгодным для Советской России применительно к условиям ее тогдашнего международно-политического и внутренне-экономического положения.

В самом деле. Подведем итоги работам экономической комиссии.

Во время этих работ было категорически зафиксировано (несмотря на то, что российская делегация согласилась, не желая обострять положения, рассматривать старый торговый договор 1904 г., как один из материалов для будущего торгового договора), *что наиболее одиозные части этого договора, а именно конвенционные тарифы А и В не вступят в силу.*

Одновременно с этим российская делегация *добилась для России полной автономности в вопросах как регулирования ввоза и вывоза, так и ввозных и вывозных таможенных пошлин.* Одно это явилось колоссальной победой российской делегации. Германия, будучи победительницей и имея возможность навязать России какой угодно таможенный тариф и какую угодно таможенную политику (что она и сделала после ультиматума 21 февраля), согласилась на предоставление России полной автономности в ее таможенной политике.

Не менее важной *была победа российской делегации по вопросу о распространении права наибольшего благоприятствования.* Выставив первоначально требование нераспространения права наибольшего благоприятствования на льготы, предоставляемые Австро-Венгрии и балкан-

*) См. „Известия“ от № 17 февр. 1918 г.—„Торговый договор“.

ским странам, Германия вынуждена была под напором русской делегации отказаться от особой трактовки балканских стран и продолжала лишь настаивать на таковой трактовке для Австро-Венгрии.

Победой российской делегации было также отклонение попытки Германии втянуть Россию в экономический союз против Англии.

Для того, чтобы в достаточной мере оценить победу Советской России во время работ экономической комиссии, достаточно сравнить цитированные протоколы и зафиксированные в них положения со статьей VII германо-украинского договора, заключенного в этот же период (См. выше).

Равным образом важно сравнить результаты работ экономической комиссии второго периода с соответствующими пунктами § VII ультиматума от 21 февраля 1918 г., как и приложение 2-е к статье XI Брестского договора.

Сравнение с германо-украинским договором сделано было нами выше. Что же касается сравнения с соответствующими постановлениями Брестского договора, то это сравнение может быть дано в следующей форме:

Перечислим по порядку все те положения, которые вошли в окончательный текст Брестского договора, а именно, приложение 2-е к ст. XI, и против каждого положения приведем соответствующее положение, достигнутое во время переговоров второго периода в экономической комиссии.

Эти положения таковы: по Брестскому договору русско-германский торговый договор 1894—1904 г.г. не вступает больше в силу. Но это только формальная оговорка. В действительности вступало в силу все содержание этого старого договора, включая и наиболее одиозные тарифы А и Б. Кроме того, в тех случаях, где не применялись эти тарифы, действовал общий русский таможенный тариф 1903 г. Таким образом, автономность русской таможенной политики абсолютно не имела места.

В отличие от этого положения, как мы видели выше, России удалось во время переговоров экономической комиссии добиться для себя автономности таможенной политики. Это было столь большой победой, что лишь одна она могла бы покрыть собою другие экономические условия мира.

Далее, Брестский договор построен на принципе наибольшего благоприятствования. Не говоря о том, что этот принцип изложен в редакции, явно направленной против интересов России, он содержит в себе оговорку о нераспространении в порядке наибольшего благоприятствования на Россию тех льгот, которые Германия предоставила или предо-

ставит Австро-Венгрии «или другой, связанной с ней таможенным союзом, стране».

Если вспомнить, что на заседании экономической комиссии Германия отказалась от особого льготного трактования балканских стран и лишь защищала это право в отношении Австро-Венгрии, то нужно будет признать, что и в этом вопросе в экономической комиссии России удалось одержать победу, от плодов которой пришлось отказаться во время третьего периода.

Далее, Брестский договор содержит обязательство России «ни запрещать, ни облагать вывозными пошлинами вывоз сырого и обработанного леса и всякого рода руд».

Этого запрещения, наносящего ущерб как принципу автономности русской таможенной политики, так и реальный ущерб русскому народному хозяйству, Германии не удалось добиться в экономической комиссии.

Таковы наиболее существенные различия между результатом работ экономической комиссии и окончательным текстом Брестского договора.

Эти различия лишь подтверждают высказанное выше суждение о значении работ экономической комиссии и достигнутых ею результатах.

Комиссия, как известно, прервала свои работы в виду общего разрыва переговоров. Тем не менее важно восстановить и зафиксировать те результаты, к которым она в свое время пришла.

Одновременно с экономической комиссией во время второго периода переговоров работала и правовая комиссия. Первое ее заседание состоялось 7—20 января 1918 г. На этом заседании была установлена программа работ правовой комиссии, заключавшая в себе следующие вопросы: 1) восстановление мира и международных отношений; 2) возмещение причиненных войною убытков; 3) восстановление государственных договоров; 4) восстановление частных прав; 5) возмещение убытков, причиненных насильственными актами вне зоны военных действий; 6) обмен военнопленными и гражданскими пленными, забота о братских могилах; 7) забота о реэмигрантах; 8) амнистия; 9) отношение к попавшим во власть неприятеля торговым судам и корабельным грузам; 10) организация Шпицбергенского архипелага; 11) заключительные постановления.

Эта программа работ была внесена германской делегацией, и российская делегация не возражала против нее.

Вопрос о первых двух статьях, формулирующих прекращение войны и возобновление дипломатических и консульских отношений, не

вызвал разногласий между обеими делегациями. Точно так же быстро был решен вопрос о восстановлении государственных договоров в том смысле, что восстанавливаются все договоры, поскольку в настоящем мирном договоре не будет содержаться по этому поводу противоположных указаний.

Вопрос, предусмотренный ст. 4—об обмене военнопленными,—был также быстро согласован. Это произошло потому, что еще до начала брестских переговоров и во время их продолжения работала в Петрограде смешанная русско-германская комиссия, занимавшаяся практически вопросом о военнопленных.

В следующем вопросе—о восстановлении частных прав—встретились уже затруднения. Первое из них касалось предложения германской делегации, формулированного в следующих выражениях: «Каждая из договаривающихся сторон, включая и входящие в ее состав государства, немедленно после ратификации прелиминарных условий мира возобновляет уплату своих обязательств, в особенности процентов по государственным обязательствам подданным другой стороны». По поводу этого пункта председатель российской делегации тов. Иоффе оставил за собой право «в дальнейшем высказать свое отношение к этому пункту, потому что, насколько ему известно, у российского правительства существует тенденция отказаться от уплаты государственных обязательств». Как известно, этот вопрос был решен лишь в дополнительном русско-германском договоре от 27 августа 1918 г.

Вторым вопросом в этой рубрике (восстановление частных прав), вызвавшим серьезные разногласия и оставшимся до конца несогласованным, была формулировка германской делегации, касающаяся возмещения убытков частных лиц, понесенных последними в результате войны. Германская делегация стала на ту точку зрения, что подлежат возмещению лишь убытки частных лиц, понесенные ими в результате военного законодательства или распоряжений органов власти, но при этом только на территориях, находящихся вне зоны военных действий. При этом имелись в виду главным образом убытки, понесенные в России как германскими подданными во время анти-немецких беспорядков 1915 г., так и убытки лиц немецкого происхождения в России, понесенные последними в силу распоряжения царского правительства о ликвидации немецкой земельной собственности. В то же самое время германская делегация категорически отказывалась говорить о возмещении убытков, нанесенных частным гражданам распоряжениями военных властей в зоне военных операций.

По этому поводу российская делегация заявила протест, при чем обосновывала его следующим образом: «как при обсуждении политиче-

ских вопросов в отношении оккупированных территорий, германская делегация, приняв лозунг мира без аннексий, фактически свела дело к скрытым аннексиям, точно так же в вопросе о возмещении убытков дело сводится в конце концов к тому, чтобы выжать у народных масс России несколько миллиардов рублей, что, на наш взгляд, если и не называется контрибуцией, в действительности оказывается таковой в скрытой форме. Мы не возражаем против возмещения убытков, но мы протестуем против того принципиального правового обоснования, которое стремятся придать отказу от уплаты в одном случае и требованию уплаты в другом.

В нашем первоначальном проекте выставлялось предложение возвратить уже полученные от населения оккупированных областей контрибуции, уплатить за произведенные на этих территориях реквизиции и создать специальный международный фонд для возмещения убытков, понесенных населением разгромленных провинций. Германская делегация отклонила первое предложение, указав на то, что взимавшиеся германским и австрийским верховным командованием контрибуции шли исключительно на нужды поддержания порядка в названных областях; второе предложение было отклонено указанием германской делегации на то, что справедливо было бы распространить общий принцип отказа от возмещения военных издержек и военных убытков также и на реквизиции, и, наконец, по поводу последнего предложения германская делегация сослалась на громоздкость создания международного фонда».

Прения по этому вопросу заняли два заседания правовой комиссии 23 и 25 января 1918 г. и не привели ни к каким результатам.

По вопросу о военнопленных, в общем решенному, встретились разногласия лишь в области возмещения содержания этих военнопленных за время их плена. Германия стояла на той точке зрения, что это возмещение должно быть взаимно произведено. Российская же делегация исходила из того обстоятельства, что оба воевавших государства привлекали военнопленных к принудительным работам и при этом платили им мизерную заработную плату, а потому каждая страна уже сама возместила свои расходы по содержанию военнопленных.

Вопрос об амнистии, долженствующей быть об'явленной в каждой стране, вызвал принципиальное замечание российской делегации, которая отметила, что в предлагаемом Германией проекте амнистии нет амнистирования для одной категории пострадавших в течение войны. «Это те, которые понесли наказание за свою борьбу в пользу мира, хотя и не действовали в интересах враждебного государства, но, наоборот, в интересах своего собственного государства». При этом российская де-

легация имела в виду социалистов-интернационалистов, боровшихся против войны и сидевших в тюрьмах Германии, а в частности—Карла Либкнехта.

Германская делегация отвела это замечание формальным указанием на то, что каждая сторона может заботиться лишь об амнистии тех лиц, которые являлись ее подданными, либо работали на ее пользу. Что же касается «амнистирования тех лиц, которые не находились в определенных отношениях к другой стороне, то оно должно быть предоставлено автономному усмотрению каждой из договаривающихся сторон».

Не вызвала разногласий рубрика вопросов, касающихся, «отношения к попавшим во власть неприятеля торговым судам и корабельным грузам». Эта рубрика была сформулирована в пяти статьях.

Последним вопросом (если не считать формального вопроса о заключительных постановлениях), рассматривавшимся на заседаниях правовой комиссии, был вопрос о Шпицбергене. Германская делегация внесла предложение о принятии следующей статьи:

«Договаривающиеся стороны будут стремиться к тому, чтобы в намеченной на Шпицбергенской конференции 1914 г. международной организации Шпицбергенского архипелага обе стороны были поставлены в одинаковые условия».

Эта статья чрезвычайно интересна. Как пояснил председатель германской делегации Криге, дело заключалось в следующем: на Шпицбергенской конференции 1914 г. Россия противилась предоставлению Германии права на равных началах принимать участие в управлении Шпицбергенского архипелага. В Бресте Германия надеялась сломить это сопротивление России, при чем апеллировала к новым принципам русской политики.

Российская делегация не дала ответа на поставленный вопрос, ссылаясь на отсутствие инструкций.

Этим и закончились работы правовой комиссии. Из обзора вопросов, ею затронутых, можно прийти к убеждению, что работы этой комиссии по значению были гораздо менее важны не только работ политической комиссии, но и экономической. В ее работах были разногласия, но не такие, которые могли бы привести к разрыву. В отличие от двух предыдущих комиссий, в правовой комиссии Германия не выставляла особенно резких требований.

В частности, ультиматум, пред'явленный ею после разрыва переговоров второго периода, в области правовых вопросов не заключал в себе каких-либо ухудшений по сравнению с теми формулировками, которые были ею выставлены во время второго периода. Следует иметь ввиду,

что работа как правовой, так и экономической комиссии не пропала для последующего развития Брестских отношений. Последующие переговоры в Берлине, закончившееся двумя соглашениями в августе 1918 г., были, в сущности говоря, продолжением того, что было намечено в этих комиссиях.

Бор. Штейн.

Заседание комиссии по экономическим вопросам

19/6 января 1918 года.

Заседание открывается в 11 час. 15 мин. утра под председательством действительного тайного советника фон-Кернера.

Кернер. Я открываю заседание.

Иоффе. Перед перерывом мы получили от германской и австро-венгерской делегаций проект будущего мирного договора, состоящий из 16 пунктов.

Первые два пункта, касающиеся оккупированных территорий, подлежали рассмотрению политической комиссии.

Остальные пункты касаются правовых и экономически-торговых отношений. Так как в настоящее время у нас имеются две комиссии: одна для рассмотрения вопросов правовых, а другая для обсуждения экономических и торговых вопросов, то соответственно приходится разделить все эти пункты и обсуждать их в отдельности.

В предложенном нам проекте вопросов экономических и торговых касаются п.п. 4, 5, 6, 7 и 8-й.

По отношению к этому проекту в целом с нашей стороны было заявлено, что мы оставляем за собою право поправок, изменений и контр-предложений. Такое же право оставили за собою германская и австро-венгерская делегации. Мы предлагаем приступить к обсуждению экономических и торговых вопросов по пунктам.

Кернер. Прежде всего я хотел бы исправить одну ошибку. Проекты, предложенные здесь до рождественского перерыва, не являются австро-венгерско-германскими предложениями, это—предложения лишь германские, хотя, действительно, г.г. представители австро-венгерской делегации и согласились с этими предложениями.

Во время рождественского перерыва мы снова подвергли обсуждению эти предложения, и пересмотр убедил нас, что следовало бы их известным образом изменить.

Вчера на частном совещании с несколькими представителями российской делегации мы предложили перейти к обсуждению нашего старого торгового договора и решить, что именно из него можно было бы оставить в силе, благодаря чему мы имели бы возможность быстро подготовить твердую почву для дальнейших переговоров, в особенности же на период переходного времени.

Вам должно быть известно, что нам приятнее всего было бы по возможности сохранить многое из нашего старого договора, и мы глубоко убеждены, что более внимательное ознакомление с текстом этого действовавшего до войны договора покажет, что можно было бы сохранить целый ряд постановлений его, будь то на время или даже навсегда. Поэтому нам кажется целесообразным прежде всего приступить к пересмотру отдельных пунктов старого договора в порядке их последовательности, при чем, в интересах обеих сторон, нашей ближайшей задачей было бы заложить твердые основы для экономических отношений на первое время по заключении мира.

Окончательное же регулирование будущих торговых отношений вряд ли возможно в рамках настоящих переговоров; повидимому, его придется отложить до дальнейшего; подробности всего этого выяснятся в самом ходе переговоров. Поэтому я хотел бы обратиться к российской делегации с вопросом, согласна ли она, чтобы мы прежде всего занялись в предложенном мною порядке пересмотром отдельных постановлений нашего старого договора в смысле его дальнейшей пригодности.

Грац. Я хотел бы только выяснить одно недоразумение. Г. председатель российской делегации назвал проект, который был предложен до рождественского перерыва, проектом австро-венгерско-германским.

После того, как в составе нашей делегации с тех пор произошли некоторые изменения и из состава прежней делегации в настоящее время присутствуют здесь только тайный советник г. Штокгамер и я, считаю своим долгом напомнить, каким образом возник этот проект. В пленарном заседании от 26 декабря происходило обсуждение экономических вопросов с российской делегацией; результаты этого обсуждения мы постарались изложить затем в форме проекта договора. Следовательно, в этом проекте нашли место не только предложения германские и австро-венгерские, но также и соответственная точка зрения российской делегации.

Так, относительно статьи 3-й мы придерживались того взгляда, чтобы все ранее существовавшие договоры снова вступили в силу; однако, в данном отношении была принята во внимание точка зрения российской делегации, и была предусмотрена возможность отказа от определенных договоров; или, например, хотя австро-венгерская и германская делегации и внесли предложение возобновить торговые сношения на основании старого договора, однако, проект, в согласии с русской точкой зрения, был составлен в том смысле, что этот договор теряет свою силу. То же относится и ко многим другим постановлениям проекта.

В виду такого происхождения обсуждаемого проекта я просил бы не рассматривать его, как проект, предложенный австро-венгерской и германской делегациями, но как попытку формулировать результаты переговоров, имевших место 26 декабря. Кроме того, я считаю необходимым указать на то, что, ведь, обе стороны оставили за собою право на исправление и дополнение этого проекта.

Кернер. Итак, господа, после того, как нам так подробно сообщили здесь историю происхождения этого проекта, и после того, как в особенности было установлено, что при переговорах до рождественского перерыва обе стороны оставили за собою все права, я хотел бы еще раз поставить вопрос: согласна ли российская делегация начать нашу работу с пересмотра и оценки пунктов нашего старого договора?

Иоффе. Что касается истории происхождения этого проекта, то изложение г. представителя австро-венгерской делегации было совершенно правильно. Я только напомню, что по отношению к целому ряду пунктов мы никаких поправок не вносили, хотя мы и заявили о своем несогласии с этими пунктами и оставили за собою право внести надлежащие поправки в дальнейшем.

Мы полагали, что проект может быть положен и должен быть положен в основу дальнейших переговоров, к которым мы теперь приступим.

Что касается нового предложения—взять за основу не результаты той работы, которую мы уже проделали, но старый торговый договор, то мы с этим не можем согласиться, во-первых, потому, что мы полагаем, что торговые договоры вообще не должны быть внесены в проект мирного договора; во-вторых, потому, что, с нашей точки зрения, в мирный договор должны войти только основные принципы будущих торговых отношений на период переходного времени до заключения нового торгового договора. Поэтому мы еще раз вносим свое предложение, чтобы, считаясь с уже данной схемой, обсуждать по пунктам все, что касается торговых и экономических отношений между договаривающимися сторонами. Если германская и австро-венгерская делегации не имеют ничего против этого, то я позволю себе перейти к обсуждению этих пунктов.

Кернер. Я все же позволю себе еще раз вернуться к своему предложению. Возможно, что меня неправильно поняли, так как в моем предложении я не касался того, чтобы в рамки мирного договора внести также и новый торговый договор.

Напротив, я определенно указывал на то, что относительно окончательного договора надлежит вести переговоры в дальнейшем. Но для переходного времени мне казалось бы целесообразным, если бы в основу наших переговоров мы положили нечто более солидное, нежели тот материал, который представляют собою данные пункты.

Полагаю, что от этого наша работа только выиграет и что будет правильнее пересмотреть с этой точки зрения старый торговый договор, а затем уже обсудить вопрос, насколько п.п. 4-й—7-й могли бы быть включены в будущий мирный договор.

На мой взгляд, наша работа таким образом примет более конкретный характер и приведет нас к более быстрым результатам.

Иоффе. Я не могу с этим согласиться. Мне, наоборот, представляется весьма нецелесообразным, если, не считая нужным заключить сейчас торговый договор, мы приступим к обсуждению по пунктам детализованного и конкретного договора.

На мой взгляд, прежде всего нужно установить основные принципы, а затем уже переходить к обсуждению деталей. Если делать наоборот: от деталей переходить к принципам, то это было бы в высшей степени нецелесообразной тратой времени. Я не думаю, чтобы мы должны были связывать свою свободу теми пунктами, которые находятся в имеющемся у нас проекте. Но я полагаю, что нам все же следовало бы установить общие принципы, и это лучше всего может быть сделано, если вносить определенные конкретные предложения, которые с нашей стороны уже имеются.

Кернер. Я, действительно, не могу согласиться с точкой зрения г. предыдущего оратора, будто бы практичнее начать работу с общих вопросов, а затем уже перейти к подробностям: мой опыт в ряде подобных же обсуждений доказывает мне как раз обратное. Но, чтобы не задерживать хода наших работ и вместе с тем пойти навстречу мнению противной стороны, мы согласны теперь же перейти к обсуждению общих принципов, чтобы выяснить, насколько мы можем оставить в силе те или иные постановления старого договора. После того, как таким образом установлено согласие относительно метода наших работ, я предложил бы перейти к обсуждению пункта 4-го нашего предложения; предлагаю г.г. представителям российской делегации высказаться по этому вопросу.

Иоффе. Пункт 4-й сделанного предложения, по нумерации дорождественского проекта, является по существу пунктом и правовым, и торговым. Что касается той редакции, которая нам была предложена до Рождества и в которой говорится, что «к гражданам, судам или товарам каждой из договаривающихся сторон следует относиться с неменьшим благоприятствованием, нежели к гражданам, судам и товарам какого-либо государства, не пользующегося в данном отношении никакими установленными договором правами»,—то мы полагаем, что этим, собственно говоря, очень мало сказано, и, стоя на той принципиальной точке зрения, что в пределах свободного государства все люди должны быть равны, мы предложили бы формулировать этот пункт следующим образом:

«Граждане одной из договаривающихся сторон, постоянно или временно проживающие в пределах территории другой стороны, будут пользоваться равноправностью с туземцами в отношении участия в политической и общественной жизни и, в частности, одинаковыми правами защиты своих экономических интересов и участия в профессиональном движении.

Они будут поставлены в одинаковые условия с туземцами в отношении права производства торговли, занятия промыслами, охраны труда и социального страхования и не будут облагаться иными или более тяжелыми сборами, нежели туземцы».

Примечание. Равноправность граждан договаривающихся сторон не распространяется на права и обязанности их в отношении военной службы в армии и флоте, а также в национальной гвардии и милиции».

Итак, в отличие от предложения, сделанного до рождественского

перерыва, согласно которому граждане каждой из договаривающихся сторон в пределах другого государства приравниваются к лицам, с которыми вообще никакого договора не имеется,—мы в нашем проекте предлагаем уравнять их в правах с туземцами.

Кернер. Очень трудно сразу войти в оценку только что прочитанного проекта и сразу понять все из него вытекающие последствия. Поэтому я предложил бы более деловое и подробное рассмотрение его отложить до одного из дальнейших заседаний.

Я только хотел бы высказать то впечатление, которое этот проект произвел на меня при чтении, и сказать, что он касается совершенно других вопросов, нежели те, которые имеются в виду в п. 4-м. Скорее он касается содержания пунктов 1—3 старого договора и имеет в виду не борьбу с определенными невыгодами, возникновение которых возможно по причине менее благоприятного отношения к другим государствам, а, наоборот, затрагивает вопрос о правах подданных другой стороны в собственном государстве. Поскольку эти предложения соответствуют предложениям прежнего проекта, постольку, после более внимательного рассмотрения, возможно будет достичь, по всей вероятности, соглашения. Я хотел бы, однако, указать на то, что, если я только правильно слышал, предложенный проект значительно выходит из пределов статей 1—3. Если я правильно слышал, этим проектом предусматривается предоставление равных политических прав в своем государстве подданным другой стороны. В таком случае, это явилось бы сильным вторжением в наше законодательство в том виде, в каком оно в настоящее время существует.

Я хотел бы только, в виде примера, указать, что у нас право участия в выборах в рейхстаг принципиально предоставляется только германским подданным; предоставление же таких прав русским поданным было бы полным нарушением этого принципа и последствием его было бы то, что мы должны были бы предоставить право участия в выборах также и подданным других государств, которые временно или постоянно находятся в Германии.

Равным образом, таким же вторжением в наше законодательство явились бы и другие подобные предложения. Право на окончательный ответ я хотел бы оставить за собою в дальнейшем, когда я буду иметь возможность более подробно ознакомиться с этим проектом, но я хотел бы теперь сделать одно небольшое указание общего характера.

Для облегчения наших переговоров мы должны были бы, по возможности, избегать вторжения в законодательство других стран, конечно, поскольку это возможно при условии соблюдения хозяйственных интересов другой стороны.

Иоффе. Я с самого начала указывал, что этот пункт и является таким пунктом, который нельзя рассматривать, как только экономически-торговый пункт. Поскольку говорится о правах граждан одной и другой стороны, постольку приходится, конечно, затрагивать и вопросы правовые.

Мы полагаем, что, если гражданам противной стороны предоставляются равные с туземцами экономические права, если они, таким об-

разом, живя на территории другого государства, принимают участие и заинтересованы в его общественной и экономической жизни, то нет никаких оснований лишать их равных с туземцами политических прав. Конечно, я понимаю, что это касается уже вопросов внутренней конституции, но мирный договор не может быть, вообще, заключен без того, чтобы не вторгнуться во внутреннюю жизнь каждой данной страны. Я вполне согласен с тем, что окончательный ответ на это предложение должен последовать после того, как г.г. представители германской и австро-венгерской делегаций более подробно ознакомятся с ним.

Грац. Что касается тех трудностей, на которые указал здесь его превосходительство г. Кернер и которые вызывались бы тем, что эти предложения, внесенные в мирный договор, явились бы вторжением в нашу правовую систему, то эти трудности в полной мере существуют и для Австро-Венгрии. Мы, с своей стороны, согласны обсудить вопрос, насколько сделанные предложения могли бы найти место в мирном договоре; окончательная же наша точка зрения, равным образом, будет высказана только после более подробного ознакомления с этим предложением. Итак, я вполне присоединяюсь к об'яснениям его превосходительства г. Кернера.

Кернер. Я хотел бы спросить г. г. представителей российской делегации: следует ли понимать этот проект, заключающий в себе, таким образом, нечто совершенно иное, нежели наш прежний пункт 4-й, в том смысле, что он должен заменить этот пункт 4-й?

Иоффе. Да, именно. Таково было наше мнение.

Кернер. В таком случае, я хотел бы сделать небольшие об'яснительные замечания по поводу п. 4-го. Я не знаю, насколько я буду повторять то, что уже, возможно, говорилось с нашей стороны в прежних переговорах. Поэтому заранее прошу извинить меня.

В п. 4-ом преследуется цель предохранить нас от уступок стремлениям относиться к нам также и по окончании войны с меньшим благоприятствованием, нежели к подданным какого-либо государства, не пользующегося никакими особо установленными договором правами.

Если разработать материал, находящийся в п. 5-м, в том смысле, что подобного рода отношение недопустимо, то я полагаю, мы, с своей стороны, также ничего не будем иметь против того, чтобы опустить п. 4-й, тем более, что с русской стороны не имеется намерения продолжать экономическую войну и после заключения мира, будь то в отношении к торгующим или в отношении товаров. Итак, я предлагаю, прежде всего, ознакомиться с русским предложением и после рассмотрения п. 5-го, к разбору которого мы можем сейчас перейти, окончательно выяснить судьбу п. 4-го.

Иоффе. Мы против этого ничего не имеем. Я хочу только указать, что в п. 4-ом мы не столько хотели подчеркнуть отсутствие с нашей стороны желания продолжать войну на экономической почве, сколько то, что мы предоставляем всем иностранцам права, равные правам туземцев.

Что касается п. 5-го, то в нем именно и говорится о прекращении экономической войны. Мы предлагаем редактировать его следующим об-

разом: «Договаривающиеся стороны постановляют, что с заключением мира должно последовать прекращение войны и в хозяйственной области.

Они взаимно обязуются ни прямо, ни косвенно не принимать участия в мероприятиях, сводящихся к продолжению враждебных действий в хозяйственной области.

В течение переходного времени, необходимого для устранения последствий войны и установления новых отношений, договаривающиеся стороны обязуются по возможности не затруднять снабжения необходимыми товарами посредством введения высоких ввозных пошлин и выражают готовность вступить в переговоры относительно сохранения и дальнейшего развития тех смягчений таможенной защиты, которые были введены во время войны.

Одновременно с этим будут по возможности приняты меры для установления непосредственного товарообмена между договаривающимися сторонами.

С этою целью назначаются смешанные комиссии, деятельность которых должна начаться по возможности безотлагательно».

В пояснение этой редакции, я хотел бы сказать, что здесь имеются две основные тенденции: во-первых, прекращение войны в хозяйственно-экономической области, для чего воспрещаются все мероприятия, приводящие к продолжению враждебных действий в хозяйственной области, и по возможности ограничиваются также таможенные пошлины.

С другой же стороны,—выражается пожелание по возможности вести внешнюю торговлю непосредственно от государства к государству.

Совершенно ясно, что для последней цели необходимо создание особой комиссии для того, чтобы выяснить, в каких именно товарах нуждается одна сторона и какие товары имеются в избытке у другой стороны.

Кернер. И в данном случае можно высказать то же, что и по поводу первого предложения. Прежде всего, следует с ним подробно ознакомиться.

В общем, я вынес впечатление, что тенденция русского предложения совпадает с тенденцией нашего проекта. Поэтому, я надеюсь, нам удастся притти к одинаково приемлемой для обеих сторон редакции. Однако, несмотря на новое предложение с русской стороны, я должен сообщить, что мы также во время перерыва выработали новую редакцию пункта 5-го, согласно которой содержание его по существу не отличается от прежнего, но все же имеются кое-какие изменения. Я позволю себе огласить ее для того, чтобы ее можно было сравнить с прежней редакцией п. 5-го.

«Договаривающиеся стороны с обоюдного согласия решили добиваться сообща, чтобы с заключением мира окончилась война и в экономической, и финансовой области.

Они не будут участвовать обоюдно ни в каких мероприятиях, которые имели бы целью продолжение враждебных действий в экономической или финансовой области, прямо или косвенно, и будут всеми находящимися в их распоряжении средствами препятствовать в пределах своего

государства таковым мероприятиям, даже если бы они исходили от частной или другой стороны; они будут воздействовать также и на третьи державы, в смысле недопущения экономической войны, и будут по возможности поддерживать друг друга в борьбе с направленными против них со стороны третьих держав мероприятиями экономической войны.

С другой стороны, они будут устранять препятствия, которые мешают возобновлению дружеских торговых и деловых сношений, и будут облегчать взаимный товарообмен в особенности путем уравнения излишка и недостатка в товарах у обеих сторон.

В течение переходного времени, которое потребуется для преодоления последствий войны и нового урегулирования отношений, в особенности же для заключения нового торгового договора, они будут относиться к ограничению сношений, как-то: запрещение вывоза, урегулирование ввоза и т. п., которые в течение этого времени неизбежны,—таким образом, чтобы это по возможности менее стесняло обе стороны.

С другой стороны, они в течение этого времени будут возможно менее обременять доставку необходимых товаров ввозными пошлинами и с этой целью вступят по возможности скорее в переговоры, чтобы по мере сил поддержать и расширить установленный в течение войны беспошлинный ввоз и смягчения таможенной защиты.

Во всяком случае, они до 31—18 декабря 1919 года не будут устанавливать во взаимных торговых сношениях более высоких пошлин, нежели те, которые существовали к началу 1914 года, за исключением тех случаев, когда это вызвано чисто финансовыми соображениями или соображениями уравнительного внутреннего обложения».

Если вы сравните только что прочитанный текст с тем, который существовал раньше, то вы увидите, что в нем есть нечто новое, а именно,—оставлено право повысить таможенные ставки из соображений внутреннего обложения и поскольку дело касается ставок чисто финансового значения. Полагаю, что в этом отношении мы находимся в одинаковых условиях. Вы также будете вынуждены выискивать новые источники доходов и усилить уже имеющиеся. Я хотел бы надеяться, что такого рода отвечающее обоюдным интересам постановление будет принято также и вашей стороной.

Позвольте огласить теперь последний абзац:

«Вместе с тем, договаривающиеся стороны по мере возможности используют это переходное время для организации взаимного товарообмена.

Для этой цели будут образованы смешанные комиссии, которые должны приступить к работе по возможности скорее».

Я позволю себе еще сегодня после обеда вручить вам несколько экземпляров нашего предложения, которое, как я уже сказал, немногим отличается от прежнего.

Итак, дальнейший ход наших работ будет заключаться в том, чтобы в ближайшем заседании подвергнуть рассмотрению оба предложения, касающиеся п. 5-го.

Я полагаю, что, за поздним временем, следовало бы отложить обсуждение следующего пункта до другого заседания. Я предложил бы заняться рассмотрением 6-го пункта завтра утром, так как сегодня мы заняты в другом месте. Согласны ли вы собраться завтра в 10 часов?

Иоффе. Да, согласны.

Кернер. Я хотел бы возбудить еще один вопрос, а, именно: не целесообразнее ли было бы, после того, как мы просмотрели обе редакции, обсудить их еще раз в более тесном кругу?

Этим путем я надеюсь избежать известных затруднений, возникающих из-за трудности вести переговоры на двух языках. В более тесном кругу при неофициальном обмене мнений возможно скорее достичь ясности, и тогда в следующем заседании работа пойдет быстрее. Конечно, решения были бы приняты только на заседании.

Иоффе. Я думаю, что если бы имелось соглашение по основным принципам, действительно, можно было бы приступить к формулировкам их в малой редакционной комиссии, но, поскольку мы не пришли к соглашению именно относительно этих основных принципов, было бы нецелесообразно переходить к такому частному обсуждению.

Кернер. Да, конечно, я не могу вас принудить к этому. Итак, завтра, в 10 часов утра. Я еще сообщу, где мы соберемся, в зависимости от того, где будет свободное помещение.

Заседание закрывается в 12 час. 40 мин.

Заседание комиссии по экономическим вопросам

20/7 января 1918 года.

Заседание открывается в 10 час. 5 мин. утра под председательством фон-Кернера.

Кернер. Г. председатель российской делегации представил нам вчера два проекта. Один из них должен заменить пункт 4-й, другой—пункт 5-й прежних проектов, сделанных до рождественского перерыва. Мы предварительно обсудили эти два проекта и из них усмотрели, что проект, обозначенный пунктом 4-ым, не может быть принят нами в той редакции и с тем содержанием, которое он имеет. Я уже вчера отметил то обстоятельство, что в этом пункте предусмотрено предоставление политических прав тем чужестранцам, которые временно или постоянно находятся в данной стране. Это обстоятельство вызвало бы полное изменение нашего законодательства в этом пункте. То же надо сказать и относительно других предложений, заключающихся в этом пункте; они являются также полным изменением нашего законодательства и наших учреждений в пунктах, касающихся этого вопроса.

П. 5-й в общих чертах совпадает с нашим предложением, но нам все же кажется, что преимущества—на стороне предложенной нами редакции, в частности—редакции, предложенной вчера.

Я предлагаю отложить дальнейшее обсуждение п.п. 4-го и 5-го и перейти к рассмотрению п. 6-го в той редакции, в которой он был предложен нами еще до рождественского перерыва, с тем, чтобы в общих чертах получить представление о занятой нами позиции по отношению к этим вопросам.

Итак, я предложил бы приступить к обсуждению п. 6-го.

Иоффе. Мы не возражаем против того, чтобы продолжить обсуждение по пунктам, оставив детальное обсуждение первых двух пунктов, но, в целях дополнения и развития этих, уже формулированных пунктов, я хотел бы сказать несколько слов по поводу п. 4-го. Сделанные нам возражения касаются, главным образом, вопроса о предоставлении политических прав русским гражданам в Германии и обратно. Я хочу указать на то, что у нас, в России, эти права уже предоставлены иностранцам.

На последних выборах в нашу Петроградскую городскую думу иностранцы голосовали наравне с русскими. Однако, п. 4-й для нас не так

существенен в той части, где он касается политических прав, сколько он является в высшей степени важным для нас в отношении признания права защиты экономических интересов и участия в профессиональном движении. По поводу этого вопроса мы ответа не получили. Было бы желательно выяснить отношение германской и австро-венгерской делегаций к вопросу о признании права коалиции за русскими рабочими, живущими и работающими в Германии.

Далее, мы считаем необходимым указать на то, что в предложенной нами вчера редакции все было построено на принципе взаимности. В одном только вопросе эта взаимность является, так сказать, более или менее невозможной, а именно—в вопросе, касающемся сельских рабочих.

Как известно, русские рабочие, приезжающие в Германию, работают, главным образом, в этой именно области.

Насколько нам известно, в Германии до сих пор не отменен старый закон, лишающий сельских рабочих права коалиции и признающий за хозяевами право телесных наказаний. Мы хотели бы поэтому указать, что, так как у нас, в России, таких законов нет, то, следовательно, эти законы на русских граждан, работающих в Германии, распространяться не могут. Таким образом, к этому пункту должно быть сделано примечание; примечание это можно было бы формулировать приблизительно так: «что же касается тех областей экономической жизни, где по германским законам отсутствует право коалиции или за хозяевами признается право телесных наказаний, то таковые законы на русских рабочих, работающих в Германии, не распространяются».

Что касается п. 5-го, то мы вполне согласны с тем, что, более или менее, смысл нашего предложения совпадает со смыслом предложения германского. Но мы, наоборот, придерживаемся того мнения, что предложенный нами текст имеет некоторые преимущества перед текстом, предложенным нам вчера германской делегацией. И мы очень желали бы получить кое-какие раз'яснения, в виду неполной ясности сделанного нам вчера предложения.

Прежде всего, в германском тексте сказано, что обе договаривающиеся стороны будут всеми имеющимися в их распоряжении средствами препятствовать в пределах своего государства таковым мероприятиям, даже если бы они исходили от частной или другой стороны. Желательно было бы знать, что именно под этим понимается?

Кернер. Под этим мы понимаем, например, организации с целью бойкота. Если бы, например, определенные промышленные предприятия или промышленные круги сорганизовались с целью не пускать в Россию германских товаров, или, если бы они, например, условились не допускать немецких служащих в свои предприятия. Если в тексте нашего предложения сказано: «от частной или другой стороны»,—то этим мы только хотели дать такую общую формулировку, которая предусматривала бы все возможные непредвиденные случаи, следовательно, ничего иного под этой формулой не подразумевается; мы лишь хотели отметить, что имеются в виду не только частные предприятия, но и такие пред-

приятия, относительно которых нельзя сказать, что они носят характер общественный.

Иоффе. Мы, собственно говоря, поняли это в том смысле, что здесь говорится о бойкоте и о других подобных проявлениях частной борьбы. Но наше сомнение вызвано именно указанием на «другую сторону»: так, в первой части проекта говорится о том, что правительства взаимно обязуются не вести экономической войны; по отношению же к правительству остается только частная сторона—другой, как-будто бы, уже быть не может.

Кернер. Как я уже указывал, есть такие общества, которые не являются частными обществами, и все же неизвестно, можно ли их рассматривать, как общественные организации. Так, например, я хотел бы указать на городские самоуправления. Предположите, что какое-нибудь городское самоуправление, имея в виду какое-либо обширное предприятие, постановляет, что товары определенной страны должны быть исключены. Подумайте также о том, что есть такие торговые учреждения, не имеющие правительственного характера, которые тоже могли бы быть в состоянии дать своим сочленам определенные директивы о недопустимости товаров или служащих другой стороны. Я указываю, например, в Германии на торговые и промышленные камеры. Относительно их также может возникнуть сомнение, потому что они стоят на границе частных и публичных учреждений. Поэтому нам казалось бы не бесполезным посредством формулы «другой стороны» предусмотреть и эти случаи.

Иоффе. Благодарю г. председателя за сделанные раз'яснения; так как в дальнейшем текст германского предложения для нас вполне ясен, то я присоединяюсь к предложению г. председателя германской комиссии перейти к обсуждению п. 6-го, при чем мы, конечно, так же, как и противная сторона, оставляем за собою право в дальнейшем внести свои замечания и контр-предложения к п. 5-му.

Кернер. Итак, на одном из ближайших заседаний мы продолжим обсуждение п.п. 4-го и 5-го. При этом мы, конечно, будем иметь возможность ответить на предложение г. председателя российской делегации относительно того, чтобы русские рабочие были поставлены под защиту германского законодательства. Я позволю себе только сделать то общее замечание, что германское законодательство по этому вопросу может не бояться сравнения с другими законодательствами; с другой стороны, я хотел бы указать, что следовало бы предоставить нам полную самостоятельность в решении этого вопроса. Полагаю, что все остальное можно будет оставить до следующего заседания. Если мы перейдем теперь к п. 6-му нашего предложения, то в нем говорится, что «договор о торговле и мореплавании от 20 января—10 февраля 1894 г. не подлежит возобновлению».

Вопрос этот был нами пересмотрен, и мы снова пришли к тому заключению, что в интересах обеих сторон было бы, насколько возможно, возобновить этот старый договор. Я говорю «насколько возможно», потому что мы также признаем, что некоторые постановления этого договора подлежали бы изменению. Однако, мы все же хотели бы, что-

бы этот договор был оставлен в силе, хотя бы временно, до заключения нового договора. Полагаю, что таким образом скорее всего была бы заложена твердая база для восстановления торговых и экономических сношений.

Иоффе. Наше предложение п. 6-го почти совпадает с формулировкою, которая была дана в проекте до рождественского перерыва. Оно гласит:

«Русско-германский договор о торговле и мореплавании от 20-го января—10-го фавраля 1894 года, измененный 28/15-го июля 1904 года, не подлежит возобновлению. Договаривающиеся стороны обязуются немедленно по заключении всеобщего мира приступить к переговорам о заключении нового договора о торговле и мореплавании». Разница между проектом, предложенным до Рождества, и нынешним нашим предложением заключается, главным образом, в том, что в последнем определенно фиксируется срок начала переговоров о заключении нового договора, и срок этот ставится в зависимость от заключения всеобщего мира. Мы полагаем, что до заключения всеобщего мира, в тот период, когда война еще продолжается, трудно было бы приступить к переговорам о новом торговом договоре. В данный момент еще не определились достаточно те условия, на основании которых можно было бы заключить новую конвенцию или же возобновить старую. По этой же причине мы возражаем против прямого возобновления старого торгового договора.

Когда полнее выяснится экономическая обстановка, и можно будет приступить к переговорам о новом договоре, тогда ведь также вполне возможно будет оставить из старого договора то, что не утратило еще своего значения и соответствует новым условиям. В настоящий момент это особенно трудно сделать также и по той причине, что многие из тех конкретных оснований, в виду которых принимались определенные условия старого договора, уже не существуют. Многие выгоды, которые получала каждая сторона при бывших тогда условиях, сейчас не могут иметь места. Можно было бы указать на то, что как с одной, так и с другой стороны, быть может, теперь невозможно было бы доставлять противной стороне те товары, которые в период до войны именно и составляли особо выгодную сторону договора. Поэтому мы полагаем, не говоря уже о том, что торговый договор, по нашему мнению, вообще не должен являться составной частью мирного договора,—что если мы принимаем право «наибольшего благоприятствования», то этим, в сущности говоря, главное уже сказано, и если мы в п. 6-ом указываем, что немедленно по заключении всеобщего мира приступают к переговорам о новом договоре, то право наивысшего благоприятствования на период до заключения нового договора является совершенно достаточной основой для торговых сношений.

Кернер. Итак, насколько я понял, российская делегация стремится к тому, чтобы после заключения всеобщего мира было приступлено к выработке нового торгового договора. До заключения же этого договора предлагается руководствоваться только «принципом наибольшего

благоприятствования». Мне кажется, что для переходного времени, до заключения нового договора, будет мало пользоваться только принципом «наибольшего благоприятствования». Ведь старый договор заключает в себе много ценных постановлений, которые могли бы быть использованы и в переходное время. Поэтому я хотел бы вернуться к моему предложению, а именно, перейти к рассмотрению и оценке старого торгового договора и решить, какие именно из его постановлений могли бы быть оставлены в силе на это переходное время. Я прошу обсудить мое предложение. Сейчас, в виду общего заседания, мы принуждены закончить наше совещание, и нам остается только решить, когда мы соберемся в следующий раз. Угодно ли вам собраться завтра, в 10 часов утра?

Иоффе. Ничего не имеем против этого.

Кернер. Итак, завтра, в 10 часов утра.

Заседание закрывается в 11 час. 53 мин.

Заседание комиссии по экономическим вопросам

21/8 января 1918 года.

Заседание открывается в 10 час. 10 мин. утра под председательством фон-Кернера.

Кернер. Я открываю заседание.

Иоффе. На прошлом заседании мы покончили с пунктом 6-ым и переходим сейчас к обсуждению пункта 7-го.

Кернер. Я не совсем согласен с этим; я полагал, что обсуждение п. 6-го еще не закончено. В связи с п. 6-ым, нам сделано здесь предложение с русской стороны, согласно которому торговый договор 1894—1904 г.г. не подлежит возобновлению, и, кроме того, непосредственно после заключения всеобщего мира предлагается приступить к переговорам о заключении нового торгового договора. Мы, напротив, придерживаемся того взгляда, что целесообразнее было бы оставить в силе те пункты старых торговых договоров, которые могут быть приемлемы и при изменившихся обстоятельствах. Нам известно, что в России есть известное движение в пользу того, чтобы всецело отказаться от старого договора; однако, мы полагаем, что это вызвано неправильным пониманием вопроса, и движение это, по нашему мнению, не имеет под собой солидной почвы. Насколько нам известно, в России существует убеждение, что при старом договоре ввоз товаров из Германии в Россию значительно увеличился по сравнению с вывозом товаров из России в Германию. Это убеждение почти целиком основывается на статистических данных, по нашему мнению, неправильных; русская статистика присчитывает к германскому ввозу также и те товары, которые идут только транзитом через Германию, и, наоборот, не считает ввозом в Германию те товары, которые идут в Германию через гавани, не принадлежащие Германии, в особенности же через голландские и бельгийские. Но если даже считать, что тарифные ставки старого договора подлежат изменению, то все же остается еще целый ряд постановлений, сохранение которых было бы целесообразно и полезно для обеих сторон. Если поэтому в предыдущем периоде переговоров мы исходили из того соображения, что старый договор возобновлению не подлежит, и п. 6-й был редактирован именно в этом смысле, то на наш взгляд, следовало бы теперь серьезно обсудить вопрос: все же не нашли ли бы мы возможным восстановить старый договор в целом или, по крайней мере,

частично, поскольку его постановления соответствуют изменившимся условиям? По этой причине я не считаю возможным присоединиться к тому мнению, что вопрос этот уже решен. Наоборот, я полагаю, что при дальнейшем обсуждении мы еще вернемся к этому вопросу. Я считаю своим долгом высказать это соображение, хотя я и ничего не имею против того, чтобы перейти к обсуждению п. 7-го.

Иоффе. Оставляя в стороне вопрос о непопулярности русско-германского договора о торговле и мореплавании 1894—1904 г.г. и не касаясь также вопроса о тех разногласиях, которые существуют в статистике русской и германской в оценке торгового баланса России, я хотел бы указать на то, что мы считаем нужным заявить в п. 6-ом о невозобновлении указанного торгового договора также и по той причине, что, на наш взгляд, еще не наступило время вообще заключать какой-либо торговый договор. В нашей редакции п. 6-го ясно говорится, что к переговорам о торговом договоре можно приступить только после заключения всеобщего мира. В этом наши взгляды существенно расходятся.

С другой стороны, на период между заключением мира Германии с Россией и заключением всеобщего мира, т.-е. на тот период, когда вообще между Россией и Германией не будет существовать какого бы то ни было торгового договора,—мы предлагаем установить определенные правила торговых сношений, о которых и говорится в п. 7-ом. Мы не имеем ничего против того, чтобы из состава нашей комиссии была выделена подкомиссия, которая занялась бы более детальной разработкой принципов, выраженных в п. 7-ом. И, конечно, не будет возражений, если эта подкомиссия, в числе тех материалов, которыми она будет пользоваться, примет во внимание также и русско-германский договор 1904 года. Что касается пункта 7-го, то в нашей редакции он гласит:

«В течение всего времени между подписанием настоящего трактата и заключением нового договора о торговле и мореплавании Россия и Германия предоставляют друг другу взаимное право наиболее благоприятствуемой нации, при чем, однако, договаривающиеся стороны не могут заявлять притязаний на благоприятствование, могущее иметь место в мелких пограничных сношениях и, сверх того, Германия не может заявлять притязаний на те преимущества, которые могут быть предоставлены Россией пограничным с нею азиатским землям, а также самостоятельным государствам, выделившимся из состава бывшей Российской империи в тех ее границах, какие последняя имела 31/18-го июля 1914 г., а Россия—на те преимущества, которые будут предоставлены Германией ее колониям.

Примечание. Право наибольшего благоприятствования понимается договаривающимися сторонами в том об'еме, как то было предусмотрено бывшим договором о торговле и мореплавании между Россией и Австро-Венгрией от 15/2 февраля 1906 года».

Кернер. Этот проект существенно отличается от наших предложений тем, что он не принимает во внимание того особого положения, в которое мы намерены вступить по отношению к Австро-Венгрии. Он также не принимает во внимание и тех особых отношений, которые уже

давно существуют между нами и великим герцогством Люксембургским, а равным образом между нами и австрийскими общинами Миттельберг и Юнгхольц. Как великое герцогство Люксембургское, так и две эти австрийские общины присоединились к нашему таможенному союзу — первое уже давно, вторые же частью в 1868 г., частью, приблизительно в 1883 году. Постановления договора 1894 и 1904 г.г. поэтому распространялись и на них. Таким образом, также и новые постановления должны распространяться на эти области. Во избежание каких бы то ни было недоразумений, я хотел бы еще раз подчеркнуть, что условия, являющиеся следствием того особого таможенного соглашения, которое мы желаем заключить с Австро-Венгрией, не могут быть подведены под понятие «наибольшего благоприятствования». Поскольку окажется необходимым распространить эти условия также и на другие государства, которые могут в будущем заключить с нами таможенное соглашение, постольку данный вопрос будет предметом наших дальнейших обсуждений.

Я хотел бы получить раз'яснение еще по одному пункту. До Рождества, при обсуждении принципа наибольшего благоприятствования, мы, с своей стороны, уже задали вопрос, какие особые преимущества были предоставлены Россией отдельным державам Согласия во время заключения займов. Я подразумеваю под державами Согласия также и Америку. При обсуждении этого вопроса до Рождества со стороны г.г. представителей российской делегации, насколько мне известно, было сделано признание, что такие постановления о преимуществах существуют; однако, они тогда не были в состоянии дать точных указаний по всему вопросу. Поэтому я просил бы в настоящее время сообщить нам, какие именно преимущества были в этом отношении предоставлены и подойдут ли они под понятие наибольшего благоприятствования.

Иоффе. Что касается отношений, существующих между Германией и герцогством Люксембургским, Юнгхольцем и Миттельбергом и др., то я согласен, что этот вопрос, действительно, упущен в нашем предложении; так как эта связь существовала задолго до настоящей войны, то она должна быть сохранена и впредь. Что же касается стремления со стороны германской делегации не распространять права наибольшего благоприятствования на Австрию и на другие государства, повидимому, на Турцию и Болгарию, то в этом мы существенно расходимся; мы полагаем, что из'ятие третьего государства из права наибольшего благоприятствования есть существенное нарушение самого этого принципа, и в доказательство мы могли бы сослаться на немецкие авторитеты. Я только напомню, что профессор Шумахер в книге, озаглавленной: «Meistbegünstigung und Zollunterscheidung», доказывает, что право наибольшего благоприятствования означает не что иное, как «определенное исключение какого бы то ни было благоприятствования в отношении третьего государства». Кроме того, я хотел бы напомнить, что обе делегации--и германская и российская--в своих декларациях категорически заявили, что они ни в коем случае не желают далее продолжать экономической войны, и это признание имеет место также и в формулировке тех пунктов, которые мы уже обсудили; с другой стороны, совер-

шенно ясно, что такой таможенный союз, который проектируется в данный момент Германией, являлся бы органом экономической войны, направленной против России. Мы видим также и в этом существенное нарушение принципа, относительно которого мы как-будто бы уже пришли к соглашению. В виду всего этого мы полагаем, что если германская делегация не согласится включить Австрию в право «наибольшего благоприятствования»,— нам придется формулировать этот пункт в двух редакциях, с тем, чтобы окончательное обсуждение этого вопроса было оставлено до того момента, когда будет заключено соглашение, если оно, вообще, будет заключено по всем остальным вопросам, в особенности же по тем спорным политическим вопросам, которые в настоящее время еще остаются открытыми.

Что касается вопроса, предложенного мне г. председателем германской делегации, то я, прежде всего, должен констатировать, что, если память мне не изменяет, этого вопроса до рождественского перерыва мы вообще не касались.

Именно потому, что я не помню таких разговоров перед Рождеством, я и сейчас не мог бы дать более точных раз'яснений в этом отношении. Я хотел бы только указать, что, если я не ошибаюсь, никаких особых льгот, которые выходили бы за пределы льгот, предоставленных Германии по договору 1894 года,—державам Согласия и Америке предоставлено не было. Если я не ошибаюсь, то торговые сношения с этими государствами совершались на основах общего таможенного тарифа и права наибольшего благоприятствования. Во всяком случае, мы категорически заявляем, что право наибольшего благоприятствования мы понимаем так, что Германии в дальнейшем будут предоставлены все те права, которые предоставляются другим государствам.

В свою очередь, я хотел бы также предложить один вопрос. Быть может, г. председатель германской делегации будет настолько любезен, чтобы ответить: какие льготы были предоставлены Германии за время войны со стороны Турции, Австро-Венгрии и Болгарии?

Кернер. На последний вопрос я должен ответить в том смысле, что, насколько мне известно, во время войны ни одному из этих государств не было предоставлено льгот, которые подошли бы под понятие «наибольшего благоприятствования»; ведь мы, как известно г.г. представителям российской делегации, вообще уничтожили часть таможенных ставок, но на это нельзя смотреть, как на особую льготу для наших союзников. Если я, таким образом, еще раз коснулся вопроса о наших взаимоотношениях с Австро-Венгрией, то я хотел бы указать на следующее: согласно общепризнанной практике, льготы, предоставляемые тем государствам, с которыми заключен таможенный союз, под понятие «наибольшего благоприятствования» не подходят. Этот принцип признан и в нашем старом договоре; г. председатель российской делегации, с своей стороны, также признал его, когда говорил о великом герцогстве Люксембургском и двух австрийских общинах, и согласился, что этим не нарушается принцип наибольшего благоприятствования. Итак, если бы в будущем наши отношения с Австро-Венгрией приняли характер таможенного союза или подобного ему соглашения, то уже из общего пра-

вила следовало бы, что те преимущества, которые будут взаимно предоставлены друг другу Германией и Австро-Венгрией, под понятие наибольшего благоприятствования не подпадают. Я хотел бы еще сказать, что наше отношение к Австро-Венгрии базируется до известной степени на старых государственных и международных договорах, и что у нас очень обширная общая граница. Согласно об'яснению г. председателя российской делегации и согласно прочитанному здесь проекту, Россия, с своей стороны, также стремится создать особые условия для тех государств, которые выделяются из ее состава. Подобно тому, как для этих областей требуется исключение из принципа «наибольшего благоприятствования», так и мы считаем, в случае более тесной таможенной связи с Австро-Венгрией, возможным потребовать для нее исключения из принципа наибольшего благоприятствования.

Штокгаммерн. Г. председатель российской делегации заявил, что он не помнит, чтобы в переговорах до Рождества, при обсуждении вопроса о наибольшем благоприятствовании, был поставлен на обсуждение также и вопрос о тех обязательствах, которые возникают для России из ее соглашений при заключении государственных займов с державами Согласия. Г. Каменев тогда совершенно определенно указал, что, насколько ему известно, Россия приняла на себя определенные обязательства при заключении договоров о займах, но что относительно их содержания он не может дать указаний, потому что он недостаточно знаком с этими договорами. Тогда же со стороны германской делегации указывалось на то, что, поскольку дело касается обязательств финансового характера, новое российское правительство об'явило недействительными договоры старого правительства, и что это, по всей вероятности, относится также и к тем договорам, о которых идет речь, поскольку они заключены царским правительством. Г. Каменев возразил на это, что теряют свое значение только договоры политического содержания, но что здесь дело идет о хозяйственных и торговых соглашениях, и что на них это правило не распространяется. На это мы ответили, что эти договоры о займах имели целью продолжение войны, и что поэтому их также следует отнести к соглашениям политического характера. На наш вопрос, выражаются ли обусловленные льготы исключительно в облегчении таможенных ставок, или они имеют в виду и другие концессии, г. Каменев, в виду того, что у него не было точных данных, выразил свою готовность получить по этому вопросу информацию в Петрограде и при следующей нашей встрече сообщить результаты этой информации. Мы, с своей стороны, заметили, что мы не можем признать, что подобного рода предоставление льгот при заключении договоров о займах подпадает под исключение из принципа «наибольшего благоприятствования».

Иоффе. К сожалению, мой друг Каменев не сообщил мне ничего об этом разговоре.

Я лично не мог навести по этому вопросу специальных справок в Петрограде. Но я думаю, что это не столь существенно, потому что мы ясно указываем, что никаких исключений из права «наибольшего благоприятствования» в пользу третьих государств мы не допускаем. С другой стороны, я лично придерживаюсь того взгляда, что некоторые кон-

цессии, предоставленные в качестве гарантий за заем, под принцип наибольшего благоприятствования, собственно говоря, не подпадают. Я полагаю, что в дальнейшем эти вопросы можно было бы подвергнуть более подробному обсуждению. Но, с другой стороны, по вопросу о таможенном союзе мне лично кажется, что нельзя сравнивать существующий таможенный союз с Люксембургом—с будущим или предстоящим союзом с Австро-Венгрией. Первый не имеет боевого значения, второй, несомненно, будет его иметь. Далее мне также кажется, что нельзя сравнивать того исключения, на которое претендует Россия в отношении государств, могущих в дальнейшем выделиться из состава бывшей Российской империи, с теми исключениями, которые Германия желает предоставить Австро-Венгрии и, быть может, Болгарии и Турции. Государства, выделяющиеся из состава бывшей Российской империи, составляли с нею одно целое, между тем как Австро-Венгрия целого с Германией не составляла и не составляет. Поэтому я полагаю, взаимность была бы соблюдена только в том случае, если бы Германия согласилась предоставить России право заключения таможенного союза, например, с Соединенными Штатами Северной Америки. Только в таком случае была бы соблюдена действительная взаимность. Но я повторяю, что Россия, в своем стремлении прекратить экономическую войну, на такое право не претендует. В дальнейшем по этому вопросу я хотел бы предоставить слово господину Радеку.

Радек. Что касается поднятого здесь вопроса о льготах, концессиях и т. п., предоставленных Россией державам Согласия, то г.г. германские делегаты имеют ответ на этот вопрос в германской печати. Статьи профессора Брентано в «Франкфуртской Газете» дают в общем верное представление о положении дел. Но если г.г. германские делегаты предполагают, что эти концессии могут противоречить принципу наибольшего благоприятствования, то это предположение ни на чем не основано. Российское рабочее правительство доказало своими мероприятиями против всех концессий, затрагивающих интересы народных масс в России, что оно совершенно не считается со старыми договорами, поскольку они направлены против интересов народных масс в России. Если здесь вообще, в связи с принципом наибольшего благоприятствования, поднимают вопрос о концессиях, полученных в течение войны той или другой стороной, то председатель нашей делегации имел полное право поднять вопрос о концессиях, полученных Германией при передаче займов Болгарии и Турции во время войны. Г. председатель германской делегации заявил, что о таких концессиях ему ничего неизвестно. Мы сожалеем, что германская делегация, повидимому, в этом отношении не осведомлена, так как нам известно, и мы можем подтвердить это не только материалом, почерпнутым из печати держав Согласия, но также выдержками из германской печати, что Турцией и Болгарией были предоставлены Германии большие концессии хозяйственного характера.

Вообще, вопрос о том, насколько те или иные концессии конкретно противоречат принципу наибольшего благоприятствования, надлежало бы рассматривать в каждом отдельном случае. Что касается вопроса о

нашем отношении к планам близкого экономического союза между Германией и Австрией, то я могу немногое добавить к тому, что здесь было сказано председателем российской делегации. Во-первых, в самых влиятельных коммерческих кругах Германской империи великолепно понимают, что заключение близкого торгового соглашения между Австро-Венгрией и Германией противоречит принципу наибольшего благоприятствования и может вызвать большие осложнения при заключении общего торгового договора. Я сошлюсь только на слова директора «Deutsche Bank» г. Артура ф.-Биннера, который в «Neue Freie Presse» от 25 декабря 1915 г. писал следующее: «Высоко развитая промышленность Германии не может допустить того, чтобы путем предоставления односторонних льгот своим ближайшим друзьям вступить в конфликт со всем миром». Более того, прусский министр торговли г. ф.-Сидов в заседании прусского ландтага очень ясно высказался в том же самом смысле, указывая на то, что такой договор затруднит заключение всеобщего мира.

В подтверждение этой мысли мы могли бы подобрать очень много фактов и цитат из немецкой литературы; дело здесь, однако, не в литературных упражнениях, и я хотел только указать на то, что наши возражения против требований германской делегации основаны на фактах, предусмотренных самими руководителями немецкой экономической жизни.

Но вопрос о признании нами за Германией права заключать с Австро-Венгрией договор имеет для нас еще другое значение, которое, хотя и не подлежит рассмотрению нашей комиссии, но которое, тем не менее, мы должны отметить, а именно—он имеет значение политическое. План сближения на почве торговых отношений не является фактом первоначального характера. В первую очередь, мысль о торговом сближении между Германией и Австро-Венгрией возникла на почве политических отношений, созданных войной, это был известный план политического сосредоточения сил Центральных Держав, короче сказать, Берлин—Багдад. В экономической литературе Германии по вопросу об экономическом сближении с Австро-Венгрией ни один автор не высказывается за торговое сближение, поскольку он противник укрепления империалистической политики Австрии и Германии. Напротив, всякий подходящий к вопросу не с точки зрения империалистческой отрицает экономическую обоснованность этой идеи. Я ссылаюсь на работу профессора Эйленбурга, который, на основании экономических данных, доказывает совершенную бесполезность этого союза. Можно сказать так, как выразился редактор торгового отдела «Frankfurter Zeitung» Фалер,что чем дальше от экономических кругов, тем больше сочувствия идее торгового об'единения между Германией и Австрией, а чем ближе к ним, тем замечается все более и более отрицательное отношение к этому вопросу.

Для нас вопрос стоит следующим образом. Когда Франция, Англия и, отчасти, Америка на Парижской конференции в 1916 году провозгласили экономическую войну против Германии, мы считали это не только безумием,—невозможная же вещь в самом деле выбросить из миро-

вой экономической жизни такую большую экономическую величину, как Германия,—но и преступлением, так как мы убеждены, что торговая война приведет к новой схватке народов, к новой империалистической бойне. Когда наша партия пришла к власти, она на деле доказала, что она не только не намерена подготовлять новую империалистическую войну, но, что она, напротив, стремится к трудовому союзу всех рабочих, чтобы сделать невозможной такую войну. Каждому ясно, что мы никоим образом не можем стоять за экономическую войну других капиталистических государств против Германии. Если взять последнюю речь Вильсона, то из нее видно, что и в Америке начинают понимать, насколько для них эта сделка невыгодна. Теперь, когда влиятельные коммерческие круги Англии и Франции считают, что результаты Парижской конференции не могут быть проведены в жизнь,—в этот момент г.г. немецкие представители приходят и требуют нашего содействия тому, чтобы Германия и Австро-Венгрия взяли на себя инициативу в экономической войне, потому что дело идет именно к этому. Понятно, что это для нас совершенно невозможная вещь. План экономической войны с Германией, вызвавший сомнение еще при своем возникновении, с каждым днем становился все нереальнее. Во имя интересов рабочих масс России мы должны были выйти из союза с английскими и французскими капиталистами, из союза, направленного против рабочих всего мира, но мы не можем быть пособниками в осуществлении таких же планов с другой стороны.

Считаю нужным ответить еще на несколько аргументов,—а именно на две ссылки: 1) что мы требуем для себя известных торговых преимуществ в пограничных азиатских странах и 2) что мы того же требуем для тех государств, которые выделятся из состава России. Ссылка на азиатские страны была бы верна в том случае, если бы г.г. германские делегаты стремились сравнить Австрию с Хивой, Бухарой, что, однако, не имеет места. Что же касается отношения нашего к государствам, имеющим выделиться из состава бывшей Российской империи, то тут налицо две возможности: первая—эти государства сохранят государственную связь с Россией, войдут в состав Российской Федерации, тогда наше отношение к ним, например, к Украине, будет равняться отношению Пруссии, например, к Баварии,—и в таком случае эти государства являются суб'ектом международного договора. Вторая возможность: если бы отдельные области России,—скажем, Курляндия, Литва и Польша,—были силою оружия оторваны от России,—в таком случае, когда речь идет о территориях, экономическая жизнь которых в течение переходного времени в значительной мере зависит от приспособления к новым условиям хозяйственного быта, Германия и Австро-Венгрия, под влияние которых они подпали, должны были бы приветствовать известные льготы, предоставленные им нами на переходное время.

Известно, что отделение Эльзас-Лотарингии от Франции привело в этих областях к упадку текстильной промышленности на известное время. Точно так же отделение известных областей от русских рынков означало бы гибель этих областей, если бы им, во всяком случае, на переходное время, не были предоставлены необходимые льготы. Так что

здесь нет и не может быть речи о том, что мы требуем выгод только для себя, а не хотим их предоставить вам. И в таком случае Германия и Австрия, в первую очередь, были бы очень довольны этими льготами. Так что аргументы, представленные со стороны германской делегации для подтверждения двух положений: 1) о том, что их требования не противоречат принципу наибольшего благоприятствования, и 2) о том, что наши требования представляют противовес их требованиям,—эти аргументы не выдерживают никакой критики.

Кернер. Я хотел бы, в целях полной ясности, попросить г. предыдущего оратора предоставить нам полный перевод своих заявлений. Например, г. предыдущий оратор говорил здесь по поводу Эльзас-Лотарингии, но это не было переведено им на немецкий язык.

Радек. Мне кажется, я больше говорил по-немецки, чем по-русски. Я хотел сказать следующее: если мы предположим вторую возможность, т.-е. когда завоеванные силой немецкого оружия области Российской территории выделятся в самостоятельные государства, то в таком случае встанет вопрос о переходном времени, в течение которого эти области, отрезанные от прежних торговых рынков и в экономическом отношении неподготовленные к хозяйственной жизни Центральных Держав, могли бы пользоваться предоставленными им Россией льготами, в целях постепенного приспособления к новым условиям. Я привел, как пример, Эльзас-Лотарингию, которая в 1871 году значительно пострадала, благодаря такому переходу к новым экономическим условиям. Это не зависит от воли государства. Каждая страна, аннексирующая какую-либо область, заинтересована в росте ее хозяйственной жизни уже из-за одних финансовых соображений; однако, новые условия не способствуют этому.

Итак, наше особое отношение к таким областям являлось бы уступкой не нам, но именно этим областям, а поскольку эти области имели бы значение в хозяйственной жизни Центральных Держав,—уступкой Центральным Державам. Мы не знаем, насколько эта наша тактика встретила бы сочувствие общественного мнения в России, во всяком случае, это не есть признание стремлений Германии и Австро-Венгрии, являющихся результатом определенных политических и экономических планов Германии, которым мы не только не способствуем, но с которыми мы боремся подобно тому, как мы это делаем по отношению к империалистической политике Англии.

Кернер. Как г. председатель российской делегации, так равно и г. предыдущий оратор высказались в том смысле, что намерение создать более тесный таможенный союз между Германией и Австро-Венгрией преследует боевую задачу,—задачу борьбы с другими государствами на экономической почве. Последний оратор развил эту мысль в том направлении, что основанием для такого таможенного союза между Австрией и Германией служат не экономические соображения, а соображения политики. Он характеризовал его, как начало той комбинации, которую можно обозначить, как Берлин—Багдад. Я не знаю, какие положительные данные он имел для того, чтобы утверждать это. Во всяком случае мы, которые стоим к этой мысли ближе, чем это возможно

для г. предыдущего оратора,—мы совершенно другого убеждения. Ни в одной из прежних стадий обсуждения этого проекта не высказывалась мысль о подобной организации с целью борьбы; равным образом, при этих соображениях не были обнаружены политические цели. Цель такого союза всегда понималась, как цель экономическая, а именно—была мысль создать более обширный внутренний рынок. Ясно, что один рынок, который имеет 120 миллионов покупателей, представляет собою гораздо большее поле, нежели два рынка, из которых один, скажем, содержит 65 миллионов, а другой—55 миллионов покупателей. Мы поэтому придерживаемся того мнения, что экономический союз между Австро-Венгрией и Германией был бы и для России не ущербом, а, наоборот, выгодой. После восстановления правильного товарообмена Россия имела бы также выгоды от такого большого соединенного рынка.

Г. предыдущий оратор привел целый ряд цитат, в которых доказывалось, что не в интересах Германии было бы путем особого соглашения с Австро-Венгрией рисковать своим торговым положением.

Разумеется, и помимо приведенных здесь, существует большое количество подобных мнений и они вполне основательны. Ни у нас, ни у Австро-Венгрии не существует намерения путем предполагаемого экономического союза, создать для себя менее благоприятное торговое положение по отношению к другим странам. Именно для того, чтобы избежать этого, мы и ведем здесь переговоры с вами. Цитаты, приведенные г. предыдущим оратором, касаются союза, который, главным образом, заключался бы в предоставлении особых льготных пошлин. При таком характере предполагаемого таможенного союза, который, вообще говоря, не представлял бы собою союза экономического,—упрек в том, что он стоял бы в противоречии с принципом наибольшего благоприятствования, не был бы безусловно неправильным. Но мы стремимся к тому, чтобы создать будущий союз таким образом, чтобы он заключался не только в предоставлении отдельных льготных пошлин, но чтобы он имел целью создать, по возможности, одно экономическое целое. Конечно, еще вопрос, будут ли эти планы осуществлены. Если бы они осуществились, то, с нашей точки зрения, они не стояли бы в противоречии с принципом наибольшего благоприятствования.

Я просил бы также выяснить одно недоразумение: г. предыдущий оратор говорил о преимуществах, которые Россия намерена предоставить своим соседям в Азии, между тем как г. председатель российской делегации, если я только правильно понял, ни о чем подобном не говорил. Поэтому я хотел бы спросить:—намерена ли Россия и впредь поддерживать существование таких льгот, или же это не имеется в виду?

И о ф ф е. Что касается последнего вопроса г. председателя германской комиссии, то я могу указать на то, что в предлагаемом нами проекте ясно сказано: «Договаривающиеся стороны не могут заявлять притязаний на благоприятствование, могущее иметь место в мелких пограничных сношениях, и, сверх того, Германия не может заявлять притязаний на те преимущества, которые могут быть предоставлены Россией пограничным с нею азиатским землям, а также самостоятельным государствам, выделившимся из состава бывшей Российской империи в

тех ее границах, какие последняя имела 31/18-го июля 1914 года, а Россия—на те преимущества, которые будут предоставлены Германией ее колониям». Тут надо вставить оговорку относительно Люксембурга и австрийских общин; мы это сделаем, но я хотел бы указать, что эти оговорки не препятствуют праву наибольшего благоприятствования, тем более, что они имеются также и в старом договоре между Россией и Германией. Новыми в данный момент являются только притязания Германии на исключение из права наибольшего благоприятствования Австро-Венгрии. И я хотел бы сейчас поставить определенный вопрос: считает ли германская делегация обязательным распространение этого ограничения также на Турцию и Болгарию? Я не стану повторять того, что уже было сказано, но мы полагаем, что здесь имеется существеннейшее нарушение принципа наибольшего благоприятствования, и что взаимность была бы соблюдена только в том случае, если бы Германия признала и за Россией право в будущем заключать такие таможенные союзы, не считаясь с предоставляемым Германии правом наибольшего благоприятствования. Я уже указывал, что оно было бы компенсировано хотя бы признанием за Россией права на заключение такого же союза, например, с Соединенными Штатами Северной Америки. Я также указывал и на то, что Россия, в своем стремлении прекратить экономическую войну, на такие права претензий не заявляет. Если г. председатель германской комиссии продолжает оставаться на своей точке зрения о необходимости из'ятия из права наибольшего благоприятствования Австро-Венгрии, то я хотел бы повторить свое предложение относительно того, чтобы формулировать п. 7-й в двух редакциях, в нашей и германской, с тем, чтобы этот вопрос подлежал окончательному разрешению после того, как мы достигнем соглашения по основным вопросам, нас сейчас разделяющим. При этом, я хотел бы подчеркнуть необходимость точного ответа, а именно: ставится ли со стороны германской делегации вопрос о заключении таможенного союза с Австро-Венгрией, как заранее предрешенный вопрос, и распространяются ли эти притязания также на Болгарию и Турцию?

Кернер. Я вполне согласен с предложением российской делегации представить нам новую редакцию п. 7-го,—в свое время мы подвергнем его более подробному обсуждению. Мы также оставляем за собою право предложить новую редакцию п. 7-го. Последний вопрос г. председателя российской делегации получает свой ответ уже в той редакции п. 7-го, которую мы предложили. Ведь там сказано, что «ни одно государство не может заявлять притязаний на преимущества, предоставляемые Германией Австро-Венгрии или тем государствам, которые состоят с Германией в таможенном союзе в настоящее время или вступят в таковой в будущем, а также и своим колониям». Здесь определенно делается различие между Австро-Венгрией и другими государствами. Из этого следует, что в то время, как по отношению к Австро-Венгрии уже существуют определенные планы, о таковых не приходится говорить по отношению к другим странам. Хотя Германия оставляет за собою право делать исключения из принципа наибольшего благоприятствования,—но в то же время по отношению к другим странам ею оговаривается только это право, но ни одно такое государство точно не

указано, и никаких определенных планов в этом смысле пока не имеется.

Иоффе. В той редакции, которая была предложена и которую сейчас комментировал г. председатель германской комиссии, Германия оставляет за собою право заключения всяких таможенных союзов с кем бы то ни было, в то же время не предоставляя такого права России. Полагаю, что это, во всяком случае, не соответствует принципу взаимности.

Кернер. Я уже указывал, что и мы, с своей стороны, предложим вам новую редакцию п. 7-го. Полагаю, что эта новая редакция устранит эти недоразумения. Я сослался на этот текст для того, чтобы об'яснить вам, что наши намерения по отношению к Австро-Венгрии иные, нежели по отношению к другим странам.

Иоффе. В таком случае, нам остается только подождать пред'явления этой новой редакции. Мы, с своей стороны, сделаем то же самое.

Кернер. Так как и с русской стороны предполагается представить новую редакцию, то, в виду этого, я предложил бы сейчас не указывать срока следующего заседания. Я думаю, что и для вас, и для нас будет желательно иметь свободное время, чтобы разобраться в результатах наших переговоров. Итак, я предложил бы сговориться об этом в дальнейшем. Я хотел бы еще сказать, что вы так же заинтересованы в том, чтобы в период переходного времени, до заключения окончательного торгового договора, не создалась бы такая обстановка, когда не будет никакого договора. Поэтому, во избежание последнего, надлежало бы принять меры к тому, чтобы имелось определенное соглашение, в случае, если бы это переходное время до заключения нового торгового договора несколько затянулось.

Иоффе. Мы совершенно согласны с этим, и, полагая, что торговый договор может быть заключен только после заключения всеобщего мира, мы предложили бы на этот промежуточный период признать право наибольшего благоприятствования; при чем, если в сухой формулировке, которая дана в п. 7-ом, это считается недостаточным, мы ничего не имеем против того, чтобы во время перерыва, который сейчас наступает в наших занятиях, был обсужден в подкомиссии более детально этот принцип наибольшего благоприятствования, а также и вопрос о проведении его в жизнь.

Кернер. Я согласен с этим предложением,—в особенности с тем, чтобы подкомиссия взяла на себя подготовку работ к следующему заседанию; я хотел бы только спросить, когда эта подкомиссия может приступить к работе, и, затем, должна ли она состоять из одного или двух представителей от каждой стороны?

Иоффе. Мы предложили бы с нашей стороны двух.

Кернер. В таком случае и с нашей стороны явятся двое. На этом мы могли бы закончить наше совещание. Угодно ли вам назначить заседание подкомиссии в 3 часа? (Выражается согласие). Мне не известно, свободно ли помещение. Согласны ли вы с тем, чтобы заседание состоялось в комнате г. Штокгаммерна?

Иоффе. Мы ничего не имеем против этого.

Кернер. Итак, в 3 часа.

Заседание закрывается в 12 час. 25 мин.

Заседание комиссии по экономическим вопросам

24/11 января 1918 года.

Заседание открывается в 11 час. 35 мин. утра под председательством фон-Кернера.

К е р н е р. На последнем заседании было решено образовать подкомиссию, в целях рассмотрения вопроса о том, насколько можно оставить в силе постановления старого торгового договора. Эта подкомиссия приступила к работе и рассмотрела все статьи, включая и заключительный протокол торгового договора. Сегодня мы должны выяснить свое отношение к этим работам подкомиссии. Поэтому я предлагаю, чтобы мы сейчас перешли к постатейному обсуждению старого договора, а также и заключительного протокола, и решили бы вопрос, насколько они могут быть оставлены в силе. При этом мы готовы придать нашему решению такой характер, что старые постановления договора не восстанавливаются, как таковые, а что они будут изложены в виде особого приложения к мирному договору. Если это мое предложение встречает сочувствие, то мы могли бы сейчас приступить к постатейному чтению старого договора.

И о ф ф е. Я не совсем так понимаю решение нашего последнего собрания, как это изложено г. председателем германской делегации. Именно это рассмотрение старого договора по пунктам и входило в задачу той подкомиссии, которая была тогда назначена.

Совершать же еще раз ту работу, которая уже проделана в подкомиссии, представляется мне не вполне целесообразным; насколько мы осведомлены, пункты старого договора были уже рассмотрены этой подкомиссией. Часть их была совершенно отвергнута, часть же была принята, как основа для нового соглашения.

Насколько нам известно, г.г. германские представители в этой подкомиссии были так любезны, что хотели представить новую формулировку этих пунктов, которые споров не вызывали,—так, чтобы целый ряд их можно было соединить в одну статью, так как речь ведь идет не о составлении нового договора, но лишь о выработке основных принципов торговых отношений в период до заключения нового торгового договора. Кроме того, мы не согласились относительно основных принципов; если я не ошибаюсь, то как раз в отношении 7-го пункта состоялось соглашение прошлого заседания нашей комиссии по поводу новой редакции этого пункта, согласно соображениям, приведенным обеими сто-

ронами на прошлом заседании. Что касается нас, то мы в наш проект пункта 7-го внесли соответственные изменения.

Кернер. На последнем заседании комиссии мы решили образовать подкомиссию с той целью,—как мы это понимали,—чтобы, не касаясь пока п.п. 4-го и 7-го, решить вопрос, какие именно постановления старого договора могут быть оставлены в силе. В этом смысле, в совместной работе с г.г. Покровским и Красиным, мы добились соглашения относительно целого ряда статей; что касается других статей, то были сделаны кое-какие замечания. По нашему мнению, было бы целесообразно и необходимо высказать свое отношение к работам подкомиссии. При этом была бы сделана попытка решить несколько вопросов, оставленных открытыми. В таком случае, мы могли бы, твердо надеясь прийти к соглашению, перейти к обсуждению п.п. 4—7. Итак, я полагаю, нам следовало бы остановиться на работах подкомиссии.

Иоффе. Я не вижу все же оснований, по которым пункты, долженствующие стать только приложением к основным пунктам,—председатель германской делегации только что в первом своем слове сказал, что все эти пункты, рассмотренные подкомиссией, не должны войти в мирный договор и являются лишь приложением к нему,—теперь именно должны являться единственным основанием для принципиальных пунктов. Я считаю, что, наоборот, нам необходимо, прежде всего, прийти к соглашению относительно этих основных пунктов, к обсуждению которых мы уже приступили. Я позволю себе пояснить это примером. У меня в руках результаты работ подкомиссии. Там сказано: «Статья 1-я противоречит нашей редакции. Германская делегация согласна принять ее в редакции старого договора». Следовательно, здесь мы сразу сталкиваемся с нашим четвертым пунктом. Ясно, что прежде, чем мы не пришли к соглашению относительно формулировки остальных принципов, выраженных в п. 4-ом, мы ни в коем случае не можем согласиться по поводу статьи 1-й этого договора. Я не возражаю против того плана, который так нравится г. председателю германской делегации, но я только не хотел бы, чтобы создалось впечатление, будто мы уже во всем согласились, а теперь только остается формулировать,—в то время, как у нас еще имеются серьезные разногласия как раз в принципиальных вопросах.

Кернер. В целях выяснения вопроса, позволю себе указать, какое положение создалось бы при обсуждении статьи 1-й. Это касается также и других статей. Насколько мы понимаем, наша задача состояла бы в том, чтобы констатировать, что постановления ст.ст. I—III, согласно которым подданным другой стороны предоставляются определенные права,—во всяком случае должны быть оставлены в силе. Вопрос же о том, насколько эти права надлежало бы расширить, согласно п. 4-му русского предложения, должен быть пока оставлен в стороне. Относительно постановлений проекта п. 4-го мы не можем еще сегодня дать определенного ответа. Я могу только повторить то, что я уже говорил раньше, а именно,—что некоторые постановления этого проекта я считал бы неприемлемыми. Если мы будем работать в предлагаемом мною порядке, то никоим образом не имело бы места предрешение вопроса о

том, станем ли мы за то или другое предложение, до тех пор, пока работы подкомиссии не дадут определенного результата. Также и относительно целого ряда других статей работу пришлось бы отложить до того времени, когда будет достигнуто соглашение.

Иоффе. Работа, к которой г. председатель германской делегации предлагает нам приступить, была уже сделана в подкомиссии. Что касается наших представителей в этой подкомиссии, то между ними и нами не существует никаких разногласий, и если они на заседаниях подкомиссии заявляли, что такой-то и такой-то пункт принят, а такой-то и такой-то пункт неприемлем, то и мы сейчас ничего другого сказать не можем. Если же предлагается вести работу таким образом, то, возвращаясь к указанному примеру—к ст. 1-й договора о торговле и мореплавании,—следует сказать, что здесь подразумеваются интересы торговли и промышленности. Мы в своих принципиальных предложениях пытались расширить это, чтобы взаимно защитить также и интересы рабочих. По этой причине наши представители в подкомиссии и указывали на недостаточность этой статьи. Если мы сейчас опять перейдем к обсуждению этих пунктов, то я ничего не могу сказать другого, как только повторить слова: «статья эта, по нашему мнению, недостаточна». И поскольку германская делегация не может нам дать ответа относительно расширения этой статьи, постольку мы никаких преимуществ по сравнению с нашей подкомиссией иметь не будем. И так будет обстоять дело со всеми статьями. Я повторяю, что я не вижу оснований для такой работы, которая уже однажды была проделана. Но если г. председатель германской делегации на этом настаивает, мотивируя это тем, что ответа на принципиальные вопросы он сейчас еще дать не в состоянии, то я возражать не стану. Однако, считаю своим долгом подчеркнуть, что все это делается в интересах успокоения общественного мнения, которому, напр., Бюро Вольфа все время пытается доказать, что все обстоит благополучно. Я должен отметить, что по принципиальным вопросам соглашение еще не достигнуто. Итак, я говорю, что, не видя серьезных оснований для того, чтобы перейти к обсуждению этих пунктов, т.-е. к той работе, которая была уже проделана в подкомиссии, я, вместе с тем, с только что сделанной мною оговоркою, не возражаю против этого.

Кернер. Мне кажется, что г. председатель российской делегации не совсем понял цель моего предложения. Подкомиссия собралась, совершила свою работу, но эта работа пока еще не зафиксирована в протоколе, и мы сейчас должны еще раз обсудить работу подкомиссии, с целью запечатлеть ее в протоколе. Необходимости перейти к обсуждению принципиальных соображений, высказанных в п. 4-ом русского предложения, с нашей точки зрения, в настоящее время нет. Но следовало бы только констатировать, что вопрос о п. 4-ом пока оставлен открытым.

Иоффе. Г. председатель германской делегации указывал на необходимость внесения результатов работ подкомиссии в протокол. Я должен напомнить, что мы не имели ничего против того, чтобы все работы подкомиссии были запротоколированы. Против этого возражали,

в интересах сокращения времени, как раз г.г. представители германской комиссии. Если мы теперь будем повторять работы подкомиссии, только для того, чтобы зафиксировать их в протоколе, то надо будет признать, что в работе подкомиссии не было нужды. Что же касается вопроса по существу,—вопроса о возможности обсуждать отдельно детальные пункты, когда еще не имеется соглашения по общим принципиальным вопросам, то, повторяю, я считаю это совершенно нецелесообразным. Я еще раз должен сказать, что единственный смысл обсуждения отдельных пунктов, это—создать впечатление, что в основных принципах соглашение уже достигнуто, между тем, как именно в этом смысле такое обсуждение не может привести к желанным результатам. Ведь, каждый из этих отдельных пунктов имеет значение только постольку, поскольку он является в результате соглашения по принципиальным вопросам.

(Об'является перерыв).

Кернер. Об'являю заседание снова открытым.

Иоффе. Я считаю нужным напомнить, что на предыдущих заседаниях комиссия не могла прийти к соглашению по вопросу о правовом отношении к своим рабочим и к рабочим враждебного государства, равно как и по вопросу о таможенном союзе с Австро-Венгрией и другими государствами, и что как раз по поводу этих вопросов был об'явлен перерыв в работах комиссии, после которого были бы формулированы точки зрения обеих сторон. В целях ускорения работ, была назначена подкомиссия, задача которой была чисто техническая, а именно—детально разработать понятие наибольшего благоприятствования и выработать более конкретные основные условия торговых отношений в период времени между заключением мира России с Германией и заключением всеобщего мира,—когда должно было бы приступить к выработке нового торгового договора. Подкомиссия свои работы закончила, и комиссии надлежало бы теперь перейти к обсуждению вопросов, поставленных на прошлом заседании. Если считают необходимым и далее продолжать работу технического характера, то мы, с своей стороны, предлагаем вторично созвать подкомиссию. Что же касается работ самой экономической комиссии, то мы попрежнему придерживаемся того мнения, что она, прежде всего, должна выяснить обе точки зрения по поводу вопросов, которые мы обсуждали на прошлом заседании. Если в данный момент со стороны германской делегации не может быть точно формулировано отношение Германии к этому вопросу, то мы предлагаем продолжительный перерыв, которого германская делегация потребовала на прошлом заседании—до тех пор, пока эта формулировка не будет нам дана. Я повторяю, что это еще не обязательная и окончательная формулировка. Во всяком случае, ответ на те вопросы, которые нас интересовали на трех предыдущих заседаниях, должен быть дан именно теперь; в противном случае, совершенно невозможно прерывать одну работу и переходить к другой.

Кернер. Мне кажется, что, если мы примем предложение г. предыдущего оратора, то мы попадаем в заколдованный круг. Вопрос о том, насколько работы подкомиссии получили утверждение комиссии, снова остается открытым в отношении пунктов 4—7. Следовательно, с вашей

точки зрения, вопрос о детальной разработке этих пунктов находится в зависимости от ответа на принципиальные вопросы, мы же, наоборот, того мнения, что ответы на общие вопросы зависят до известной степени от разработки частных вопросов. Чтобы выйти из этого заколдованного круга, я предложил бы перейти к обсуждению вопроса о невозобновлении старого торгового договора, вопроса о заключении нового договора после заключения всеобщего мира и, наконец, вопроса об урегулировании торговых отношений на переходное время. Тогда, по крайней мере, мы придем к необходимому с вашей точки зрения принципиальному соглашению по вопросам для того, чтобы комиссия утвердила работы подкомиссии. Я мог бы сделать формулированное предложение по вопросу об оставлении в силе старого торгового договора, по вопросу о заключении нового торгового договора и по вопросу о выработке нового соглашения, и если это предложение встретит с вашей стороны сочувствие, то затем мы могли бы перейти к детальному обсуждению работ подкомиссии. В новой работе подкомиссии в настоящее время, собственно говоря, нужды нет, потому что все вопросы уже обсуждены в подкомиссии. Для фиксирования же того, что именно было решено в подкомиссии, отсутствие г. Красина не имеет значения. Я сейчас прочту вам наше предложение, и если мы согласимся относительно его редакции, то, по моему мнению, мы должны будем перейти к обсуждению отдельных пунктов работы подкомиссии. В качестве основы для специальных постановлений, которые были бы приложены к нашему мирному договору, я хотел бы сказать следующее:

«Обе договаривающиеся стороны обязуются немедленно после заключения мира войти в переговоры относительно заключения нового торгового договора с европейскими государствами, с которыми они не находятся в состоянии войны, с Соединенными Штатами Северной Америки и с Японией. До заключения этого договора остаются в силе для торговых сношений между Германской империей и Россией постановления, которые приложены к настоящему договору. Если бы заключение нового торгового договора не состоялось до . . . ., то после этого срока, каждая сторона имеет право отказаться от настоящих провизорных правил, заявив об этом за год до этого».

Я хотел бы сделать одно небольшое об'яснительное замечание. То, что в этом пункте говорится только об европейских государствах, о Соединенных Штатах Северной Америки и об Японии, имеет целью предохранить нас от некоторых возможных затруднений при заключении окончательного торгового договора; так, например, с такими странами, как Парагвай, Урагвай, Костарико и др., не так легко было бы заключить договор. В общем, я полагаю, это предложение соответствует желаниям и намерениям, выраженным вами на предыдущих заседаниях.

Иоффе. Насколько я понял, это предложение является соединением наших п.п. 6-го и 7-го, с тою только разницею, что здесь говорится о том, что в течение всего переходного времени между подписанием настоящего мирного трактата и заключением нового торгового договора будут действовать те нормы, которые оговорены в добавлении к этому предложению,—мы же намерены в следующем же пункте указать,

каковы именно будут эти нормы, т.-е. выдвигаем принцип наибольшего благоприятствования. И это добавление сделано уже в качестве раз'яснения самого принципа наибольшего благоприятствования. Добавление, которое здесь имеется, относительно возможности отказа, с нашей стороны возражений не встречает. Мы, с своей стороны, в новом проекте п. 7-го также предполагаем установить право взаимного отказа. Считаю своим долгом сказать, что право на более детальные заявления по поводу этого предложения я оставляю за собою.

Кернер. Я хотел бы только указать, что с принципом наибольшего благоприятствования эта формулировка не имеет никакой связи. Относительно принципа наибольшего благоприятствования можно будет говорить тогда, когда будут обсуждаться п.п. 6-й и 11-й, или в том случае, если бы мы решили подвергнуть специальному рассмотрению п. 7-й нашего предложения.

Предлагаю, за поздним временем, закрыть заседание.

Заседание закрывается в 1 час 10 мин.

Заседание комиссии по экономическим вопросам

27/14 января 1918 года.

Заседание открывается в 11 час. 11 мин. утра под председательством фон-Кернера.

Кернер. В совещании, которое у меня было позавчера с г. Иоффе, мы, прежде всего, условились кратко разобрать п.п. 4, 5, 6 и 7-й, чтобы иметь возможность дать российской делегации надлежащие об'яснения. С другой стороны, нам было обещано, что затем будут подвергнуты рассмотрению работы подкомиссии, в которую с русской стороны входят г.г. Покровский и Красин, для того, чтобы увидеть, насколько результаты этих работ одобряются комиссией. Я позволю себе спросить российскую делегацию: согласна ли она в сегодняшнем заседании придерживаться этой программы?

Иоффе. Возражений не имеется.

Кернер. В таком случае мы переходим к рассмотрению пункта 4-го, установленного еще до рождественского перерыва. Русское предложение гласит:

«Граждане одной из договаривающихся сторон, постоянно или временно проживающие в пределах территории другой стороны, будут пользоваться равноправностью с туземцами в отношении участия в политической и общественной жизни и, в частности, одинаковыми правами защиты своих экономических интересов и участия в профессиональном движении; они будут поставлены в одинаковые условия с туземцами в отношении права производства торговли, занятия промыслами, охраны труда и социального страхования и не будут облагаться иными или более тяжелыми сборами, нежели туземцы.

Равноправность граждан договаривающихся сторон не распространяется на права и обязанности их в отношении военной службы в армии и флоте, а также в национальной гвардии и в милиции».

К этому предложению мы имеем сделать следующее замечание: Поскольку дело идет о тех правах, которые уже предоставлены в ст.ст. 1-й и 3-й старого договора, мы согласны с русским предложением. Распространение равноправия на политические права мы отклоняем. Что касается права участия в социальной жизни и предоставления прав для защиты своих экономических интересов, то мы, прежде всего, просим об'яснить нам, что именно под этим подразумевается.

Иоффе. Я уже указывал на то, что ст.ст. 1-я и 3-я старого торгового договора защищают только интересы торгового класса. В нашем предложении п. 4-го мы имеем в виду также и защиту русских рабочих, временно или постоянно проживающих и работающих в Германии. Мы в своей формулировке стремились добиться того, чтобы, в отношении германского социального законодательства, они были равноправны с немецкими рабочими. Следовательно, дело сводится к тому, чтобы они так же, как и немецкие рабочие, имели право создания союзов, право собраний и проведения этих собраний на собственном своем языке и, наконец, право стачек для защиты своих экономических интересов. Кроме всего этого, имелась в виду также и та мысль, чтобы русские рабочие, как это уже было сказано раньше, за защиту своих интересов не могли высылаться, в качестве неудобных иностранцев.

Кернер. Я полагаю, что после сделанного нам об'яснения мы будем в состоянии дать ответ по всем пунктам.

Что касается права участия в профессиональном движении, права участия в производстве торговли и занятия промыслами, а также охраны труда и налогов, то германское законодательство не предусматривает различия в положении иностранцев и туземцев. В то же самое время, равноправное положение иностранцев в отношении их участия в торговле и промышленности и в платеже налогов уже установлено статьей 1-й договора. Существуют ли какие-либо ограничения по уставам профессиональных союзов, нам неизвестно; во всяком случае, они не подлежат влиянию правительства. Что же касается равноправия в отношении социального страхования, то этот вопрос остается открытым, так как мы еще не получили надлежащих инструкций.

Право выселения, на которое указывал г. председатель российской делегации, должно быть оставлено в силе по отношению к иностранцам: оно является результатом суверенных прав государства. Что касается исключения, сделанного в отношении службы в армии и флоте, а также в гвардии и милиции, то исключение уже предусмотрено в ст. 3-й договора и, согласно русскому предложению, будет оставлено в силе.

Иоффе. Примечание относительно службы в армии, во флоте, в национальной гвардии и в милиции вызвано теми соображениями, что наш проект предусматривает равноправное положение иностранцев и туземных жителей также и в политических правах. Поскольку предложение такого равноправия отклоняется, постольку, конечно, нет нужды и в этом примечании.

По словам председателя германской делегации, в Германии не существует исключительных законов для иностранцев. По этому поводу я хотел бы сказать следующее. Насколько мне известно, согласно германскому закону о языке от 1909 года, на всех собраниях разрешается говорить исключительно на немецком языке: таким образом, русские рабочие, которые немецкого языка не знают, будут на своих собраниях лишены возможности обсуждать интересующие их вопросы; следовательно, фактически, это ограничение сводится к лишению русских рабочих права собраний. Я хотел бы спросить, считают ли необходимым удержать это ограничение и впредь?

Второй вопрос касается уже однажды затронутого мною положения о сельских рабочих, так как, на основании прусского закона о прислуге, существуют специальные ограничения для сельских рабочих и специальное расширение прав хозяев, что недопустимо в отношении русских рабочих. Поэтому и в данном случае я хотел бы спросить, имеется ли намерение придерживаться этого и впредь?

Кернер. Что касается закона об языке на собрании, то это относится к политической области; поэтому ответ на этот вопрос я отклоняю, как я это уже сделал раньше по другим политическим вопросам.

Что касается применения прусского закона о прислуге к русским рабочим, то я, прежде всего, хотел бы указать на то, что здесь идет речь не об имперском законе, а о законе отдельных государств, находящихся вне воздействия имперского законодательства; эти законы о прислуге имеют различный характер в разных государствах Германии и применяются равным образом как к иностранцам, так и к туземцам, насколько они вообще применимы к первым; я полагаю, что никогда не существовало намерения поставить иностранцев и туземцев в неравное положение при применении этих законов о прислуге.

Радек. Я хотел бы сделать некоторые замечания по поводу раз'яснений г. председателя. Что касается закона о языке, то при принятии этого закона в 1909 году германским правительством, а также и бывшим тогда государственным канцлером фон-Бетман-Гольвег было определенно заявлено, что закон о языке имеет силу лишь в отношении политических собраний, но никак не в отношении собраний рабочих, говорящих на иностранном языке. Существующая практика германских властей не соответствует этому заявлению государственного канцлера, и дело здесь не в политических правах, но,—как это и было затем неоднократно заявлено со стороны рудокопов,—в экономической заинтересованности выселенцев из русской Польши, которые таким образом были лишены возможности использовать свое право коалиции. Итак, если германская сторона заявляет о полной невозможности для нее делать какие-либо исключения в отношении политических прав,—мы, с своей стороны, настаиваем на том, что этот вопрос есть вопрос экономический, вопрос жизни для русских рабочих, так как для них здесь дело идет о куске хлеба.

Что касается закона о прислуге, то мы никоим образом не верим тому, чтобы к русским рабочим относились иначе, нежели к немецким рабочим; мы только заявили, что равноправности в отношении телесных наказаний мы не придаем никакого значения. Тот ответ, что это является правом отдельных государств, фактически правилен, так как закон о прислуге подлежит ведению ландтагов; но нельзя же утверждать, что при заключении этого международного договора должны быть выговорены права для отдельных государств, хотя противная сторона и утверждает, что такого рода случаи должны быть предусмотрены в договоре. Мы, с своей стороны, могли бы также сослаться на многое и представить это как «nolli me tangere».

Я хотел бы обратить внимание германской делегации еще на одно обстоятельство, а именно, на выдвигаемое нами предложение равноправ-

ности в отношении защиты прав рабочих; формально в Германии такая равноправность признается, но в действительности ее нет, так как те правила о предохранительных мерах, которые имеются на стенах немецких фабрик и рудников, понятны лишь немецким рабочим. Установлено, что во многих случаях смерть от дизентерии была вызвана отсутствием надлежащих предписаний на польском языке. Было бы желательно обратить на это внимание г.г. германских представителей.

Иоффе. Таким образом, я попросил бы г.г. представителей германской делегации, если возможно, еще раз обсудить эти вопросы и принять к сведению все выраженные нами в этом отношении пожелания, а теперь мы могли бы перейти к рассмотрению дальнейших пунктов.

Кернер. Я с этим вполне согласен, так как уже при переговорах с г. Иоффе мы пришли к тому решению, что по поводу пунктов 4—7 желательно было бы пока высказаться вкратце. Поэтому я сейчас не буду подробно отвечать на об'яснения г. Радека, но я хотел бы только указать на то, что различные постановления законов о прислуге содержат в себе не только постановления о телесных наказаниях. Из слов г. Радека можно было заключить, что эти законы постановляют только одно, а именно, что надо пороть; об этом, конечно, не может быть и речи.

Я не хотел бы останавливаться более подробно на этом вопросе, я позволю себе только сказать,—и это относилось бы ко всем подобным пожеланиям,—что, на мой взгляд, мы сейчас подошли к вопросу о том, насколько возможно будет восстановить сближение в области торговых отношений; при этом, по моему мнению, нам не следовало бы слишком расширять рамок нашего обсуждения.

Иоффе. Что касается последнего замечания г. председателя германской делегации, то мы ни в коем случае не можем согласиться с той мыслью, что защита прав рабочих выходит из рамок нашего обсуждения, так как, я полагаю, обсуждение этого вопроса является обязательным для нас и касается будущих отношений между Германией и Россией.

Кернер. Итак, мы могли бы приступить к обсуждению п. 5-го. Относительно этого пункта мы придерживаемся нашего контр-предложения; в принципе мы согласны с русским предложением, мы полагаем только, что наше контр-предложение формулировано точнее и содержательнее. Окончательную же формулировку нашего отношения к русскому предложению мы оставляем за собою до того момента, когда с большей ясностью определятся нормы урегулирования торговых отношений на период переходного времени.

Иоффе. Уже на прошлом заседании я указывал на некоторые возникающие у нас сомнения по поводу германской редакции 5-го пункта. Совершенно верно, большой разницы между нашим предложением и предложением германским по существу не имеется; однако, в германском проекте имеются некоторые предложения, на которых следовало бы остановиться более подробно. В данный момент, согласно нашему порядку дня, я буду очень краток.

Во-первых, у нас возникает сомнение по поводу той части проекта, где говорится, что обе договаривающиеся стороны будут бороться со

всякими мероприятиями, исходящими от частных лиц или еще откуда-нибудь. Мы уже указывали на то, что частные мероприятия, как, например, бойкот и т. п., в сущности говоря, воздействию правительства поддаются с большим трудом; в значительной степени это зависит от тех отношений между двумя народами, которые являются результатом мирного договора. Если заключенный мир был миром, основанным на соглашении, и у обеих сторон не имеется никаких оснований питать взаимную ненависть друг к другу, то, по всей вероятности, никакие бойкоты не будут иметь места; в противном случае, правительство вряд ли будет в состоянии бороться с такими проявлениями справедливого возмущения широких народных масс.

Далее в германском проекте говорится о соглашении обеих договаривающихся сторон взаимно поддерживать друг друга в борьбе с подобными мероприятиями, в случае, если бы они были пущены в ход третьей стороной. Мы предложили бы исключить также и это место, потому что мы стремимся к полному прекращению экономической войны. Германский проект предлагает нечто вроде создания оборонительного союза, между тем как опыт настоящей войны доказал, как трудно бывает различить, где именно кончается оборона и начинается нападение; при этом возникает постоянное опасение, что такой оборонительный союз легко может быть превращен в союз наступательный.

Затем, некоторые возражения с нашей стороны вызывает то место германского проекта, где говорится о соглашении применять неизбежные ограничения в торговле, напр., в отношении вывоза и т. п., таким образом, чтобы они были менее чувствительны для обеих сторон. В этой оговорке о наименьшей чувствительности для обеих сторон я предвижу опасность будущих постоянных конфликтов, потому что, если, скажем, Россия, в интересах внутренних, принуждена будет ограничить вывоз какого-либо товара из пределов государства, то всегда может последовать заявление, что это ограничение чувствительно для другой стороны и, следовательно, проведению в жизнь не подлежит. Поэтому, я полагаю, лучше всего было бы исключить также и это ограничение. Наконец, последнее наше возражение имеет отношение к той части, где говорится о сохранении для обеих сторон тех таможенных ставок, которые существовали к началу 1914 года. На мой взгляд, в данный момент в высшей степени трудно определить, какие именно таможенные ставки следовало бы сохранить на переходное время; поэтому я полагал бы, что также и эту часть следовало бы исключить из проекта п. 5-го. Как я уже сказал, в остальном германский проект по существу от нашего предложения не отличается и поэтому, в общем, приемлем.

К е р н е р. Я хотел бы сделать следующее краткое замечание. Как я уже указывал, мы также полагаем, что в основных принципах мы в данном случае сходимся. Вопрос только в том, насколько надлежит разработать в подробностях эти принципы и следует ли оставить или исключить те или иные ограничения. Утверждение г. предыдущего оратора относительно того, что невозможно бороться с теми или другими направленными против торговли мероприятиями, если таковые исходят от частных лиц, в известных пределах, конечно, правильно; но все же су-

ществуют такие случаи, с которыми бороться можно. Таким я считал бы, например, публичное воззвание к бойкоту. Мы уже приняли к сведению высказанную здесь точку зрения г.г. российских представителей, когда говорили, что обе стороны обязуются бороться с такого рода проявлениями всеми доступными, имеющимися в их распоряжении средствами; в этом и будет заключаться то ограничение, которое желательно г.г. представителям российской делегации. Что касается борьбы с такого рода мероприятиями, которые могут быть предприняты с третьей стороны, то этим мы не думали предлагать России вступать с нами в оборонительный союз против третьих держав. Мы лишь придерживаемся того взгляда, что из самих постановлений, направленных к прекращению экономической войны, следует то, что мы должны оказывать друг другу взаимную поддержку, в случае, если с третьей стороны делаются попытки нарушить экономический мир.

Далее, г. председатель российской делегации высказывался против того места нашего проекта, где говорится, что в переходный период обе стороны будут применять неизбежные в течение этого времени ограничения в торговле таким образом, чтобы они были как можно менее чувствительны для обеих сторон. При этом г. председатель российской делегации выразил опасение, что при толковании тех мер, которые могли бы быть чувствительны для одной из сторон, могут возникнуть конфликты. Этим я не хочу сказать, что он совершенно неправ; я не придаю особого значения этой оговорке в том виде, в котором она здесь сделана, но она все же должна выражать тот дух, которого надлежит придерживаться при применении исключительных мер, неизбежных для переходного времени; и именно в этом смысле я считаю подобного рода постановление не лишенным значения.

Далее, г. председатель российской делегации возражал против того места нашего проекта, где говорится, что если не будут иметься в виду ставки чисто финансового значения, то до 31-го декабря 1919 года не будут взиматься более высокие пошлины, нежели те, которые существовали к началу 1914 года. При этом он высказал мнение, что в вышеуказанном постановлении имеются такого рода ограничения, которые в настоящий момент не могут быть приняты в расчет. Наше предложение преследует следующую цель. Если отменить существовавшие до сих пор тарифные ставки, то для нашего ввоза в Россию автоматически применялись бы автономные таможенные ставки русского тарифа до тех пор, пока мы, согласно принципу наибольшего благоприятствования, не получили бы права на применение к нам других ставок. Автономный же таможенный тариф в России, как известно, очень высок и следовательно, представлял бы большие затруднения для нашего ввоза. Этого именно мы и хотели бы избежать. Конечно, это можно было бы сделать и другим способом, если он более приемлем для России; например, можно было бы оговорить,—я высказываю только свой личный взгляд,—что существующий русский тариф должен применяться и впредь, пока не будет отменен в законодательном порядке; это давало бы нам гарантию, правда, довольно слабую, что к нашим товарам не будет применяться автономный русский тариф. Возможно, что это дости-

жимо еще каким-либо способом, но я полагаю, что лучше всего оставить пока этот вопрос открытым. Преследуемая нами цель, как мне кажется, совпадает с тенденцией российской делегации, а именно—не затруднять каким бы то ни было образом ввоза путем применения высоких таможенных ставок, постольку, поскольку это не вызывается особыми условиями.

Иоффе. Я также полагаю, что, приняв во внимание обе имеющиеся редакции, в дальнейшем, по всей вероятности, удастся достигнуть компромиссного формулирования 5-го пункта. Поэтому, оставляя за собою право в дальнейшем вернуться к этому пункту, я предложил бы перейти к рассмотрению п. 6-го.

Кернер. Относительно п. 6-го с нашей стороны уже сделано предложение; и я думаю, нет нужды оглашать его вторично. Я полагаю, что наше предложение соответствует желаниям российской делегации, так как, с одной стороны, принимает во внимание заключение нового окончательного торгового договора, с другой же стороны, оно предусматривает временные постановления для переходного периода. В нашем проекте мы считались с предложением, разработанным в подкомиссии. Поэтому я предложил бы, после того, как будет достигнуто соглашение относительно тех принципиальных постановлений, которые должны быть внесены в мирный договор, перейти к обсуждению работ подкомиссии, с целью установить здесь, существует ли между нами какое-либо согласие по поводу результатов этих работ.

Иоффе. П. 6-й имеется также в двух редакциях; здесь близость между обеими редакциями еще большая, нежели в п. 5-ом. В германском проекте имеется только добавление относительно права отказа от провизориума, и против этого добавления мы ничего не можем возразить; но одна редакционная поправка казалась бы мне желательной. Здесь говорится, что провизориум должен считаться с теми постановлениями, которые выработаны в приложении к настоящему договору. Я полагаю, что этот провизориум регулируется не только приложением, но и договором, потому что ряд таких постановлений имеется в самом договоре.

Кернер. Поскольку эти постановления выработаны в договоре, постольку, конечно, нет нужды повторять их в приложении. Поскольку п.п. 5-й и 7-й заключают в себе иные постановления, нежели в приложении, постольку силу имеют именно постановления договора. Но мы того мнения, что надлежало бы обсудить вопрос о том, какие постановления входят в договор и в приложение.

Иоффе. Далее, я хотел бы указать на то, что у нас еще остается п. 7-й, который в известном смысле также является принципиальным. На прошлом заседании было решено, что, принимая во внимание возражения обеих сторон, этот пункт будет представлен в двух новых редакциях. Что касается нашей новой редакции, то она считается с теми указаниями, которые были сделаны на прошлом заседании относительно герцогства Люксембургского и двух австрийских общин Юнгхольц и Миттельберг; однако, попрежнему, в связи со всеми приведенными нами на прошлом заседании доказательствами, мы не считаем возможным

делать ограничения из принципа наибольшего благоприятствования для Австро-Венгрии и каких-либо других государств. Таким образом, прежде, чем перейти к обсуждению работ подкомиссии, я хотел бы подчеркнуть, что в данный момент мы можем констатировать либо расхождение, либо еще неполное выяснение мнений в отношении двух для нас кардинальных вопросов: во-первых, вопроса о равноправности русских рабочих с рабочими немецкими и, во-вторых, вопроса о принципе наибольшего благоприятствования и из'ятий, делаемых из этого принципа для Австро-Венгрии.

Кернер. Мы, собственно говоря, могли бы сейчас дать те об'яснения относительно п. 7-го, которые до сих пор еще не сделаны, но дело в том, что сейчас уже поздно и, если мы перейдем к обсуждению 7-го пункта, то у нас не останется времени для рассмотрения работ подкомиссии; если принять во внимание то, что всегда могут встретиться какие-либо затруднения или препятствия к дальнейшему нашему собеседованию, как это уже было однажды, то могло бы создаться такое положение, что мы не будем осведомлены относительно вашего мнения по поводу работ подкомиссии. Поэтому я против того, чтобы перейти к обсуждению п. 7-го и отложить разбор приложения на неизвестный срок. Я просил бы г.г. представителей российской делегации высказаться по этому поводу.

Иоффе. Я полагаю, что вся проделанная нами до сих пор работа исходила из взаимного желания довести ее до конца. До сих пор, в случае, если не было достигнуто соглашение по какому-либо пункту, мы формулировали отсутствие такого соглашения и переходили к разбору дальнейших пунктов; то же самое и в отношении п. 7-го. Если окажется, что мы не согласны в этом вопросе, то мы можем оставить его в двух имеющихся формулировках, и ничто не помешает нам перейти к обсуждению работ подкомиссии.

Кернер. Следовательно, мы можем рассчитывать на то, что если мы сейчас согласимся дать свои об'яснения относительно п. 7-го, то вы, с своей стороны, согласитесь перейти затем к обсуждению приложения.

Что касается п. 7-го, то я имею сделать следующие об'яснения. Абзац 1-й предложения, сделанного в декабре прошлого года, был бы исчерпан уже тем, что мы приняли бы ст. 6-ю из прежнего договора, содержание которого, согласно предложению подкомиссии, должно быть оставлено в силе. Редакция абзаца 2-го п. 7-го зависит от результатов соглашения по поводу п. 6-го и примечания к нему. Во всяком случае, по нашему мнению, должно указать на то, что ни одна сторона не может заявлять притязаний на преимущества, предоставляемые одной из договаривающихся сторон тем странам и областям, которые находятся с нею в таможенном союзе, а также и на преимущества для мелких пограничных торговых сношений. Далее, следует указать на то, что Германия не может заявлять притязаний на те преимущества, которые Россия до сих пор предоставляла пограничным с нею азиатским землям, за исключением Японии, или которые она уже предоставила или предоставит тем новым государствам, которые выделятся из состава Россий-

ского государства, но которые, вместе с тем, будут находиться с ним в тесной государственной связи.

Это предложение, правда, несколько отклоняется от дословного текста русского предложения, но по существу, по нашему мнению, они совпадают. Однако, сегодня я все же не могу настаивать на этом нашем предложении, так как оно зависит от окончательного положения дел при заключении мирного договора. Что касается ограничений, которые имеет право делать Германия, то мы хотели бы установить следующее:

«Россия не может заявлять притязаний на те преимущества, которые Германия предоставит Австро-Венгрии или другой стране, находящейся с нею в таможенном союзе и граничащей с Германией непосредственно или посредством другой находящейся в таможенном союзе с нею или с Австро-Венгрией страны, а равно и на те преимущества, которые будут предоставлены колониям, внешним владениям и землям, находящимся под протекторатом этих стран».

В этой редакции мы, насколько это было возможно при настоящем положении дел, считались с высказанными здесь с русской стороны пожеланиями. При этом установлены значительные ограничения для тех стран, которые могли бы пользоваться исключением.

Иоффе. Что касается исключений для мелких пограничных сношений и для тех государств и общин, с которыми уже имеется таможенный союз, то и мы в своей редакции с этим считались. У нас сказано:

«При чем, однако, договаривающиеся стороны не могут заявлять притязаний на благоприятствование, могущее иметь место в мелких пограничных сношениях, и, сверх того, Германия не может заявлять притязаний на те преимущества, которые могут быть предоставлены Россией пограничным с нею азиатским землям и самостоятельным государствам, выделившимся из состава бывшей Российской империи, в тех ее границах, которые последняя имела 31/18 июля 1914 года, а также Архангельской губернии и северному и восточному побережью Азиатской России (Сибири); Россия же—на те преимущества, которые ныне предоставлены или могут быть впредь предоставлены Германией, в силу существующего таможенного союза, великому герцогству Люксембургскому и австрийским общинам Юнгхольц и Миттельберг, а также ее колониям».

Таким образом, здесь приняты во внимание все те оговорки, которые имелись в договоре 1904 года; кроме того, мы считались также и с новыми возникшими теперь обстоятельствами.

Германское предложение хочет исключить из пограничных с Россией азиатских земель Японию,—следовательно, в отношении к договору 1904 года, ухудшает положение России и в то же самое время считает возможным потребовать для себя исключения, а именно тех льгот, которые намерено дать Австро-Венгрии и пограничным с Австро-Венгрией странам. Итак, приходится констатировать, что в отношении к Германии здесь предусмотрены льготы, которые носят характер односторонний, так как принимается во внимание не только уже существующий таможенный союз, с чем мы в своем предложении считались

как в отношении России, так и в отношении к Германии, но и предвидится возможность заключения будущих таможенных союзов.

По существу этого предложения мы уже делали возражения на прошлых заседаниях; теперь приходится констатировать, что в этом вопросе соглашения пока не состоялось и, как я уже предлагал, мы могли бы оставить п. 7-й в двух имеющихся редакциях и перейти к обсуждению работ подкомиссии.

Кернер. Мне кажется, нет необходимости подробно останавливаться сейчас на возражениях г. предыдущего оратора, так как в дальнейшем нам предстоит еще вести переговоры относительно тех вопросов, по которым соглашения не достигнуто. Как я уже говорил, мы сегодня еще не можем настаивать на своей формулировке; я хотел бы только указать на два пункта: во-первых, Япония не подпадает под те исключения, которые до сих пор существовали, потому что она не имела границ с Россией, и, во-вторых, в соответствии с принципом равноправности, следовало бы, наряду с предоставлением России права делать исключения для выделяющихся из ее состава государств, такое же право предоставить нам по отношению к тем государствам, которые нам особенно близки.

Иоффе. Особенно яркой параллели я здесь усмотреть не могу. Государства, которые выделятся из состава бывшей Российской империи, если таковые вообще выделятся, составляли с нею одно экономическое и политическое целое,—Австро-Венгрия такого целого с Германией не составляла. Что касается Японии, то морскую границу с Россией она всегда имела, а сейчас имеется граница еще и на Сахалине, так что Япония, собственно говоря, под этот пункт подходит. Считаю своим долгом сказать, что я оставляю за собою право дальнейшего обсуждения и более точного ответа на этот вопрос.

Кернер. К сожалению, время уже настолько позднее, что мы сегодня не в состоянии перейти к обсуждению работ подкомиссии. Когда мы могли бы это сделать?

Иоффе. Так как сегодня после обеда нам предстоит еще заседание правовой комиссии, то я предложил бы собраться завтра.

Кернер. Итак, с вашего согласия, я назначаю заседание завтра в 10 час. утра.

Заседание закрывается в 1 час.

Заседание комиссии по экономическим вопросам

28/15 января 1918 года.

Заседание открывается в 10 час. 15 мин. утра под председательством фон-Кернера.

Кернер. Задачей сегодняшнего заседания будет установить, насколько та работа, которую мы сделали в подкомиссии и, в частности, наши замечания по поводу этой работы совпадают с вашими взглядами. Затем нам предстоит высказаться по некоторым пунктам этой работы еще дополнительно. Итак, я перехожу к статье 1-й. Согласно нашему решению, эта статья должна быть оставлена в силе, при чем я оставляю за собою право расширить ее об'ем, в зависимости от пункта 4-го вашего предложения. Вчера еще мы обсуждали п. 4-й вашего предложения и пришли к тому заключению, что многое в нем должно быть оставлено открытым, конечно, за исключением тех положений, относительно которых во вчерашнем заседании высказались положительно. Следовательно, сегодня мы можем установить, как результат работы подкомиссии, что 1-я статья старого договора остается в силе и что стороны оставляют за собою право расширить эту статью в зависимости от результатов обсуждения п. 4-го русского предложения.

Иоффе. Поскольку дело идет о проверке результатов работ подкомиссии, замечания г. председателя были совершенно правильны; также и у нас относительно ст. 1-й старого договора, положенного в основу работы подкомиссии, значится та же самая пометка, как и только что изложенная г. председателем германской делегации, т.-е., что эта статья должна быть расширена, согласно п. 4-му нашего предложения. Однако, я полагаю, что нам не следовало бы ограничиться ревизией произведенных подкомиссией работ, но что, может быть, мы могли бы, хотя бы в общих чертах, наметить то дополнение к проекту, в котором более точно и детально были бы изложены основы будущих торговых отношений между Германией и Россией на время от заключения мира между Германией и Россией до момента заключения всеобщего мира, т.-е. на время провизориума; в таком случае нам необязательно было бы придерживаться формулировок старого договора или того проекта, который был положен в основу обсуждения подкомиссии. Напр., та же самая заметка, что в принципе статья приемлема, но подлежит расширению согласно п. 4-му русского предложения, имеется у нас также и в отношении ст. 3-й, и, по моему мнению, все эти три статьи—1-я, 2-я и 3-я—

очень хорошо совмещаются в п. 4-м нашего предложения. Поэтому я думаю, что в дополнении совершенно излишне восстанавливать длинную формулировку этих больших статей, если будет принят п. 4-й нашего предложения.

Кернер. Совершенно правильно, что ст.ст. 1, 2 и 3 тесно связаны между собою; поэтому замечание, имеющееся в ст. 1-й, значится также и в ст. 3-й, в которой, как и в ст. 1-й, указывается, что расширение этой статьи поставлено в зависимость от результатов обсуждения п. 4-го русского предложения. Подобного замечания мы не сделали относительно ст. 2-й, полагая, что тут связи с п. 4-м не имеется, однако, принимая во внимание общую формулировку п. 4-го русского предложения, это— вопрос спорный.

Что касается ст. 2-й, то в ней предусматривается уравнение в правах подданных обеих сторон по отношению к промысловой деятельности и к торговле и предусмотрен принцип наибольшего благоприятствования. Мы желаем, чтобы иностранцы были уравнены в этом отношении с туземцами, но при том лишь условии, что все права, которые будут предоставлены другим нациям, равным образом были бы предоставлены и нам.

Согласно об'яснению г. председателя российской делегации, я полагаю, что относительно уравнения в правах с туземцами у него не может быть никакого сомнения, но из правила об уравнении с туземцами необходимо сделать исключение, касающееся пограничных областей и крепостных районов. Поэтому на место абзаца 2-го ст. 2-й следовало бы предложить следующую редакцию:

«Подданные каждой из договаривающихся сторон должны иметь на территории другой стороны право наравне с местными жителями приобретать, владеть и управлять всякого рода движимым и недвижимым имуществом, равно как и распоряжаться им путем продажи, обмена, заключения брака, дарения, завещания или каким-либо другим способом, а также получать наследство по завещанию или в силу закона, не подвергаясь при этом ни в каком из названных случаев иным или более высоким податям, налогам или сборам, под каким бы то ни было наименованием, нежели местные жители. Каждая из договаривающихся сторон сохраняет за собою право делать из'ятия из этих положений для тех частей своей территории, которые об'явлены округами пограничной защиты или крепостными районами. Однако, ни в одном из вышеупомянутых случаев подданные одной стороны не должны быть поставлены в менее благоприятное положение, нежели подданные какой-либо третьей страны». К этому сводится наше предложение.

Иоффе. В нашем проекте п. 4-го содержатся, на мой взгляд, все те права, которые оговорены в этой ст. 2-й. Так, имеется полное уравнение иностранцев в правах с местными жителями. Если желательно установить это в определенной области точнее,—то возражений не имеется.

Что касается ограничений, которые делаются для пограничных и крепостных районов, то в нашем проекте, действительно, их нет, но, поскольку они считаются необходимыми, мы против этого также не

возражаем. Однако, в одном пункте только что прочитанная редакция не вполне совпадает, по моему, ни с нашим проектом, ни даже с проектом договора 1904 года,—а именно, в только что оглашенной редакции нет оговорки о том, «поскольку это будет дозволено или впредь будет дозволено и поскольку это соответствует местным законам страны». Я полагаю, что эту оговорку необходимо удержать; я поясню это примером: здесь говорится, что «подданные каждой из договаривающихся сторон должны иметь на территории другой стороны право наравне с местными жителями приобретать, владеть и управлять всякого рода движимым и недвижимым имуществом, равно как и распоряжаться им путем продажи, обмена, заключения брака, дарения, завещания или каким-либо другим способом, а также получать наследство по завещанию или в силу закона».

Если при этом не имеется оговорки:—поскольку это не противоречит основным законам страны, то может получиться неудобное положение: скажем, в одном из государств право наследования вообще будет отменено, в таком случае подданные Германии попадают в иное положение, нежели подданные этого государства. Поэтому, я полагаю, должна иметься оговорка относительно соответствия всех этих прав законам государства.

Кернер. К этому сводится и наше предложение, так как в нем ведь говорится, что подданные другой стороны должны быть уравнены в правах с местными жителями, и, поэтому, если бы местные жители были лишены одного из этих прав, то и мы также не имели бы права требовать его. Желательно было бы иметь оговорку на тот случай, если бы подданные какой-либо третьей державы пользовались большими правами, нежели местные жители, так как всегда можно допустить, что, посредством договоров или других соглашений, подданным третьей державы будут предоставлены какие-либо права, и в таком случае мы, с своей стороны, заявили бы притязания на эти права.

Иоффе. Подобный случай я считаю совершенно исключенным. Мы стремимся уравнять иностранцев в правах с российскими гражданами, но чтобы мы кому-нибудь из иностранцев дали большие права, нежели собственным гражданам,—это совершенно невозможно.

Кернер. Я считаю это вполне правдоподобным, но, собственно говоря, оговорка вообще никому не мешает.

Иоффе. Я полагаю, что самая возможность такой оговорки, самый факт такой оговорки носит в себе указание на возможность этого факта, и потому я считал бы эту оговорку неприемлемой.

Нейгауз. Я того мнения, что этот случай уже разрешается принципом наибольшего благоприятствования, и я прошу мне это подтвердить.

Иоффе. Совершенно верно, с этим я согласен.

Кернер. Следовательно, вы не имеете возражений против предложенной нами редакции, за исключением постановлений, касающихся иностранцев.

Нейгауз. Следует в таком случае только изменить редакцию ст. 6-й в том месте, где говорится о принципе наибольшего благоприят-

ствования. Я оставляю за собою право вернуться к этой редакции в дальнейшем, когда мы будем обсуждать ст. 6-ю.

Итак, мы переходим к ст. 4-й.

Иоффе. Я хотел бы задать один вопрос: считает ли противная сторона необходимым в дополнении к мирному договору формулировать эту 2-ю статью даже в том случае, если наше предложение п. 4-го будет принято?

Кернер. Могло бы возникнуть сомнение относительно права иностранцев приобретать имущество в собственность, потому что в русском предложении говорится только о том, что «граждане одной из договаривающихся сторон, постоянно или временно проживающие в пределах территории другой стороны, будут пользоваться равноправностью с туземцами в отношении участия в политической и общественной жизни и, в частности, одинаковыми правами защиты своих экономических интересов и участия в профессиональном движении». Правда, что под участием в общественной жизни можно было бы понимать также и право приобретать имущество в собственность, но все же это очень спорный вопрос. Поэтому я считал бы более целесообразным в ст. 2-й сделать постановление, которое устраняло бы какое бы то ни было сомнение по этому вопросу.

Иоффе. Я ничего не имею против того, чтобы эта оговорка была внесена; мне только кажется нежелательным до такой степени увеличивать размеры будущего мирного договора. Как раз эта сторона, имеющаяся в ст. 2-й, может быть посредством одной фразы вставлена в ст. 4-ю; например, если бы было сказано так: «а также и в праве приобретения, владения и передачи недвижимой собственности». Мне кажется, если бы иностранцы были уравнены в этом смысле в правах с местными жителями, то таким образом было бы выражено все, что желают выразить в предлагаемой длинной формулировке.

Кернер. Конечно, это редакционный вопрос и, следовательно, его обсуждение может быть оставлено под конец; но если внести это постановление в мирный договор, то снова возникают затруднения при установлении из'ятий, касающихся пограничных областей и крепостных районов.

Итак, мы переходим к ст. 4-й. Относительно этой статьи подкомисия пришла к убеждению, что она не требует никаких изменений. Для устранения сомнений я хотел бы только констатировать, что под акционерными компаниями следует понимать также и страховые общества, потому что с течением времени выяснилось, что у нас, правда, допускались русские страховые общества, однако в России немецкие страховые общества не допускались. Это, по нашему мнению, не соответствует торговому договору, и я хотел бы здесь констатировать, что должны допускаться также и немецкие страховые общества.

Иоффе. С той же оговоркой, которую я хотел бы сделать постоянной, т.-е. о соответствии внутренним законам страны, я не находил бы возражений против всей этой статьи в целом, а также против добавления относительно страховых обществ.

Кернер. Итак, мы можем перейти к ст. 5-й.

Что касается ст. 5-й, то было бы желательно удалить из нее слова: «за исключением направлений, кои для транзита закрыты или будут закрыты». В подкомиссии исключение этой фразы не встретило никаких возражений. Я хотел бы спросить: не встретит ли препятствий к этому комиссия?

Иоффе. Я хотел бы задать только вопрос: повидимому, имеется в виду транзит при провозе товаров в Персию?

Кернер. Конечно, транзит в Персию играет в данном случае главную роль, но речь идет о транзите и в другие азиатские страны.

Иоффе. Мы против исключения этой фразы не возражаем. Я хотел бы только добавить, что русской частью подкомиссии было сделано примечание, которое говорит, что ею было выражено желание попробовать внести оговорку относительно того, что ограничение ввоза, вывоза и транзита допустимо в порядке общегосударственного урегулирования хозяйственной жизни страны, в особенности—в переходное время, следующее за окончанием войны.

Кернер. Допустимость из'ятий была признана также и во 2-м абзаце ст. 5-й; при этом в подкомиссии было высказано желание, чтобы слова «по иным соображениям чрезвычайной важности» были подробно определены; однако, на наш взгляд, этого делать не требуется в виду того, что очень трудно предпринять подобное раскрытие этой формулы. Так как в начале абзаца 2-го указываются предметы государственной монополии, для которых делаются из'ятия, то, я полагаю, дальнейшей оговорки об иных соображениях чрезвычайной важности было бы достаточно для того, чтобы удовлетворить высказанное русской стороной пожелание. Может быть, следовало бы добавить после слов «государственной монополии»—«и случаи, подобные монополии». Я думаю, что этим были бы исчерпаны все пожелания русской стороны.

Иоффе. Мне кажется, что это все же не совсем так, так как можно себе представить урегулирование ввоза, вывоза и транзита не только путем монополизации,—так что было бы желательно все же сделать оговорку для права урегулирования.

Кернер. Да, но мы того мнения, что слова «по иным соображениям чрезвычайной важности» предусматривают также и эти случаи; однако, мы согласны еще раз обсудить этот вопрос и сделать другое предложение.

Иоффе. Я принимаю это к сведению, и я хотел бы сделать еще одно предложение, которого в подкомиссии сделано не было. Мне казалось бы, что в абзаце, где говорится: «равно как и для известных продуктов, по отношению к которым могут быть изданы исключительные запретительные правила», следовало бы исключить слова: «гигиены и ветеринарного надзора». Если найдут необходимым, я мог бы развить это подробнее. Насколько нам известно, из соображений ветеринарного надзора ввоз скота из России в Германию в высшей степени затруднялся в интересах германских аграриев и вопреки интересам как русских производителей, так и немецких потребителей; именно по этой причине желательно было бы не иметь такой оговорки в новом договоре.

Кернер. Следовательно, вопрос идет только об оговорке, имеющей в виду интересы ветеринарного надзора. Полагаю, что нам нельзя будет отказаться от этого исключения, потому что опыт показал, что заразные болезни скота в России настолько распространены, что мы не можем отказаться от известной защиты. Вследствие распространения России в пределах Азии, вследствие малонаселенности и кочующего характера населения многих областей, правильный ветеринарный надзор в России чрезвычайно затруднен, если даже не сделан совсем невозможным. Поэтому мы не можем отказаться от того, чтобы самим защитить себя от возможности занесения эпизоотических болезней.

Иоффе. Я признаю это, но цель моего предложения сводится к тому, чтобы по возможности ограничить возникающие на этой почве злоупотребления, а в такой широкой формулировке эти злоупотребления совершенно не ограничены. Может быть, можно было бы принять оговорку, что созывается специальная смешанная комиссия русских и германских экспертов для урегулирования этого вопроса. Это относится не только к ст. 5-й, но, насколько я помню, в договоре имеется еще одна статья, где специально говорится о ветеринарном надзоре.

Кернер. Мне остается только принять к сведению это предложение и обещать обсудить его. Если не имеется более никаких замечаний по поводу ст. 5-й, то мы можем перейти к ст. 6-й. Согласно решению подкомиссии, ст. 6-я могла бы остаться без изменений.

Нейгауз. Я уже указывал при обсуждении ст. 2-й, что принцип наибольшего благоприятствования, о котором идет речь в ст. 6-й, следует выразить в более общей форме, но я полагаю, что пока можно оставить этот вопрос открытым.

Кернер. Я с этим вполне согласен, потому что ведь может возникнуть вопрос,—следует ли этот принцип наибольшего благоприятствования включить в ст. 6-ю, где речь идет только о пошлинах и о торговле, или в ст. 2-ю, где речь идет, между прочим, и о недвижимом имуществе.

Итак, мы переходим к ст. 7-й. Относительно ст. 7-й существует согласие, что тарифы А и Б впредь не должны быть возобновлены, но, как я уже говорил, желательно было бы принять какую-нибудь гарантию против того, чтобы с отменой этих тарифов к нам не применялись высокие ставки автономного русского тарифа. При этом я имел в виду также и гарантии относительно сохранения в силе принятого в настоящее время тарифа.

Иоффе. По нашему мнению, вопрос о тарифе несвоевременно поднимать теперь, в виду продолжающейся войны и в виду той экономической пертурбации, которую война внесла в хозяйственную жизнь. Что касается применения высоких тарифных ставок в переходное время, то нет никакого сомнения в том, что высокие ставки не в интересах России и не в интересах Германии. Я полагаю, что на переходное время тариф будет регулироваться не только автономными ставками России, но также и теми ставками, которые фактически приняты в торговых сношениях России с другими государствами. Ведь в основе принципа наибольшего благоприятствования у нас имеется оговорка, что в отно-

шении Германии не будут применяться худшие меры, нежели в отношении других стран, в данном случае: Англии, Америки, Франции и т. д.

Кернер. Я хотел бы задать вопрос: какие тарифные договоры в России еще остались в силе?

Иоффе. На этот вопрос я в настоящий момент не могу дать точного ответа. Но, насколько мне известно, прежде всего остается в силе русский автономный тариф, но на практике, в особенности, в отношении заказов государственных, товары пропускаются вообще без пошлин.

Кернер. В частности, остался ли в силе французский тарифный договор? В прессе проскользнуло известие, что было сделано предупреждение, в смысле отказа от тарифа, и что было заявлено о намерении прекратить действие этого договора.

Иоффе. Насколько я осведомлен, это неверно.

Кернер. С Италией также имеется тарифный договор?

Иоффе. Да, также.

Кернер. Нельзя ли было бы найти все же какую-нибудь формулу, которая предохраняла бы нас от применения автономного тарифа?

Иоффе. По-моему, в том-то и заключается трудность, что сейчас невозможно найти таких формул. Я знаю, что стремления российского правительства сводятся к тому, чтобы вести внешнюю торговлю, по возможности, прямо от государства к государству и, по возможности, путем прямого обмена. В данный момент в России уже существует декрет, на основании которого без разрешения Всероссийского Экономического Совета воспрещен какой бы то ни было вывоз из России. Полагаю, что на практике не может возникнуть никаких затруднений по этому вопросу. Тариф А и Б германского проекта потому особенно неприемлем, что таможенные ставки там гораздо ниже, нежели таможенные ставки в отношении других государств. Я предложил бы поэтому оставить этот вопрос открытым.

Кернер. В подкомиссии мы обсуждали также вопрос о том, нельзя ли было бы предпринять меры против возможного повышения тарифных ставок, хотя бы, например, в том смысле, чтобы было оговорено, что, в случае повышения, ставки эти, во всяком случае, не должны превышать 40% стоимости товара. И вот для того, чтобы защитить нас от автономного тарифа, можно было бы это постановление обобщить и сказать, что, вообще, тарифные ставки не должны превышать 40% стоимости товара.

Иоффе. Я думаю, что также и это было бы неудобно. Необходимо считаться с тем, что наше государство вступает на путь государственного урегулирования торговли. Вполне понятно, что повышение таможенных ставок не в интересах какого бы то ни было из ныне воюющих государств, но в этом государственном урегулировании следовало бы предоставить свободу самому правительству; таким образом, может случиться, что в отношении определенной категории товаров вообще будут уничтожены таможенные пошлины, но в то же самое время в отношении другой категории товаров, например, в отношении предметов роскоши, будет признано необходимым повысить таможенные ставки

более, чем на 40%; по этой причине, такое общее ограничение казалось бы, все же, не вполне удобным.

Н е й г а у з. Я хотел бы указать на то, что в течение войны германским правительством был предпринят целый ряд понижений таможенных ставок, связанных с интересами России. Большая часть таможенных пошлин была вообще уничтожена. Следует считаться с тем, что в переходное время часть этих таможенных облегчений будет оставлена в силе; поэтому, в случае вступления в силу русского автономного тарифа, наше положение значительно ухудшилось бы, в то время, как ввоз из России был бы в то же самое время значительно облегчен. Подобного рода урегулирования мы не могли бы защищать с точки зрения германских интересов. Поэтому мы придаем большое значение тому, чтобы, хотя бы в переходное время, ввоз из Германии был поставлен, во всяком случае, не в худшие условия, нежели это было до войны. Так как с русской стороны последовало об'яснение, что повышение тарифа, за исключением тарифа на предметы роскоши, не в интересах российского правительства, то я не могу понять, почему наше желание установить максимум повышения таможенных ставок встречает сопротивление; что касается финансовых пошлин, то для них можно было бы сделать исключение.

И о ф ф е. Невозможность установления максимума повышения таможенных ставок коренится в самом факте экономической разрухи. В данный момент это просто невозможно: когда неизвестны самые цены товаров, то трудно устанавливать максимум или минимум таможенных ставок. Вот почему мы протестуем против этого. Но, с другой стороны, я хотел бы напомнить, что в редакции п. 5-го нашего предложения, на мой взгляд, уже заключаются все высказанные здесь пожелания. Я напомню только, что там говорится, что «в течение переходного времени, необходимого для устранения последствий войны и установления новых отношений, договаривающиеся стороны обязуются, по возможности, не затруднять снабжения необходимыми товарами посредством введения ввозных пошлин и выражают готовность вступить в переговоры относительно сохранения дальнейшего развития тех смягчений таможенных ставок, которые были введены во время войны». Т.-е. здесь имеется как признание и заявление о нежелательности устанавливать высокие таможенные пошлины, так и признание уже существующей отмены пошлин и пожелание провести это и дальше,—одним словом, все то, что сейчас было выражено в форме пожелания со стороны г. предыдущего оратора.

Н е й г а у з. Я хотел бы обратить внимание на то, что в русском предложении идет речь о новых высоких таможенных пошлинах, и хотел бы спросить: подразумевается ли под новыми высокими пошлинами также и новое осуществление автономного тарифа?

И о ф ф е. Я должен указать на то, что в русском тексте слова «новое» нет. Мы не имели в виду новых пошлин. Прямо говорится: «договаривающиеся стороны обязуются, по возможности, не затруднять снабжения».

Н е й г а у з. Кроме того, я хотел бы спросить: следует ли под введением новых пошлин понимать также и автоматическое применение автономного тарифа?

Иоффе. Здесь говорится о нежелании затруднять снабжение необходимыми товарами, поскольку введение автономного тарифа будет затруднять это снабжение. Совершенно естественно, что этот тариф имеется также в виду.

Кернер. На этом мы можем покончить со ст. 7-й. Итак, мы переходим к ст. 8-й.

Подкомиссия решила оставить в силе эту статью, но вопрос о ее новой редакции оставлен открытым. Я позволю себе ознакомить вас с новой редакцией, как мы ее выработали: «Внутренними сборами, которые на территории одной из договаривающихся сторон взыскиваются или будут взыскиваться в пользу государства, местного самоуправления или корпораций за производство, приготовление, перевозку, продажу или потребление каких-нибудь предметов, могут быть облагаемы также и однородные произведения другой стороны, но ни под каким предлогом не в большем размере или более обременительным образом, нежели произведения собственной страны. Поскольку сырые материалы или полуфабрикаты облагаются внутренними сборами, допускается, с целью уравнения, соответственный сбор с привозимых произведений, приготовляемых из этих сырых материалов или полуфабрикатов, даже и в том случае, когда однородные отечественные произведения не облагаются. Каждой из договаривающихся сторон предоставляется об'являть подходящие товары государственной монополией или подвергать их для получения государственных доходов сходному с монополией регулированию. Предыдущие положения находят в этом случае соответственное применение».

Смысл этого постановления, приближающегося к прежней редакции, тот, чтобы сделать возможным и допустимым впредь предпринимать финансовое соглашение.

На этом мы можем покончить со ст. 8-й.

Иоффе. Я оставляю за собой право вернуться в дальнейшем к вопросу о новой редакции.

Кернер. Относительно ст. 9-й подкомиссия была того мнения, что ее можно оставить в силе. С нашей стороны и сейчас против этого не имеется никаких возражений.

Иоффе. С нашей стороны—также.

Кернер. По поводу ст. 10-й с нашей стороны высказывается такое же пожелание, как и по поводу ст. 5-й, а именно, чтобы подчеркнуть слова: «по торговым путям, открытым для транзита». Если соответствующее место вычеркнуть из ст. 5-й, то соответственно, придется его исключить также и из ст. 10-й.

Иоффе. Против этого мы не возражаем.

Кернер. Ст. 11-ю можно было бы исключить из сегодняшнего нашего обсуждения. Мы высказались уже вчера относительно этой статьи и пришли к тому убеждению, что предусмотренные в ней из'ятия из принципа наибольшего благоприятствования должны быть подвергнуты рассмотрению в дальнейшем.

Иоффе. Поскольку ст. 11-я в значительной степени совпадает с п. 8-м нашего проекта мирного договора, постольку мы уже установ-

вили несогласия, существующие между нами в данном вопросе; окончательное же решение может быть предоставлено дальнейшему.

Кернер. Относительно ст. 12-й подкомиссия была того мнения, что эту статью следует сохранить, но с русской стороны было высказано пожелание, чтобы были предусмотрены все исключения, которые могли бы возникнуть при введении монополии. Мы убеждены, что коммивояжеры должны считаться с теми ограничениями, которые возникают при введении монополии.

Итак, мы переходим к обсуждению ст. 12-й А. Эта статья касается литературной конвенции, которая была заключена 28-го февраля 1913 г. и, следовательно, эта статья отпадает. В подкомиссии мы обсуждали вопрос о том, следует ли в будущем восстановить в силе конвенцию 1913 года или было бы предпочтительнее, чтобы российское правительство присоединилось к Бернской конвенции. Равным образом, следовало бы обсудить, не желает ли российское правительство присоединиться к Парижской конвенции относительно охраны промышленной собственности. Я хотел бы вам здесь сделать предложение, которое должно явиться заменяющей формулировкой для ст. 12-й А; можно было бы сказать:

«В целях согласования правовых отношений между обеими договаривающимися сторонами в области охраны права на промышленную защиту и авторского права с признанными в международных сношениях основными правовыми положениями, оба правительства обязуются, с целью предоставления возможности пользоваться взаимной охраной, придерживаться последних получивших международное признание постановлений, а именно:

1) относительно охраны патентного права, права на образцы товаров, права защиты против подделки клейм и против недобросовестной конкуренции—постановлений пересмотренной Парижской конвенции от 2-го июня 1911 года;

2) относительно охраны авторского права на произведения литературы и искусства—постановлений пересмотренной Бернской конвенции от 13 ноября 1906 года, в такой мере, как если бы они входили в состав этого договора».

Итак, мы надеемся представить эту редакцию еще в более упрощенном виде.

Иоффе. Тогда мы и выскажем свои соображения по этому вопросу.

Кернер. Мы переходим к ст. 13-й. Подкомиссия была того мнения, что можно было бы снова ввести в действие ст. 13-ю. То же самое касается и ст. 14-й, равным образом, и ст.ст. 15, 16, 17, 18 и 19-й. Так что мы можем перейти к заключительному протоколу. При этом подкомиссия была того мнения, что в ст. 1-й абзацы 1—3 остаются в силе.

Иоффе. Я хотел бы только добавить, что, действительно, пометка нашей подкомиссии указывает на то, что нет возражений против ст. 1-й абз. 1, 2 и 3-го, но что предлагается исключить все относящееся к цензуре, так как цензура в России отменена.

Кеернер. Если бы можно было с уверенностью принять, что цензура в России отменена навсегда, то можно было бы об этом говорить. Судя по сообщениям газет, в России предпринимаются меры против печати, газеты закрываются; таким образом, мне еще кажется не совсем понятным, в каком размере можно говорить об отмене цензуры.

Иоффе. Я полагаю, что все то, что в настоящее время устанавливается в России, устанавливается с полной уверенностью в сохранении этого. Сомнение в длительности существующего применимо одинаково ко всем постановлениям. В отношении печати в России сейчас никаких цензурных ограничений не существует; факт закрытия определенных газет ничего общего с цензурой не имеет.

Кернер. Мы принимаем к сведению эти заявления; что касается вопроса о редакции, то он может быть оставлен открытым. В подкомиссии, кроме того, указывалось, что освобождение от пошлин предметов домашней обстановки уроженцев одной из договаривающихся сторон, переселяеющихся на жительство на территорию другой стороны, было бы очень затруднительно, и, таким образом, желательно было бы сделать некоторые облегчения в этом отношении. По этому поводу не требуется нового постановления; мы будем удовлетворены, если нам будут даны уверения, что все по этому вопросу будет сделано.

Иоффе. Существовавшие до сих пор затруднения, собственно говоря, сводились к тому, что, действительно, очень трудно установить, какие именно товары были в употреблении и должны быть признаны домашними вещами. Но мы, во всяком случае, не имеем никакого желания создавать затруднений в этом отношении и поэтому мы готовы обсудить всякое предложение, имеющее целью облегчить этот вопрос.

Кернер. Итак, мы можем перейти к обсуждению заключительного протокола к ст.ст. 1-й и 12-й. Подкомиссия была того мнения, что эти постановления можно сохранить в силе. С русской стороны было только высказано пожелание, чтобы к русским рабочим относились с неменьшим благоприятствованием, нежели ко всем остальным. По этому поводу я могу заметить, что мы также того мнения, что русские рабочие не должны встречать к себе менее благоприятное отношение, нежели другие. Нам кажется, что это следует из общего постановления относительно всех подданных другой стороны. Я хотел бы указать на то, что абзац 8-й сам по себе уже содержит облегчение для русских рабочих, а не затруднение. В связи с этим я хотел бы высказать пожелание, чтобы было принято постановление приблизительно следующего содержания: «Каждая из договаривающихся сторон будет допускать временный переход своих подданных на территорию другой стороны для сельско-хозяйственных и промышленных работ и никоим образом не будет им ставить никаких препятствий, в особенности путем паспортных затруднений. Представители организаций, основанных на территории одной стороны для посредничества при вербовке таких рабочих и о которых правительство этой стороны сообщит правительству другой стороны, тем самым допускаются на территорию последней и могут беспрепятственно заниматься своей посреднической деятельностью». Следовательно, недопустимы никакие затруднения для перехода рабо-

чих на полевые и промышленные работы на ту или другую сторону, и не должно чинить никаких препятствий к получению таких рабочих.

Иоффе. Я лично полагаю, что паспортная система в России, вообще, будет отменена, и, таким образом, эта статья, по всей вероятности, в ближайшем будущем отпадет. Что касается русских рабочих, то я напоминаю, что в п. 4-м нашего предложения имеется более широкая формулировка, в которую входит также и весь этот вопрос.

Кернер. Это постольку верно, поскольку предусмотрено полное равноправие туземных и иностранных рабочих при защите своих прав. Однако, полагаю, что этим еще не предусмотрен свободный переход рабочих из одной страны в другую и свободное приглашение их для работы. Мне кажется, что для этих двух пунктов все же потребуется особое соглашение.

Иоффе. Я против этого не возражаю.

Кернер. Мы оставляем за собою право передать вам в дальнейшем сделанное мною предложение в письменной форме.

Относительно заключительного протокола к ст. 3-й подкомиссия была того мнения, что его можно оставить в силе. Мы переходим к заключительному протоколу к ст. 5-й. Подкомиссия была того мнения, что абзацы 1—5 могут быть оставлены в силе, но российское правительство выразило пожелание исключить абзац 6-й. Абзац 6-й касается обложения пошлинами сырого или тесанного леса, а также воспрещения его вывоза. С русской стороны в подкомиссии указывалось, что было бы желательно ограничить вывоз сырого или тесанного леса, в интересах развития лесопильного дела в России. Это пожелание, конечно, вполне понятно нам; возникает только вопрос, насколько в переходное время (а о нем как-раз и идет речь) русская лесопильная промышленность будет в состоянии выработать нужный нам материал. Поэтому мы полагали бы, что хотя бы на переходное время подобного рода запреты и ограничения не должны были бы иметь места. Затем, насколько я помню, в подкомиссии мы затронули еще и следующий вопрос. Без каких бы то ни было договорных оснований, с русской стороны было сделано затруднение для вывоза из России руды; с нашей точки зрения, эти затруднения находились в противоречии с существовавшим тогда договором. Мы желаем гарантировать себя от подобного рода затруднений и поэтому предлагаем следующее постановление: «Взаимный товарообмен должен по возможности мало затрудняться вывозными пошлинами. Равным образом, не следует вводить более высоких вывозных пошлин на сырой или тесанный лес и на руду, нежели те, которые существовали 1-го августа (19-го июня) 1914 года». Конечно, при этом следовало бы еще иметь в виду недопущение полного воспрещения вывоза.

Иоффе. Я считаю последнее предложение неприемлемым. Все то, что я говорил по поводу тарифа, я должен буду повторить теперь по вопросу о вывозных пошлинах. Мы именно стоим на той точке зрения, что существующие в настоящее время экономические затруднения не дают никакой возможности установить более точно как нормы вывоза, так и нормы ввоза. По нашему мнению, должно быть признано право государства регулировать ввоз и вывоз. И признание того положения,

которое имеется в нашей редакции п. 5-го, т.-е., что обе договаривающиеся стороны не будут затруднены в снабжении необходимыми товарами, по-моему, устраняет все те неудобства, которые могут при таком регулировании возникнуть. Однако, известная автономность должна быть предоставлена каждому государству, так как при необходимости регулировать внутреннюю промышленность и считаться также с потребностями внутреннего рынка, возможно, будет совершенно необходим и запрет вывоза. Что касается лесной промышленности, то здесь дело идет не только об интересах лесопильного производства, но также и обо всем лесном хозяйстве в России. Война в этом смысле нанесла величайший ущерб лесному хозяйству России, и, может быть, окажется необходимым установить и в данном отношении какие-либо запретительные меры. Повторяю, что сейчас мы просто затрудняемся указать на то, каким образом будут эти вопросы урегулированы в дальнейшем. Мы хотели бы,—но лишь с оговоркой, что обе стороны не будут затруднять друг друга,—чтобы было признано право автономности каждого отдельного государства на урегулирование ввоза и вывоза. Что касается ст. 5-й, то я хотел бы подробнее остановиться на том вопросе, на который я уже обратил ваше внимание, а именно—по поводу ветеринарных мер. В связи также и с этой статьей, я еще раз повторяю свое предложение образовать специальную комиссиию для выработки ветеринарной конвенции.

Нейгауз. Г. Иоффе указал на то, что в виду того, что лесное хозяйство в России потерпело громадный ущерб в связи с войной, это обстоятельство потребует принятия особых мер. Это можно было бы урегулировать в порядке внутреннего законодательства, при чем эти постановления были бы обязательны также и для тех предприятий, которые вывозят лес из России. Мы должны обратить внимание на то, чтобы снабжение нас русским лесом не было затруднено.

Что касается вопроса о вывозе руды, то этот вопрос имел до сих пор особое значение, вследствие вывоза руды из Кривого Рога. Но в виду того, что возникает вопрос, могут ли г.г. российские представители в настоящее время распоряжаться этой рудой, вопрос о вывозе руды можно пока оставить открытым. Однако, мы придаем большое значение вопросу о вывозе как леса, так и руды и желаем, чтобы в этой области мы встретили к себе не менее благоприятное отношение, нежели другие страны. Я полагаю, что это следовало бы иметь в виду при редактировании принципа наибольшего благоприятствования.

Кернер. С своей стороны, я хотел бы указать на то, что этот пункт, касающийся затруднений и полного запрещения вывоза сырого и тесанного леса, а также руды, представляет для нас большую важность. При этом играет роль не только руда из южной России, но также и руда с Урала. В особенности, я хотел бы указать на платину. Если я не ошибаюсь, то до начала войны состоялось соглашение относительно платины с французскими промышленниками, и добыча и использование этого чрезвычайно важного материала были об'явлены монополией этого французского общества. Я был бы очень благодарен, если бы по этому вопросу нам были даны об'яснения: существует ли такого рода

соглашение и, если существует, то подлежит ли оно сохранению и впредь?

Иоффе. Что касается вообще русской горной промышленности, в частности, вопроса о южно-русской руде и права российской делегации говорить о криворожской руде, то я хотел бы напомнить, что в состав российской делегации входят представители Украинской республики и что, следовательно, российская делегация имеет полное право говорить не только о северной России, но и о южной, и о Кривом Роге. Что же касается специально вопроса о вывозе руды, то так же, как и в отношении леса, я должен указать на то, что мы здесь защищаем естественное право России, как и всякого другого государства, самостоятельно регулировать этот вопрос путем внутреннего законодательства. Принцип наибольшего благоприятствования, который мы принимаем целиком, конечно, уже предусматривает отмеченное здесь, т.-е., что к Германии будут относиться так же, как и ко всякой другой державе. Это, конечно, относится как к руде и лесу, так и, вообще, ко всяким другим продуктам. Что касается специально вопроса о платине, то особое соглашение с французскими предпринимателями мне неизвестно. Я не премину навести справки по этому поводу. Но мне кажется, если я не ошибаюсь, что вывоз платины и золота, вообще, воспрещен во время войны.

Нейгауз. В связи с этим, мне кажется, следовало бы сейчас же обсудить вопрос, подлежит ли воспрещение вывоза одинаковому урегулированию как в отношении вывоза через сушу, так и вывоза по морю. И в этом вопросе мы особенно настаиваем на том, чтобы при вывозе не делалось никакого различия в отношении сухопутной и морской границы, так как практически это сводилось бы к нарушению принципа наибольшего благоприятствования по отношению к Германии.

Иоффе. Как раз в старом договоре имелись эти разграничения между сухопутной и морской границей. По этому вопросу нам также придется навести специальную справку у нашего правительства. Лично я полагаю, что, хотя более низкий тариф для морской границы устанавливался в интересах развития русского судоходства, вряд ли нынешнее правительство будет на этом настаивать.

Кернер. Это последнее об'яснение для нас чрезвычайно желательно, и мы надеемся, что оно будет проведено на практике, так как очевидно, что различное отношение к сухопутным и морским пошлинам в пользу последних являлось бы большим нарушением интересов Германии, как это уже заметил г. тайный советник Нейгауз, и что это сделало бы применение принципа наибольшего благоприятствования совершенно иллюзорным.

Мы, тем самым, пришли уже к обсуждению следующего отдела заключительного протокола к ст.ст. 5, 6, 7 и 9-й. Оба постановления как относительно ввоза, так и вывоза, имеют тесную связь между собой, и я хотел бы еще раз указать на то, что для нас имеет большое значение, чтобы не делалось различия, как по вопросу вывоза, так и по вопросу дифференциации ввоза, в отношении сухопутной и морской границы. Я хотел бы еще раз в нескольких словах охватить нашу точку зрения, в

которой были бы высказаны только те основные принципы, которыми мы будем руководствоваться. Принципиально не должно никоим образом затруднять ввоза и вывоза как через сухопутную границу, так и по морю. Поэтому ни в России, ни в Германии не должны иметь места различные пошлины и запреты вывоза, с целью поставить в более благоприятное положение ввоз и вывоз по морю. Те преимущества, которые будут предоставлены жителям Архангельской губернии и северного и восточного побережья Азиатской России, этим не предопределяются, при том условии, что эти преимущества найдут применение также и по отношению к Германии, и что Германия будет пользоваться всеми теми преимуществами, которые будут предоставлены третьему государству. Вопрос о заключительном протоколе к ст.ст. 5, 6, 7 и 9-ой в заседании подкомиссии был оставлен открытым; поэтому этот вопрос надо будет оставить открытым и сейчас, чтобы найти такую формулировку, которая соответствовала бы обеим точкам зрения.

Мы переходим к заключительному протоколу к ст. 6-й. Подкомиссия была того мнения, что это постановление можно было бы оставить в силе, равным образом и постановление заключительного протокола относительно ст.ст. 6, 7 и 11-й. Вопрос о заключительных постановлениях к ст.ст. 6—9 в заседании подкомиссии был оставлен открытым, и я предложил бы оставить его нерешенным также сейчас. Я позволю себе только спросить: не имеются ли в данном отношении какие-либо затруднения с русской стороны?

Иоффе. Что касается ст.ст. 6—9, то мы полагаем, что в настоящее время очень трудно было бы установить валюту, так как здесь разговор идет, собственно говоря, о валюте. Поэтому, наше предложение сводилось бы к тому, чтобы, если возможно, формулировать это таким образом: «в отношении способов взимания таможенных пошлин и других сборов с ввозимых товаров договаривающиеся стороны обязуются предоставить друг другу льготы наиболее благоприятствуемых наций».

Кернер. Отношение к заключительному протоколу к ст. 9-й оставлено открытым. Что касается заключительного протокола к ст.ст. 6-й и 7-й, то подкомиссия решила, что его следует снова ввести в силу, так же, как и постановление к ст. 12-й.

Иоффе. В отношении к ст. 12-й в абзаце 4-м говорится о том, что не будет делаться различия между лицами христианского и иудейского вероисповедания. Так как в настоящее время в России все различия отпадают, то эта оговорка не нужна.

Кернер. Да, конечно, это было бы правильным, если встать на ту точку зрения, что это уравнение останется в силе. Но если бы снова было введено различное отношение в зависимости от вероисповедания, то было бы желательно возобновить постановление старого договора, чтобы, таким образом, быть гарантированными от худшего отношения к немецким евреям.

Иоффе. Я хотел бы указать на то, что все наши соглашения мыслимы постольку, поскольку мы признаем существующее положение действительным; если же считать его сомнительным, то, вообще, затруднительны всякие переговоры и соглашения, и поскольку говорится

о том, что нельзя предвидеть будущего, постольку, конечно, совершенно нельзя также заключить, каковы будут через некоторое время внутренние условия также и в Германии. Я полагаю, что с этими соображениями считаться не приходится. В данное время равноправие в России по отношению к евреям проведено в гораздо большей степени, нежели в Германии.

Кернер. Последнее замечание для меня не особенно понятно, потому что в Германии вообще не делается никакого различия в этом отношении; но я того мнения, что при дальнейших договорах мы должны положить в основу существующий у другой стороны порядок, и я полагаю, что мы не будем особенно настаивать на нашем предложении.

Что касается заключительного протокола к ст. 13-й, то при работах в подкомиссии эта статья была оставлена открытой. Для первого абзаца этого протокола я предложил бы следующую формулировку: «Договаривающиеся стороны оставляют за собою право особого соглашения о судоходстве и сплавном промысле на внутренних водных путях, посредственно или непосредственно соединяющих эти страны. До заключения этого соглашения немецкие суда, их экипаж и немецкие плотовщики на внутренних русских водных путях и русские суда, их экипаж и русские плотовщики на внутренних немецких водных путях могут, на равных правах с местными жителями, заниматься буксирным и торговым судоходством, включая и перевозку пассажиров, а также и сплавным промыслом».

В общем, выработка отношения к этим постановлениям заключительного протокола будет возможна только тогда, когда положение дел станет более ясным.

Что касается заключительного протокола к ст. 19-й, то следует указать, что пока этот вопрос оставлен открытым, хотя в принципе признано, что это постановление может быть сохранено в силе. Мы оставляем за собою право сделать новую формулировку этого предложения, и она, конечно, будет зависеть также и от наших совместных будущих границ. Равным образом, и постановление к ст. 20-й принципиально принимается, но вопрос о редакции остается пока открытым.

Я полагаю, что на этом мы могли бы закончить наше заседание. Остаются только заключительные постановления 4-й части протокола, которые по содержанию не представляют собою никакого труда и с которыми мы легко справимся. Было ли бы возможно после обеда закончить нашу работу?

Итак, с вашего согласия, назначаю заседание в 5 часов.

Об'являю настоящее заседание закрытым.

Заседание закрывается в 1 час 10 мин.

Заседание комиссии по экономическим вопросам

28/15 января 1918 года.

Заседание открывается в 5 час. 5 мин. пополудни под председательством фон-Кернера.

К е р н е р. Мы переходим к 4-й части заключительного протокола, задачей которой является соглашение о таможенных правилах. § 1-й содержит правила организации таможен; правила эти, конечно, должны быть изменены, но в настоящее время нельзя еще определить, каким именно образом. Подкомиссия в своей работе пришла к убеждению, что эти таможни должны быть, по возможности, так организованы, чтобы права их соответствовали правам, предоставленным таможням другой стороной.

§ 2-й, с общего согласия, отпадает, § 3-й остается в силе, § 4-й подлежит отмене; § 5-й постановляет, что таможни должны работать ежедневно, за исключением определенных перечисленных праздников. В подкомиссии этот вопрос оставлен открытым, потому что пока еще не известно, какие именно праздники будут удержаны из прежних праздников в России. §§ 6, 7 и 8-й должны были бы остаться в силе. Что касается § 8-А, то он должен был бы остаться в силе, но подробное обсуждение оставлено пока подкомиссией открытым, потому что организация исполнительных органов в России не приняла еще определенных форм. § 9-й отпадает; §§ 10, 11 и 12-й остаются в силе; § 12-А вычеркивается; § 12-Б должен был бы остаться в силе. С нашей стороны было высказано пожелание о взаимном признании клейм, но были также высказаны сомнения, так что вопрос о взаимном признании клейм должен был остаться открытым.

§§ 13—17 остаются в силе. Вопрос о § 18-м остается пока открытым, в виду возможной перемены в организации властей в России. § 19-й должен остаться в силе, также и § 20-й, но редакция его остается пока невыработанной, в виду того, что организация властей в России еще не проведена окончательно. § 21-й остается в силе; §§ 22-й и 23-й по существу тоже, но редакция их остается пока открытой.

Таким образом, предстоит еще рассмотреть заключительный протокол к этому дополнительному договору и, в частности, обсудить п.п. 2-й и 3-й. При этом п. 1-й, касающийся вопроса о сахарной нормировке, должен быть оставлен открытым; может быть, можно будет со-

хранить в силе также и постановление п. 1-го. Это наше пожелание. Я хотел бы спросить: принято ли уже с русской стороны какое-нибудь решение по этому вопросу и как будет в будущем урегулирован вопрос о сахарной промышленности, и каково отношение в России к вопросу об оставлении в силе Брюссельской конвенции?

Иоффе. По отношению ко всему протоколу мы должны были бы воздержаться от того, чтобы высказать какое-нибудь мнение, так как политика нынешнего Российского Правительства в отношении сахарной промышленности еще не определилась.

Кернер. Обмен нотами от 29 января—10 февраля уже рассмотрен, равно как и заключительный протокол 1897 года.

Иоффе. Тарифы А и Б отпадают.

Кернер. Таким образом мы закончили обсуждение результатов работ подкомиссии.

Сейчас возникает вопрос, как вести работу дальше. Прежде всего, мы должны пред'явить вам в письменной форме предложения, сделанные нами сегодня утром устно; кроме того, мы решили попытаться более кратко формулировать постановления старого торгового договора; затем, мы постараемся редактировать ст.ст. 4—7, которые должны войти в мирный договор. Сейчас же после окончания этих работ мы сообщим вам об этом, и тогда мы могли бы совместно приступить к новому обсуждению. Если бы, независимо от этого, вам было бы желательно приступить еще раз к обсуждению, то я просил бы об этом сообщить нам.

Иоффе. Мы не преминем сделать это. Я хотел бы только указать на то, что, с нашей точки зрения, основные принципы экономических отношений между Россией и Германией в период после заключения русско-германского мирного договора до создания нового торгового договора заключаются в нашей редакции ст.ст. 5-й и 7-й. Все проделанное затем в подкомиссии является как бы раз'яснениями и дальнейшей детализацией основных принципов. Мы еще раз хотели бы повторить, что это не должно войти в самый мирный договор, а только в дополнение к нему. В виду этого весьма желательно было бы также, по возможности, сократить всю эту дополнительную часть; быть может, все же оказалось бы возможным целый ряд статей соединить в одну статью, так как приходится считаться с тем обстоятельством, что провизориум ни в коем случае не будет очень длительным и что целый ряд вопросов вообще не имеет смысла так детально устанавливать, тем более, что при переговорах о новом торговом договоре все равно придется все это опять обсуждать. Быть может, можно было бы, в интересах облегчения и ускорения этой работы, создать редакционную комиссию из представителей обеих сторон, которая и попыталась бы выразить все это добавление в нескольких общих статьях и формулировках.

Кернер. Мысль, поданная г. предыдущим оратором, безусловно достойна внимания. Цель, которую он себе поставил, чрезвычайно почтенна, но все же остается открытым вопрос,—возможно ли будет формулировать более кратко статьи прежнего договора? Это выяснится из дальнейшей работы редакционной комиссии. Поэтому мы ничего не

имеем против создания редакционной комиссии. Я позволю себе выразить надежду, что работа этой редакционной комиссии будет иметь более упрощенный характер, при чем желательно было бы, чтобы работа эта не затруднялась переводами. Итак, мы будем придерживаться следующего плана: сначала мы попробуем установить редакцию, а затем уже редакционная комиссия подвергнет обсуждению нашу редакцию и пред'явит результаты своих работ.

Иоффе. Мы не возражаем против такого предложения.

Кернер. Мы предоставим каждой стороне решить вопрос, сколько лиц должно войти в редакционную комиссию, однако, желательно, чтобы она была немногочисленна. Затем мы сообщим вам, когда эта комиссия может приступить к занятиям.

Иоффе. Принимаем это к сведению.

Кернер. На этом мы можем закончить сегодняшнюю нашу работу.

Заседание закрывается в 6 час.

Заседание комиссии по правовым вопросам

20/7 января 1918 года.

Заседание открывается в 5 час. 15 мин. пополудни под председательством директора правового департамента Криге.

К р и г е. Я открываю заседание. Комиссия по правовым вопросам, собирающаяся сегодня впервые, ставит своей задачей рассмотрение вопросов о восстановлении правовых отношений между государствами. Как известно, Англия первая заявила, что эта война представляет собою войну не только отдельных держав или, как выразился один остроумный человек, не только борьбу гениев, но что она является в то же время и борьбой отдельных личностей этих держав. Итак, с точки зрения Англии, считаются прерванными не только правовые отношения отдельных государств, но об'явлены недействительными и связи, существовавшие между отдельными представителями той или другой нации. Печальному примеру Англии, наряду с прочими участниками войны, к сожалению, последовала и Россия; Германия, с своей стороны, не могла отказаться ответить на эти меры такими же мерами; вследствие этого, ни личность, ни имущество в продолжение этой войны не встретили к себе отношения, принятого международно-правовым кодексом. Жизнь, здоровье, свобода и достояние подданных враждующих держав были предметом покушений как с частной стороны, так и со стороны законодательства отдельных государств. Задачей мирного договора является восстановление правовых связей и, насколько это возможно, восстановление доверия к праву в отношениях России и Германии. Конечно, этот вопрос не настолько серьезен, как те вопросы, которые возникают в политической области. Но все же не следовало бы забывать, что счастье многих тысяч,—я сказал бы, даже миллионов людей зависит от нашего отношения к тем антиправовым мероприятиям, которые имели место в продолжение этой войны. Я хотел бы ограничиться этими общими соображениями и перейти к рассмотрению программы наших занятий. Считаю себя в праве указать на то, что я в частной беседе уже сообщил эту программу г. председателю российской делегации, причем г. председатель российской делегации заявил, что он, в общем, с пунктами этой программы согласен.

Эта программа гласит: 1) Восстановление мира и международных отношений; 2) возмещение причиненных войной убытков; 3) восстановление государственных договоров; 4) восстановление частных прав; 5) возмещение убытков, причиненных насильственными актами вне зо-

ны военных действий; 6) обмен военнопленными и гражданскими пленными, забота о братских могилах; 7) забота о реэмигрантах; 8) амнистия; 9) отношение к попавшим во власть неприятеля торговым судам и корабельным грузам; 10) организация Шпицбергенского архипелага; 11) заключительные постановления.

Как вы видите, эта программа довольно обширна. Если принять во внимание коллективный мирный трактат, то пришлось бы иметь в виду три еще очень значительных главы этого договора, а именно: 1) восстановление занятых областей, 2) восстановление торговых сношений и 3) урегулирование пароходства по реке Дунаю.

Прежде всего я просил бы г. председателя российской делегации подтвердить, от имени российской делегации, свое согласие с постановкой вопроса и с программой наших работ.

Иоффе. Что касается предложения г. председателя германской делегации, то, на наш взгляд, не следовало бы поднимать этих спорных вопросов. Мы полагаем, что, если империалистические правительства бросили друг против друга целые народы во имя интересов, чуждых этим народам, что, если были нарушены не только правовые отношения, но попраны и самые законы честности и гуманности,—в такой войне трудно отыскать и назвать виновных. Помнится, что в начале войны мирные договоры были названы клочком бумаги, и мы полагаем, что в настоящее время вопрос сводится к тому, чтобы по возможности восстановить после войны то, что удастся восстановить.

Что касается плана наших дальнейших работ, предлагаемого г. председателем германской делегации, то, действительно, в частной беседе нам было предложено придерживаться определенных пунктов, только-что оглашенных г. председателем, и мы, с своей стороны, ничего не имеем против такой программы.

Криге. Я позволю себе сказать несколько слов по поводу замечания г. председателя российской делегации. Г. председатель российской делегации сказал, что с самого начала войны мы нарушили мирные договоры, которые мы будто бы назвали клочком бумаги; с немецкой стороны подобной характеристики мирных договоров не было и, насколько мне известно, ни один ответственный государственный деятель не позволил бы себе подобным образом охарактеризовать мирные договоры. Мне известно, что такие слухи распространялись, но мы категорически опровергали их. Я согласен с точкой зрения г. председателя российской делегации, что не следует поднимать здесь вопросов, не входящих в программу наших работ, но я считаю своим долгом сказать, что моя характеристика отношения Англии к вопросу о войне против частных лиц касается материалов, являющихся предметом наших занятий.

Иоффе. Если даже признать, что то заявление о клочке бумаги, которое во всей Европе приписывалось имперскому канцлеру, им произнесено не было, то все же нельзя отрицать того факта, что в течение этой войны со всех сторон было обнаружено достаточно правонарушений. Вспомним хотя бы, что тот же имперский канцлер в отношении Бельгии определенно говорил о причиненной ей несправедливости.

В общем, я полагаю, в данной войне,—где виновниками всех несправедливостей являются империалистические интересы капиталистических правительств,—не следовало бы стараться обелить одно правительство и обвинить другое. Я присоединяюсь к предложению г. председателя германской делегации перейти к обсуждению намеченной программы по пунктам.

Криге. Германская делегация подробно разработала пункты программы, установленные и переданные частным образом г. председателю российской делегации до рождественского перерыва. Я передаю эти пункты для приобщения к протоколу. Г. председатель российской делегации любезно сообщил нам, что российская делегация согласна подвергнуть рассмотрению весь этот материал, руководствуясь пунктами, выработанными германской делегацией. Экземпляр этого проекта вручен также и австро-венгерской делегации, обыкновенно присутствующей при наших занятиях. К сожалению, г. докладчик от имени австро-венгерской делегации,—специалист по данным вопросам,—лишен сегодня возможности участвовать в нашем заседании, так как он занят в другом месте. Но он об'яснил мне, что он согласен с этим проектом, конечно, с небольшими совершенно несущественными изменениями, на которые он и укажет в дальнейшем. Завтра ожидается из Вены специалист по правовым вопросам, сотрудник министерства иностранных дел, который и примет участие в наших переговорах.

Не будет ли г. председатель российской делегации столь любезен подтвердить, что он согласен придерживаться в нашем обсуждении пунктов, предложенных мною?

Иоффе. Мы ничего не имеем против этого.

Криге. Итак, мы переходим к первому пункту. Весь материал разбит мною на статьи; отдельные пункты нашего материала я назвал главами, отдельные же постановления этих глав статьями, в зависимости же от об'ема, статьи, в свою очередь, разбиты на параграфы.

Первая глава носит название: «Восстановление мира и дружественных отношений». Она содержит в себе 2 статьи: 1) относительно прекращения войны и 2) относительно восстановления дипломатических и консульских сношений, как результата мира. Я хотел бы предложить, собственно говоря, следовало бы это сделать раньше, а именно—весь материал рассмотреть в двух чтениях. Этот метод работы имеет за собой то преимущество, что при первом чтении можно без опасений высказывать свои взгляды, в то время, как при втором чтении высказываемые мнения будут рассматриваться, как официальные заявления делегаций. Полагаю, г. председатель российской делегации согласится с моим предложением?

Иоффе. Возражений не имеется.

Криге. Другое предложение, касающееся порядка наших работ сводится к предоставлению каждому оратору, соответственно обычаю, принятому в парламентских и международных переговорах, права вносить корректурные поправки в стенограммы своих речей, так как стенограммы эти представляют собою часть того ценного материала, кото-

рый служит весьма важным подспорьем при толковании различных статей договора. Поэтому, каждый государственный деятель заинтересован в том, чтобы его речи были правильно зафиксированы в форме, не вызывающей с его стороны никаких нареканий. Желательно было бы выработать следующий порядок работ: предварительно, до раздачи, стенограмма дается на просмотр оратору, перевод же, конечно, тоже подлежащий раздаче, приводится в согласие с исправленной стенограммой. Не сомневаюсь, что г. председатель российской делегации согласится и с этим моим предложением.

Иоффе. Мы согласны и с этим предложением.

Криге. Я очень извиняюсь, что эти замечания, по чисто формальным соображениям, я сделал не в начале заседания и, таким образом, нарушил ход наших занятий. Итак, мы возвращаемся к ст. 1-й главы 1-й, которая в нашей редакции гласит:

«Россия и Германия об'являют о прекращении состояния войны между ними. Обе нации решили впредь жить в мире и дружбе».

Позволю себе спросить г. председателя российской делегации, согласен ли он с этой редакцией?

Иоффе. Хотя мы и полагаем, что путем таких общих замечаний может быть выражено немногое, однако, мы принимаем это предложение.

Криге. Я, с своей стороны, хотел бы указать на то, что фактом принятия этой редакции юридически констатируется прекращение состояния войны, и что, таким образом, эта редакция влечет за собою важные и существенные результаты. Я перехожу к чтению статьи 2-й:

«Дипломатические и консульские сношения между договаривающимися сторонами возобновятся немедленно после ратификации прелиминарных условий мира. При этом, каждая из договаривающихся сторон допустит консулов другой стороны во все местности своей территории, поскольку еще до войны не существовало из'ятий для отдельных мест или частей территории со смешанным наречием и поскольку эти из'ятия по окончании войны будут сохранены по отношению ко всякой третьей державе, без различия. Точно так же каждая сторона сохраняет за собой право, по соображениям военной необходимости, допустить в известные местности консулов другой стороны лишь по заключении всеобщего мира».

Если бы г. председатель российской делегации пожелал получить более подробное обоснование пунктов ст. 2-й, то я, с своей стороны, охотно сделаю это.

Иоффе. В общем, статья эта весьма точно и ясно формулирована. Но у меня имеются все же два вопроса: 1) Какие именно области понимаются под территориями со смешанным наречием? и 2) нельзя ли было бы уже теперь определить те местности, в которые не могут быть допущены русские консулы по соображениям военной необходимости до момента заключения всеобщего мира?

Криге. Под территориями со смешанным наречием понимаются области, в которых имеются не один какой-либо общий разговорный

язык, но в значительной мере распространены несколько языков. Что касается второго вопроса г. председателя российской делегации, то в настоящий момент я затрудняюсь дать соответствующие раз'яснения; предварительно я должен получить компетентные указания специалистов по военно-морским вопросам. Однако, считаю своим долгом сказать, что вышеупомянутые ограничения будут предприняты лишь постольку, поскольку этого потребуют военные соображения.

Иоффе. Ответ г. председателя германской делегации на мой второй вопрос вполне удовлетворяет меня. Что касается моего первого вопроса, то, очевидно, г. председатель не совсем понял меня. Для меня с самого начала было понятно, что территориями со смешанным наречием являются области, где приняты несколько языков. Желательно было бы, по возможности, точнее определить, какие именно области имеются в виду. Например, насколько мне известно, в Познани приняты два разговорных языка—польский и немецкий. Следует ли отсюда, что Познань относится к областям со смешанным наречием?

Криге. Не подлежит никакому сомнению, что в Познани значительные круги населения говорят на немецком и польском языках. Поэтому исключение, предусмотренное в абзаце 2-м ст. 2-й, могло бы быть распространено и на Познань, конечно, под условием, что и консулы других держав не будут допускаться туда. Будет ли использована эта возможность с германской стороны, этого я сейчас предугадать не могу.

Если г.г. представители российской делегации откроют вторую страницу нашего проекта, то они увидят там пустое место, на котором значится надпись: «Занятые области».

Я хотел бы выразить пожелание, чтобы это пустое место заполнилось в ближайшем будущем. Итак, мы переходим к 3-й главе: «О возмещении причиненных войной убытков». Единственная статья этой главы гласит:

«Договаривающиеся стороны взаимно отказываются от возмещения своих военных издержек, т.-е. государственных расходов по ведению войны, равно как и от возмещения военных убытков, т.-е. тех убытков, которые были причинены им и их гражданам в зоне военных действий военными мероприятиями, включая все произведенные во вражеской стране реквизиции».

Статья эта передает важное правило, принятое еще в прошлом году. Она отвечает принципам российской делегации, согласно которым при заключении мира, основанного на соглашении, не должно быть никаких контрибуций. Я полагаю, можно с уверенностью сказать, что относительно содержания этой статьи существует полное согласие.

Иоффе. Требование мира без аннексий и контрибуций, с признанием права народов на национальное самоопределение, было выдвинуто русской революцией. Следовательно, мы не станем возражать против пункта, включающего в себе указание на отказ от контрибуций. Что касается возмещения причиненных войною убытков, то я напомню, что в первоначальном нашем предложении было выражено пожелание образовать международный фонд в целях возмещения этих убытков. Пред-

ложение это было отклонено в ответной декларации Германии и ее союзников от 25/12 декабря прошлого года. Не возражая по существу против данного пункта в новой его редакции, в виду того, что в дальнейших германских предложениях этот пункт терпит существенные ограничения, я оставляю за собою право еще вернуться к нему.

Криге. Я могу только сказать г. председателю российской делегации, что, если бы в течение наших работ встретились статьи, находящиеся в связи с ст. 1-й 3-й главы, то, конечно, г. председатель российской делегации будет иметь возможность высказаться по вопросу об этой статье.

Мы переходим к главе 4-й: «О восстановлении государственных договоров». Мне кажется, лучше будет прочесть целиком все три статьи этой главы и затем перевести их на русский язык:

Статья 1.

«Договоры, соглашения и конвенции, которые были в силе между договаривающимися сторонами до об'явления войны,—поскольку настоящий прелиминарий не содержит противоречащих постановлений, вступают снова в силу одновременно с ратификацией прелиминарных условий мира; поскольку от этих договоров, соглашений и конвенций нельзя было отказаться в течение определенного срока, срок этот удлиняется на время, равное продолжительности войны.

Статья 2.

Каждая из договаривающихся сторон может заявить другой стороне в течение шести месяцев после подписания прелиминарных условий мира, какие договоры, соглашения и конвенции или их отдельные постановления противоречат, по ее мнению, изменениям, происшедшим во время войны. Такие договорные соглашения должны быть по возможности скорее заменены новыми, отвечающими изменившимся взглядам и отношениям.

Для выработки новых договоров, предусмотренных в абзаце 1-м, будет созвана в течение шести месяцев после ратификации прелиминарных условий мира комиссия из представителей обеих сторон. Если комиссия в течение трех месяцев после ее созыва не придет к соглашению,—каждой стороне предоставляется право отказаться от тех договорных постановлений, относительно которых она, согласно первому предложению абзаца 1-го, сделала заявление другой стороне; если при этом дело идет об отдельных статьях какого-либо договора, другая сторона имеет право отказаться от всего договора.

Статья 3.

Договоры, соглашения и конвенции, в которых, помимо договаривающихся сторон, участвуют и другие державы, поскольку настоящий прелиминарий не содержит противоречащих постановлений,—снова вступают в силу для обеих договаривающихся сторон одновременно с ратификацией прелиминарных условий мира. На отдельные договоры между обеими сторонами, стоящие в связи с такими коллективными договорами, не распространяются постановления статьи 1-й о продлении срока действия договоров и статьи 2-й об отказе от договоров.

По отношению к коллективным договорам политического содержания, в которых принимают участие и другие воюющие державы, обе стороны сохраняют за собой право занять определенную позицию по заключении всеобщего мира».

Если бы г. председатель российской делегации выразил желание, то я, с своей стороны, мог бы развить подробнее систему этих постановлений, или,—может быть, г. председатель российской делегации пожелает высказаться по данному поводу и внести какие-либо изменения в эти постановления?

Иоффе. Мы полагаем, что этот пункт изложен достаточно подробно. Что касается изменений, то я только предложил бы заменить трехмесячный срок для отказа от несоответствующих новым условиям договоров,—сроком шестимесячным.

Криге. С этим мы согласны. Но я хочу указать, что соответственно следовало бы продлить до шести месяцев трехмесячный срок, установленный для начала работ комиссии; в противном случае может произойти то, что комиссия приступит к работам, не имея для этого необходимых данных. В таком случае, цифру «три» во 2-ом абзаце ст. 2-ой должно заменить цифрой «шесть».

Мы переходим к главе 5-ой; тут имеется также пустое место, озаглавленное: «Восстановление торговых сношений». Еще раз выражаю пожелание, которое я уже высказал относительно гл. 2-ой,—а именно, чтобы и 5-ая глава, по возможности, была заполнена.

Итак, мы переходим к главе 6-ой, в юридическом отношении самой трудной по своему содержанию:—«О восстановлении частных прав».

Иоффе. Я предложил бы отложить обсуждение этой главы до следующего заседания, в виду трудности вопроса, а также в виду того, что эта глава является наиболее спорной; русского же перевода у нас в настоящий момент еще не имеется.

Равным образом я предложил бы отложить до следующего заседания рассмотрение 7-ой главы и перейти непосредственно к главе 8-ой.

Криге. Само собою разумеется, что мы, с своей стороны, пойдем навстречу высказанному пожеланию.

Итак, мы займемся рассмотрением гл. 8-ой. 8-ая глава носит заглавие: «Обмен военнопленными и гражданскими пленными обеих сторон». Она разбита на четыре статьи: 1-ая статья касается вопроса об обмене военнопленными, 2-ая—говорит о возвращении гражданских пленных, статья 3-ья предусматривает отдельные облегчения для возвращающихся военнопленных и гражданских пленных, а ст. 4-ая говорит о братских могилах. Я целиком прочту ст. 1-ую об обмене военнопленными:

«Обмен военнопленными определяется следующими положениями:

§ 1. Военнопленные обеих сторон будут отпущены на родину, поскольку они не пожелают, с согласия государства, которое взяло их в плен, остаться в пределах этого государства.

Начавшийся обмен непригодными к военной службе военнопленными будет производиться наивозможно быстрее.

Обмен остальными военнопленными последует возможно скорее в определенные промежутки времени, подлежащие точному установлению путем соглашения.

§ 2. При освобождении военнопленным возвращается их частное имущество, отнятое у них властями того государства, которое взяло их в плен, а также еще не выплаченная или не засчитанная часть их заработка; это обязательство не относится к письменным документам военного содержания.

§ 3. Абзац 1. Каждая из договаривающихся сторон обязуется возместить издержки, которые были произведены противной стороной на содержание попавших в военный плен граждан. При этом в основу расчетов будет положена особо установленная средняя стоимость содержания офицеров и рядовых, в соответствии с числом дней и лиц, а также средняя продолжительность пребывания в плену.

Расплата будет производиться в валюте государства, взявшего в плен, отдельными взносами за каждые 50.000 человек, подлежащими уплате каждый раз в течение одной недели после освобождения.

Абзац 2. Издержки на умерших в военном плену, равно как и на отпущенных в продолжение войны военнопленных, подлежат особому установлению, при чем в основу кладется предусмотренная в абзаце 1-ом средняя продолжительность пребывания в плену. Уплата следует непосредственно по пред'явлении и принятии установленной суммы издержек, исключая отдельные подлежащие выяснению случаи.

§ 4. Тотчас после ратификации прелиминарных условий мира имеет собраться . . . . комиссия, состоящая из трех представителей от обеих сторон, для установления предусмотренных в абзаце 3-ем § 1-го промежутков времени, а также других деталей обмена, в особенности способа и порядка отправления на родину, и для наблюдения за осуществлением принятых соглашений».

При чтении этих пунктов очень часто встречаются пустые места, оставленные для названия той местности, где должны будут собраться комиссии. Предполагается, что в будущем эти пустые места будут заполнены в том смысле, что часть комиссий будет собираться в Петрограде, часть—в Берлине, чтобы тем самым создать равноправное положение для обеих сторон. (Читает):

«В дальнейшем комиссия определит предусмотренную в § 3-ем среднюю сумму подлежащих уплате издержек. Если в течение двух месяцев после созыва комиссия не придет к соглашению относительно этих издержек, то таковые должны быть окончательно установлены путем привлечения нейтрального председателя по большинству голосов. В этих целях надлежит обратиться к . . . . ». В этом месте пропуска предполагается точно указать то именно лицо, к которому следует обращаться каждый раз, когда условия договора предусматривают привлечение представителя нейтральной страны. Здесь можно иметь в виду президента Швейцарской Республики, Датское, Шведское или Голланд-

ское правительства или же королеву Нидерландов. Я предложил бы покачто оставить эти места пустыми, заполнять же их в смысле обозначения местностей, в которых надлежит собраться комиссиям, и, равным образом, обозначить лиц, к коим следовало бы обращаться каждый раз, когда условия договора предусматривают привлечение представителя нейтральной страны. Полагаю, что г. председатель российской делегации согласен с моим предложением?

Иоффе. Возражений не имеется.

Криге. Я хотел бы сделать несколько общих замечаний относительно отдельных параграфов ст. 1-ой гл. 8-ой, к разбору которых мы сейчас приступим.

Как известно, в настоящее время в Петрограде работает смешанная комиссия, при чем занятия ее до известной степени касаются обсуждаемых нами вопросов. Поэтому, мы должны будем в наших работах избегать принятия решений, которые противоречили бы решениям Петроградской комиссии. Одним из вопросов, в данное время разрабатываемых в Петрограде, является вопрос об обмене инвалидами. В соответствии с этим, в абзаце 2-ом параграфа 1-го не имеется никаких постановлений по существу вопроса об обмене инвалидами, указывается лишь, чтобы этот обмен производился по возможности скорее. Далее, если в абзаце 3-м параграфа 1-го идет речь об обмене военнопленными, то только в том смысле, чтобы подобный обмен производился по возможности скорее; точное же обозначение срока отложено до § 4-го той же статьи, при чем этот вопрос подлежит решению специальной смешанной комиссии, в виду невозможности для нас установить этот срок, за отсутствием сведений по данному вопросу.

Я хотел бы спросить г. председателя российской делегации, удовлетворен ли он моими раз'яснениями и не имеется ли у него каких-нибудь вопросов по данному поводу.

Иоффе. Вся 8-ая глава настолько серьезна, что, несмотря на принятое нами решение о необходимости второго чтения, на ней приходится остановиться несколько подробнее.

Что касается пункта 1-го, то именно в отношении этого пункта, на мой взгляд, следовало бы сделать некоторые замечания. § 1-ый 1-ой статьи не внушает никаких сомнений. Что касается § 2-го, то относительно того места, где говорится о праве задерживать документы, задержание которых является необходимым по военным соображениям, я хотел бы получить некоторые раз'яснения, а именно: какие документы имелись в виду, когда было вставлено это слово?

Криге. Вопрос идет о набросках и мемуарах, которые, с военной точки зрения, могут вызвать опасение; эти бумаги были отобраны от военнопленных, и по военным соображениям возникает вопрос, можно ли беспрепятственно пропустить их вместе с военнопленными за границу. Вопрос этот был предложен военными властями и, соответственно их желанию, нашел себе выражение в § 2-ом. Никаких политических соображений при этом в виду не имелось; это явствует уже из того факта, что вопрос возбужден военными властями.

Иоффе. Благодарю г. председателя за данное раз'яснение. Я хотел бы только указать, что предоставление такого права цензуры военным властям могло бы повлечь за собою то нежелательное последствие, что под видом военной необходимости могут задерживаться и документы, ничего общего с такой необходимостью не имеющие.

Далее, я хотел бы сказать несколько слов относительно § 3-го, который говорит о военнопленных. Мне известно, что обычно мирными договорами устанавливается взаимное обязательство уплатить расходы по содержанию военнопленных с каждой стороны. Но так как ни в одной войне принудительные работы военнопленных не применялись в таких размерах, как в настоящей войне, и так как даже при уплате нормальной, обычной заработной платы работнику все же не возмещается производимая им ценность,—а в отношении военнопленных плата была много ниже нормальной заработной платы,—то я полагаю, что все государства получили от работы военнопленных гораздо больше, нежели они на них затратили. Поэтому было бы вполне справедливо отказаться от возмещения этих расходов.

Криге. Вопрос, возбужденный г. председателем российской делегации, конечно, нуждается в более подробном обсуждении. Быть может, за поздним временем мы отложим наши занятия до следующего заседания: сейчас уже 7 часов и нам пора итти на обед?

Иоффе. Я полагаю, лучше всего было бы, как и сегодня, собраться завтра в 5 часов.

Криге. Итак, завтра в 5 часов. Об'являю настоящее заседание закрытым.

Заседание закрывается в 7 час. 3 мин.

Заседание комиссии по правовым вопросам

21/8 января 1918 года.

Заседание открывается в 5 час. 10 мин. пополудни под председательством Криге.

Криге. Мы отложили до сегодняшнего заседания рассмотрение главы 6-ой: «О восстановлении частных прав». Глава эта говорит об отмене военных законов, коими на территории одной из договаривающихся сторон подданные другой стороны поставлены в менее благоприятные условия, а также—об устранении последствий применения этих законов. Я приступаю к чтению статьи 1-ой:

«Все постановления, существующие на территории одной из договаривающихся сторон, коими, в виду условий военного времени, подданные другой стороны подлежат какой-либо особой нормировке в отношении их частных прав, теряют силу одновременно с ратификацией прелиминарных условий мира.

К подданным каждой из договаривающихся сторон приравниваются и те юридические лица и общества, которые имеют постоянное пребывание на ее территории. Кроме того, к гражданам одной стороны приравниваются юридические лица и общества, не имеющие своего постоянного пребывания на ее территории, постольку, поскольку они на территории другой стороны были подчинены действующим по отношению к этим подданным постановлениям».

Смысл этой статьи ясен, а именно—законы, относящиеся к подданным противной стороны, как к таковым, неблагоприятно,—подлежат отмене. Г. председатель российской делегации в свое время указывал на это обстоятельство, и я позволю себе спросить, соответствует ли данная редакция ст. 1-ой желаниям г. председателя?

Иоффе. Возражений не имеется.

Криге. Я перехожу к статье 2-ой, которая касается вопроса о долговых обязательствах частных лиц и которую я прочту целиком:

Статья 2. «Относительно частно-правовых долговых обязательств, рассматриваемых, согласно положения статьи 1-ой, постановляется следующее:

§ 1. Долговые обязательства восстанавливаются, поскольку не вытекает иного из положений статей 2—6.

§ 2. Определение § 1-го не препятствует тому, чтобы вопрос о влиянии на долговые обязательства созданных войной условий, в особенности—невозможности их выполнения, вследствие препятствий в сно-

шениях или торговых запретов,—решался на территории каждой из договаривающихся сторон по законам, действующим там по отношению ко всему населению страны. При этом к подданным другой стороны, которым встретились препятствия вследствие мероприятий этой стороны, следует относиться с неменьшим благоприятствованием, нежели к подданным собственного государства, которым встретились препятствия вследствие предпринятых этим государством мероприятий. Точно так же всякий, кому война воспрепятствовала своевременно выполнить какое-либо обязательство, не должен быть обязан возместить возникшие вследствие этого убытки.

§ 3. Денежные обязательства, от уплаты коих, на основании положений статьи 1-ой, можно было отказаться в продолжение войны, разрешается не оплачивать до истечения трех месяцев после ратификации прелиминарных условий мира. Начиная со дня первоначального срока платежа, за период войны и следующие за нею три месяца по ним должны быть уплачены проценты из расчета пяти процентов годовых, не взирая на моратории; в случае же, если проценты выговаривались, таковые должны уплачиваться до дня первоначального срока платежа.

§ 4. Для ликвидации долговых требований и прочих частно-правовых обязательств, обеими договаривающимися сторонами взаимно признаются и допускаются, в качестве полномочных защитников притязаний представляемых ими физических и юридических лиц,—признанные государством общества защиты интересов кредиторов.

(Договаривающиеся стороны оставляют за собой право выработать более детальные постановления относительно вексельного и чекового права, равно как и относительно валютных сделок)».

Я прошу разрешить мне сделать несколько замечаний по поводу постановлений ст. 2-ой. Все военные законы, изданные за время этой войны, затрагивают вопрос о договорных обязательствах подданных своей стороны по отношению к подданным другой стороны, при чем обязательства эти об'явлены или недействительными, или же значение их ослаблено.

§ 1-й данной статьи говорит о восстановлении этих обязательств, за исключениями и изменениями, предусмотренными в следующих параграфах.

На такие исключения, прежде всего, указывает § 2-ой. Как известно, законодательства всех стран содержат постановления, согласно которым обязательства не подлежат выполнению, если таковое при сложившихся условиях невозможно.

Таким условием, конечно, может явиться и война, и дело каждого законодательства решить, поскольку война, как непреодолимое препятствие, может считаться условием, освобождающим от выполнения обязательств. При этом, однако, следует исходить из соображения, является ли война условием, делающим невозможным выполнение обязательств для всего населения данной страны.

Следовательно, недопустимо, чтобы война об'являлась условием, делающим невозможным выполнение обязательств не в одинаковой степе-

ни для подданных обеих сторон. Законы, проводящие подобное различие, не могут оставаться в силе также и по отношению к прошлому времени; об этом и говорит абзац 2-ой § 2-го.

Я позволю себе пояснить смысл абзаца 2-го следующим примером: Допустим, что в России существует запрет вывоза и что этот запрет вывоза об'являет недействительными обязательства, принятые по отношению к товарам, на которые наложен запрет. В таком случае, российское законодательство должно признать право германского законодательства с своей стороны об'явить недействительными обязательства, принятые по отношению к товарам, на которые наложен запрет.

Далее, абзац 2-ой § 2-го говорит о том, что никоим образом недопустимо возмещение убытков по причине невыполнения обязательств, ибо ведь нельзя частных лиц делать ответственными за последствия войны.

§ 3-й содержит постановления относительно переходного времени, постановления, необходимые по соображениям торговой жизни, ибо в противном случае, одновременно с ратификацией прелиминарных условий мира сразу подлежали бы выполнению все долговые обязательства, что создало бы большую опасность для торговых кругов, вплоть до возможности банкротства.

Вследствие этого, § 3-й содержит постановления о моратории в три месяца после ратификации прелиминарных условий мира. Мораторий, предусмотренный в § 3-ем ст. 2-ой, носит совершенно другой характер, нежели тот мораторий, который применялся обеими сторонами в продолжение войны.

Эти местные моратории сохраняют и впредь свою силу, но лишь под условием их одинакового применения к подданным обеих сторон, в то время, как международный мораторий, предусмотренный в § 3-м, допускает возможность поставить подданных противной стороны в более неблагоприятные условия. Разумеется, за время, в течение коего обязательства не подлежат выполнению, должны быть уплачены проценты, при чем проценты эти взимаются за время до истечения обязательств в размере условленом, за остальное же время, как это и установлено в § 3-ем,—из рассчета пяти процентов годовых.

Может быть, г. председатель российской делегации желал бы получить более подробное обоснование рассматриваемой статьи, и не имеется ли у него также какого-либо предложения или вопроса в данном отношении?

Иоффе. Я очень признателен г. председателю германской делегации за подробное обоснование отдельных пунктов германского проекта. Я считаю, что они вполне исчерпывают вопрос. Однако, я хотел бы указать, что по поводу этой главы так же, как и по поводу главы 3-ей о контрибуциях и дальнейшей главы о возмещении убытков, причиненных вне военной зоны, мы оставляем за собой право критики их и изложения своего к ним отношения.

Что же касается отдельных пунктов предложенной нам редакции, то они возражений не встречают, за исключением § 3-го, относительно

которого я предложил бы следующее: желательно было бы трехмесячный срок моратория, наступающего после ратификации мирного договора, увеличить до шести месяцев, так как вряд ли возможно за три месяца изжить экономические затруднения, внесенные войною в хозяйственную жизнь страны.

Криге. Я оставляю за собой право ответить на это предложение при втором чтении; однако, я хотел бы уже сейчас сказать, что, на мой взгляд, международный мораторий в три месяца, согласно которому подданные противной стороны могут быть поставлены в более неблагоприятные условия, вполне достаточен, так как по истечении этих трех месяцев могли бы вступить в силу местные моратории, предусматривающие одинаковое отношение к подданным обеих сторон.

Обращаю внимание г.г. представителей российской делегации на то, что в конце § 3-го значится заметка о том, что договаривающиеся стороны оставляют за собою право выработать более детальные постановления относительно вексельного и чекового права, равно, как и валютных сделок. Я, с своей стороны, постараюсь передать г. председателю российской делегации экземпляр соответственных предложений. Мы увидим, будем ли мы иметь возможность справиться при втором чтении с этими далеко не легкими вопросами.

Я перехожу к чтению статьи 3-ей, которая гласит:

«Каждая из договаривающихся сторон, включая и входящие в ее состав государства, немедленно после ратификации прелиминарных условий мира, возобновляет уплату своих обязательств, в особенности—процентов по государственным обязательствам подданным другой стороны. По обязательствам, срок уплаты по которым наступил до ратификации прелиминарных условий мира, уплата производится в течение трех месяцев после ратификации».

Позволю себе сделать следующее замечание по поводу этой статьи. Мы рассматриваем обязательства государств по отношению к частным лицам подобно тому, как мы рассматривали обязательства, существующие между частными лицами; поэтому, мы полагаем, следовало бы урегулировать подобного рода обязательства, наравне с обязательствами, существующими между частными лицами.

Иоффе. Я должен оставить за собою право в дальнейшем высказать свое отношение к этому пункту, потому что, насколько мне известно, у нашего правительства существует тенденция отказаться от уплаты государственных обязательств.

Криге. Как это и следует из сущности вопроса, я, разумеется, воздерживаюсь от высказывания какого бы то ни было взгляда по данному вопросу до тех пор, пока со стороны российской делегации не будут сделаны более подробные об'яснения.

Я продолжаю чтение и перехожу к статье 4-й:

«Авторские права и права на промышленную защиту, концессии, привилегии и тому подобные притязания публично-правового характера, рассматриваемые согласно положениям статьи 1-ой, восстанавливаются, поскольку не вытекает иного из положений статьи 6-ой. Обладатель

права освобождается от сборов, причитающихся за время, когда он был лишен возможности своим правом пользоваться; в случае, же если сборы были уплачены, таковые подлежат возвращению; если государство, благодаря тому, что вышеупомянутыми правами пользовались третьи лица, получило доходы, превосходящие причитающиеся сборы,—то излишек выплачивается обладателю права. Поскольку государство использовало присвоенные права, обладатель права должен быть соответственно вознагражден.

Каждая из договаривающихся сторон, не нарушая законно приобретенных прав третьих лиц, предоставляет подданным другой стороны предусмотренные в ее законах льготы—для устранения последствий, явившихся результатом упущенного ими, вследствие войны, срока—в области права на промышленную защиту; в случае, если таковые льготы в законах ее не предусмотрены,—гарантирует срок не менее шести месяцев после ратификации прелиминарных условий мира, дающий возможность предпринять упущенные вследствие войны мероприятия в этом отношении. Права на промышленную защиту подданных одной стороны не могут быть об'явлены на территории другой стороны недействительными по причине их неиспользования до истечения четырех лет после ратификации прелиминарных условий мира.

(Договаривающиеся стороны оставляют за собой право выработать особые постановления относительно приоритета прав на промышленную защиту)».

По поводу этой статьи, которая в отдельных своих постановлениях вряд ли может вызвать недоразумения, я хотел бы сделать следующее краткое замечание. Ст. 4-ая касается так называемых абсолютных прав, как, напр., авторское право, право на изобретение и т. п. Разумеется, эти права должны быть снова восстановлены. Но, конечно, необходимо сделать постановление и относительно возмещения убытков, имевших место вследствие лишения этих прав. При этом следует держаться справедливой середины, принимая во внимание войну и ее последствия.

Мы следующим образом представляем себе решение этого вопроса: прежде всего, следует вернуть сборы, уплаченные за то время, когда этим правом нельзя было пользоваться; что касается сборов, еще не уплаченных, то таковые взысканию не подлежат—это относилось бы к правам на так-называемые материальные блага, как, наприм., авторское право, право на изобретение и т. п.,—безразлично, пользовались ли этим правом где-либо в другом месте или нет.

Но если бы этим правом за время войны пользовалось какое-либо третье лицо, то обладателю права выплачиваются доходы от этого пользования, разумеется, при условии соблюдения постановления относительно сборов, причитающихся за время пользования, ибо в противном случае обладатель права получит обратно сборы, причитающиеся за право пользования, и в то же самое время будет пользоваться выгодами своего права.

Весьма легко определить доходы от этого пользования, если сборы, причитающиеся за такое пользование, платило какое-либо частное

лицо. Но они подлежат специальному определению в том случае, если этим правом пользовалось государство. Я пока ограничусь этими замечаниями; если бы г. председатель российской делегации пожелал получить дополнительные раз'яснения отдельных пунктов рассматриваемой статьи, то я, с своей стороны, охотно сделаю это.

Иоффе. Поскольку данная статья касается вопросов авторского права, патентного права и т. п.,—с нашей стороны, конечно, никаких возражений не имеется.

Но в данной статье говорится также о концессиях и привилегиях. Это уже гораздо более сложный и гораздо более спорный вопрос. Я хотел бы спросить г. председателя германской делегации: какие именно концессии и привилегии имелись в виду?

Криге. Под такими концессиями здесь понимается, например, предоставление права проведения в городе электрического освещения, сооружения газового освещения и тому подобное.

Статья говорит еще и о привилегиях в противовес концессиям; это нужно понимать в том смысле, что под привилегиями разумеется монопольное право на концессию.

Иоффе. Следовательно, как я и понял, в этой статье говорится не только о праве на изобретения и об авторском праве, но также и о чисто коммерческих преимуществах. И в этом отношении, как я уже сначала указывал, дело сводится к восстановлению прав прежних собственников этих концессий. Этот вопрос гораздо более затруднителен, потому что за время войны данная концессия могла перейти в совершенно другие руки; она могла быть вообще уничтожена; наконец, она могла быть национализирована или муниципализирована.

В виду всех этих соображений, я полагаю, относительно этой статьи мы сейчас не можем дать точного ответа.

Криге. Конечно, этот вопрос следует обдумать, и мы, с своей стороны, можем дать ответ лишь после того, как мы ознакомимся с результатом оценки нашей статьи.

В конце 4-ой статьи имеется заметка о том, что договаривающиеся стороны оставляют за собой право выработать особые постановления относительно так-называемого приоритета прав. По поводу этой заметки я должен сказать то же самое, что я сказал уже по поводу заметки § 3-го предыдущей статьи, а именно, что мы представим г.г. представителям российской делегации для ознакомления экземпляр наших предложений по данному вопросу. В дальнейшем мы увидим, можно ли будет прийти к определенному соглашению также и по этому вопросу. Предлагаю, за поздним временем, закрыть наше заседание.

Заседание закрывается в 7 час. 15 мин.

Заседание комиссии по правовым вопросам

23/10 января 1918 года.

Заседание открывается в 10 час. 35 мин. утра под председательством Криге.

Криге. Мы продолжаем прерванное нами обсуждение главы 6-ой относительно восстановления частных прав. Мы дошли до статьи 5-ой, которая гласит:

«Сроки погасительной давности прав должны истекать на территории каждой из договаривающихся сторон для подданных другой стороны не ранее девяти месяцев после ратификации прелиминарных условий мира, поскольку они не истекли ко времени об'явления войны. То же относится и к срокам пред'явления купонов процентных и дивидендных бумаг, а также вышедших в тираж или по другим причинам подлежащих оплате ценных бумаг».

Я позволю себе сделать следующие раз'яснения по поводу этой статьи.

Как по русским, так и по германским законам частные права теряют свою силу удовлетворения в течение определенного срока. В этом отношении не были исключены и подданные неприятельских стран во все время продолжения войны: частью, будучи интернированы или сосланы, они были ограничены в своих письменных сношениях; частью было прекращено почтовое сообщение между местом их пребывания и тем местом, куда им надлежало обратиться с требованием выполнения обязательств; частью исключительными законами им прямо запрещалось требовать выполнения этих обязательств. Отмена подобного рода ограничений по заключении мира является необходимой, в соответствии с основными принципами восстановления частных прав. В этих целях германский проект предусматривает срок в 9 месяцев.

Наравне со сроками, в течение коих истекает погасительная давность, в международном праве играют большую роль также и сроки для пред'явления процентных и дивидендных бумаг. Согласно германскому проекту эти сроки, в свою очередь, должны быть соответственно продолжены. Позволю себе спросить г. председателя российской делегации: считает ли он мои об'яснения достаточными и не желает ли он высказаться по данному поводу или внести какие-либо изменения или дополнения к ст. 5-ой?

Иоффе. Все это совершенно ясно и не встречает возражений по существу, поскольку, конечно, это будет соответствовать новому российскому законодательству.

Криге. Итак, я продолжаю и перехожу к тексту статьи 6-ой. С вашего разрешения я прочту его целиком, затем сообщу соответственные раз'яснения германской делегации:

Статья 6. «Деятельность учреждений, занимающихся, согласно положениям статьи 1-ой, надзором, хранением, управлением или ликвидацией имуществ или приемом платежей, должна протекать согласно следующим основным положениям, с соблюдением, однако, постановлений ст.ст. 7-ой и 8-ой:

§ 1. Имущества, находящиеся под надзором, на хранении или в управлении, должны быть немедленно выданы по требованию обладателя прав; до принятия их, интересы последнего должны быть охранены.

Деньги и ценные бумаги, находящиеся в центральном учреждении для хранения ценностей, у официально признанного хранителя вкладов или же в ином признанном государством сберегательном учреждении, должны быть в течение трех месяцев после ратификации прелиминарных условий мира предоставлены в распоряжение обладателя прав; вместе с деньгами должны быть выданы проценты, считая пять процентов годовых со времени внесения вклада в учреждение, вместе с ценными бумагами—наросшие проценты и дивиденды.

§ 2. Постановления § 1-го не должны касаться законно приобретенных прав третьих лиц. Платежи и другие обязательства должника, принятые упомянутыми в начале этой статьи учреждениями или по их указанию, должны иметь на территории договаривающихся сторон те же последствия, как если бы их получил сам кредитор.

Частноправовые распоряжения, произведенные вышеупомянутыми учреждениями или по их указанию, или по отношению к ним, действительны для обеих сторон.

§ 3. О деятельности учреждений, упомянутых в начале этой статьи, в особенности, о получениях и выдачах лицам, имеющим на то право, должны быть немедленно, по их желанию, выданы справки. Иски о возмещении убытков, причиненных деятельностью этих учреждений или действиями, произведенными по их указанию, могут быть пред'являемы лишь согласно постановлениям ст. 8-ой».

По поводу этой статьи я хотел бы сделать следующие пояснительные замечания. В течение войны как Германия, так и Россия пришли к решению устранить в пределах своего государства, в больших или меньших размерах, право собственников подданных противной стороны распоряжаться своим имуществом и передать это право государству или же учреждениям, состоящим под контролем государства. В особенности же это относилось к праву распоряжаться земельной собственностью, а также торговыми и промышленными предприятиями, которые частью были секвестрованы, частью предназначены к ликвидации. Должники кредиторов, подданных противной стороны, были управомочены

вносить свои долги в определенное место, как, например, в Германии— в Германский Имперский Банк, или же в определенный фонд, как это было сделано Государственным Банком в России.

Вполне очевидно, что подобным образом переданные в распоряжение государства имущества должны быть, поскольку они еще имеются налицо, немедленно возвращены по требованию обладателя прав, что и предусмотрено в § 1-ом. Гораздо труднее обстоит дело в том случае, если секвестрованные имущества подданных противной стороны уже не находятся в распоряжении государства. Причина подобных затруднений кроется отчасти в разногласиях законодательства и административных мероприятий в этом отношении, отчасти в самой сложности условий. Основной задачей германского проекта является создание ясной правовой обстановки. В этих целях § 2-ой постановляет, чтобы мероприятия, предпринятые по отношению к имуществам подданных противной стороны, получили признание на территории обеих договаривающихся сторон, поскольку этим не затрагиваются постановления ст. 7-ой. Далее, в § 3-ем говорится о том, что надлежит отдавать отчет в подобного рода мероприятиях по требованию обладателя прав. Абзац 2-ой § 3-го исключает возможность привлечения к ответственности, в смысле пред'явления иска, получивших имущество в силу секвестра, ликвидации и т. п. В противном случае может произойти то, что какое-либо из этих лиц, владеющее имуществом в стране обладателя прав или в нейтральной стране, могло бы быть впоследствии привлечено в этой стране к законной ответственности и что, таким образом, одно и то же положение создало бы различные правовые последствия в различных странах. Поэтому § 3-ий отсылает всех пострадавших к тем международным правовым способам получить возмещение своих убытков, которые предусмотрены в ст. 8-ой и к разбору которых я своевременно перейду при следующем чтении. Я позволю себе предложить г. председателю российской делегации те два вопроса, которые я уже имел честь предложить ему по поводу ст. 5-ой.

Иоффе. Я предложил бы перейти непосредственно к изложению ст.ст. 7-ой и 8-ой; в виду близости их содержания, желательно было бы ответить на них одновременно.

Криге. В таком случае, я прочту ст. 7-ую и затем дам соответствующие раз'яснения.

Я полагаю, что те постановления ст. 6-ой, которые не стоят в связи с положениями ст.ст. 7-ой и 8-ой, не вызовут критики со стороны российской делегации и будут обсуждаться лишь постольку, поскольку они касаются ст.ст. 7-ой и 8-ой.

Иоффе. Совершенно верно, мы ничего не имеем против восстановления права, но мы возражаем против возмещения убытков. А так как речь идет именно об этом, то я хотел бы дать ответ одновременно по поводу этих статей.

Криге. Статья 7-ая гласит: «Земельные участки или права на земельные участки, привилегии на разработку горных недр, а также права на пользование или эксплуатацию земельных участков, пред-

приятия или доля в таковых, в особенности—акции, отчужденные или принудительно отобранные, согласно положениям ст. 1-ой, должны быть вновь переданы прежним обладателям прав по требованию, которое должно быть заявлено в течение года после ратификации прелиминарных условий мира. Возникшие за этот период права третьих лиц теряются, но доходы, если таковые были получены при отчуждении или отобрании, подлежат возвращению.

Постановления абзаца 1-го не применяются, поскольку отчужденные имущества сделались достоянием государства, на основании законодательных актов, обязательных для всего населения страны и для всех имуществ одинакового рода».

Пояснительные замечания германской делегации по поводу этой статьи можно было бы выразить следующим образом: согласно основным принципам, получившим признание договаривающихся сторон до рождественского перерыва, было принято, что восстановление в частных правах подданных противной стороны является непременным последствием восстановления мирных отношений между обеими сторонами. Эти основные принципы были бы нарушены, если бы мы ограничились постановлениями §§ 2-го и 3-го ст. 6-ой, обуславливающими создание ясных правовых отношений между обеими сторонами. В большинстве случаев, мероприятий, предпринятых в отношении секвестра и ликвидации имуществ, уже нельзя будет отменить по чисто техническим соображениям, в частности, невозможно, например, вернуть распроданные товары. Иначе обстоит дело, если имущества имеются еще налицо и лишь перешли в другие руки; в таком случае не встречается никаких препятствий к тому, чтобы вернуть недвижимое имущество прежнему его владельцу. Для этого требуется лишь законодательный акт, который, с точки зрения юридической техники, не представляет больших затруднений, нежели те распоряжения, коими в свое время были вызваны ликвидация и распродажа. Равным образом, в данном случае не приходится считаться с законно приобретенными правами третьих лиц, потому что последние, считая возможным воспользоваться в целях самообогащения исключительными военными законами, хорошо знали также и весь риск подобного пользования. Таким образом, им не на что жаловаться, если они и будут вынуждены вернуть полученное таким исключительным способом имущество, под условием возмещения расходов, связанных с приобретением. То же относится и к правам на земельные участки, к правам на эксплуатацию земельных участков в отношении горных промыслов, как и к правам на предприятия или на долю в таковых, в особенности в тех случаях, когда право участия в таких предприятиях выражается акциями. В подобного рода случаях весьма легко восстановить права прежних владельцев путем публикации и об'явления недействительными насильственно отчужденных акций.

Германская делегация полагает, что государство может отказаться восстановить права подданных противной стороны на отчужденные имущества в том случае, если отчуждение имуществ подобного рода было проведено по отношению ко всем гражданам этого государства. Об этом

и говорит абзац 2-ой ст. 7-ой. При этом необходимо указать, что по международным правовым понятиям отчуждение имуществ иностранных подданных возможно лишь при условии соответственного вознаграждения, что и выражено в ст. 8-ой. Этим ограничиваются об'яснения германской делегации по поводу ст. 7-ой.

Если г. председатель российской делегации желает, я могу сейчас же огласить ст. 8-ую и дать все необходимые раз'яснения.

Иоффе. Да, я просил бы перейти к ст. 8-ой.

Криге. Статья 8-ая гласит:

«Подданные одной из договаривающихся сторон, потерпевшие имущественный ущерб на территории другой стороны, согласно мероприятиям, предусмотренным в ст.ст. 6-ой и 7-ой, должны быть соответственно вознаграждены, поскольку ущерб не устраняется восстановлением прежнего положения вещей. Это относится и к акционерам, которые, в качестве подданных противной стороны, были лишены права на приобретение акций новых выпусков.

Для установления ущерба, подлежащего возмещению, согласно третьему положению абзаца 1-го ст. 4-ой и абзаца 1-го ст. 8-ой, имеет быть созвана в . . . . вскоре после ратификации прелиминарных условий мира комиссия, образованная из представителей обеих сторон и нейтральных членов, в количестве трех с каждой стороны. Стороны будут просить . . . . . . указать им нейтральных членов, в том числе—председателя комиссии.

Комиссия устанавливает основные положения, которыми она будет руководствоваться в своих решениях. Она устанавливает также порядок ведения дел, необходимый для выполнения ее задач, и постановляет о мероприятиях в этом отношении. Ее решения принимаются в подкомиссиях, в составе одного представителя от каждой стороны и нейтрального председателя. Установленные подкомиссиями суммы должны быть уплачены через месяц после определения их размера».

Я позволю себе сообщить следующие пояснительные замечания германской делегации. Согласно положений ст.ст. 6-ой и 7-ой, нарушенные военными законами права должны быть, по возможности, восстановлены. Этим, однако, задача не исчерпывается, ибо нередко нельзя восстановить нарушенных прав, а следует возместить убытки, причиненные нарушением права. Это положение, выраженное в статье 8-ой, не противоречит принципу мира без контрибуций, так как под контрибуциями должно разуметь лишь возмещение государственных издержек по ведению войны или причиненных войной убытков, но никоим образом не возмещение ущерба, нанесенного воюющей стороной частным лицам вне зоны военных действий. В последнем случае следует различать, были ли вовлечены эти частные лица в круговорот военных событий, или же права их были нарушены вне зоны военных действий тем государством, охране и защите которого они доверились. Необходимость восстановления нарушенных прав вызывается не только соображениями справедливости, но и расчетами государства, взявшего эти права под свою защиту, потому что в данном случае затрагиваются интересы тех кругов

населения, на деятельности которых, главным образом, основывается будущее восстановление торговых сношений и духовное сближение договаривающихся народов. В случае, если бы несправедливость, причиненная им в течение войны, не была искуплена по заключении мира,— это оттолкнуло бы как раз наиболее предприимчивых и полезных посредников международного товарообмена, и, таким образом, надежда исцелить вызванные войной экономические и моральные потрясения значительно уменьшилась бы.

Согласно дальнейшим положениям ст. 8-ой, обсуждение вопроса о подлежащих возмещению убытках должно быть предоставлено особой международной комиссии, при чем нейтральный председатель этой комиссии берет на себя заботу наблюдения за справедливостью и беспристрастием постановлений комиссии, равно как и за точным проведением их в жизнь. Все постановления статьи 8-ой соответствуют основным принципам, принятым комиссией до рождественского перерыва.

Я позволю себе спросить г. председателя российской делегации: не найдет ли он желательным подвергнуть рассмотрению также и гл. 7-ую, равным образом затрагивающую вопросы о возмещении гражданским лицам другой стороны убытков, причиненных действиями, противными международному праву?

Иоффе. Да, в виду того, что в гл. 7-ой также идет речь о возмещении убытков, я согласен с тем, что целесообразнее было бы раньше выслушать и эту главу.

Криге. Глава 7-ая касается вопроса о возмещении убытков, причиненных актами насилия вне зоны военных действий.

Я прочту все три статьи этой главы:

«Статья 1. Каждая из договаривающихся сторон возместит убытки, причиненные в пределах ее территории во время войны органами власти или населением вследствие противных международному праву актов насилия над жизнью, здоровьем или имуществом гражданских лиц другой стороны. При этом соответственно применяются постановления главы 6-ой, статья 7-ая, абзац 1-ый, относительно возвращения имуществ.

Каждая из договаривающихся сторон немедленно уплатит за все предметы, реквизированные ею в пределах ее территории у подданных другой стороны, поскольку такая уплата еще не произведена.

Статья 2. Каждая из договаривающихся сторон возместит все убытки, причиненные в пределах ее территории во время войны противными международному праву действиями органов власти или населения по отношению к дипломатическим и консульским представителям другой стороны, а также возместит повреждения зданий посольств или консульств или их инвентаря.

Статья 3. Постановления абзаца 1-го статьи 1-ой, равно как и постановления статьи 2-ой о возмещении убытков, в случае расхождения мнений, должны быть, согласно положениям абзаца 2-го и 3-го статьи 8-ой главы 6-ой, соответственным образом утверждены и проведены в жизнь».

Я позволю себе сообщить следующие пояснительные замечания германской делегации. Основные положения, из коих вытекает возмещение убытков, причиненных актами насилия вне зоны военных действий, нашли себе выражение в ст. 8-ой гл. 6-ой. Постановления, касающиеся последствий законов военного времени, должны получить применение также и в отношении актов насилия как со стороны правительственных органов, так и со стороны частных лиц. Если, например, какой-либо правительственный орган насильственно отчуждает имущество подданного противной стороны, в целях хотя бы самообогащения, то потерпевший имеет, по крайней мере, такое же право на возвращение этого отчужденного имущества, как и то лицо, у которого подобного рода имущество было отчуждено на основании законов военного времени.

Равным образом должно относиться и к актам насилия возбужденной безответственными агитаторами толпы над жизнью и достоянием подданных противной стороны. Российская делегация уже до рождественского перерыва подвергла рассмотрению целый ряд подобных актов насилия; сюда относятся убытки, причиненные действиями, противными международному праву, по отношению к дипломатическому и консульскому персоналу противной стороны, а равным образом и повреждения соответственных служебных зданий.

Эти случаи, поэтому, специально указаны во 2-ой статье рассматриваемой нами главы. Установление размера убытков производилось бы в порядке, предусмотренном в предыдущей главе. Предлагается лишь установить убытки, причиненные в случаях, предусмотренных в ст. 2-ой, путем непосредственного обмена мнений между правительствами договаривающихся сторон. Если бы, в крайнем случае, оказалось невозможным добиться соглашения таким путем, надлежит обратиться к международной комиссии.

Этим ограничиваются пояснительные замечания германской делегации. Желательно было бы выслушать соответственные замечания со стороны российской делегации.

Иоффе. Я благодарю г. председателя германской делегации за подробное изложение этой главы. Как и г. председатель германской делегации, я припоминаю, что ст. 2-ая гл. 7-ой, где говорится о восстановлении разрушенных зданий посольств и консульств, появилась в германском проекте только после того, как российская делегация в частной беседе заявила о том, что эти убытки подлежат обязательному возмещению. Я совершенно не сомневаюсь в том, что российское правительство, в случае заключения мира, предоставит германскому правительству его посольство в том же самом, во всяком случае, не худшем виде, в каком оно было до войны. Поскольку этот вопрос—вопрос принципиальный, постольку он входит в область предложений о возмещении убытков вообще. Российская делегация считает своим долгом сделать несколько общих замечаний относительно 3, 6 и 7-ой глав германского проекта, в которых говорится о контрибуциях и о возмещении убытков, а также о восстановлении частных прав и возмещении тех убыт-

ков, которые были причинены вне зоны военных действий, вследствие противных международному праву актов насилия.

Как мы уже указывали, требование мира без контрибуций выдвинуто русской революцией; поэтому мы и приветствовали отказ от контрибуций, формулированный в 3-ей главе германского проекта. Однако, в дальнейших главах упомянутого проекта этот принцип получает существенные ограничения.

Как при обсуждении политических вопросов в отношении оккупированных территорий, германская делегация, приняв лозунг мира без аннексий, фактически свела дело к скрытым аннексиям, точно так же в вопросе о возмещении убытков дело сводится, в конце-концов, к тому, чтобы выжать у народных масс России несколько миллиардов рублей, что, на наш взгляд, если и не называется контрибуцией, в действительности является таковой в скрытой форме. Мы не возражаем против необходимости возмещения убытков, но мы протестуем против того принципиально правового обоснования, которое стремятся придать отказу от уплаты в одном случае и требованию уплаты в другом.

В нашем первоначальном проекте выставлялось предложение возвратить уже полученные от населения оккупированных областей контрибуции, уплатить за произведенные на этих территориях реквизиции и создать специальный международный фонд для возмещения убытков, понесенных населением разгромленных провинций. Германская делегация отклонила первое предложение, указав на то, что взимавшиеся германским и австрийским верховным командованием контрибуции шли исключительно на нужды поддержания порядка в названных областях, второе предложение было отклонено указанием германской делегации на то, что справедливо было бы распространить общий принцип отказа от возмещения военных издержек и военных убытков также и на реквизиции, и, наконец, по поводу последнего предложения германская делегация сослалась на громоздкость создания международного фонда.

Оставляя в стороне вопрос о том, нуждается ли население оккупированных областей, в интересах поддержания порядка, в тех многотысячных оккупационных армиях, содержание которых оно вынуждено оплачивать, мы хотели бы только указать, что мы не можем согласиться с тем различием, которое германский проект стремится провести между территориями, находящимися в зоне военных действий, и областями, лежащими вне этой зоны. Мы не знаем, возможно ли установить в данном случае критерий для подобного различия, который не носил бы при этом только формального характера. Если цеппелин разрушает частные дома мирных граждан в городе, лежащем весьма далеко от линии окопов, если подводная лодка взрывает частное судно и топит женщин и детей, в военных действиях участия не принимающих, то германский проект почему-то рассматривает эти действия, как действия, произведенные в районе военной зоны и совершенные по соображениям военной необходимости, без противоречия принципам международного права, а, следовательно, причиненные этими действиями убытки оплате не подлежат.

С другой стороны, германская делегация признает необходимым возместить все убытки, понесенные подданными противной стороны, вследствие исключительных законов военного времени. Таким образом, германский проект считает справедливым поставить крест над всеми убытками, понесенными населением в виде военных контрибуций и реквизиций, а также прямого разрушения их домашнего очага, но находит необходимым возместить полностью все потери торговцев, явившиеся следствием исключительных законов военного времени. Мы не можем согласиться с этим; мы отказываемся понимать, почему купцу, у которого секвестровано его предприятие, необходимо платить полностью за все понесенные им убытки, а крестьянину, у которого уведена последняя его лошаденка, не следует платить ничего. Все, что происходит в области военной зоны, будь это разрушение целых городов, потопление нейтральных торговых судов, ограбление крестьянского населения, все это происходит по праву войны, и убытки эти возмещению не подлежат,—заявляет германский проект; но все насилия, произведенные вне зоны непосредственных военных действий, и все убытки, понесенные подданными противной стороны в пределах этих территорий, обязательно должны быть возмещены. Где тут справедливость? Если даже признать, что увод коровы у бедного крестьянина был необходим в интересах пропитания неприятельских армий, то нет никаких оснований к тому, чтобы теперь за эту корову не платить. Если же хотят поставить крест на всех беззакониях и несправедливостях, которые совершены в зоне непосредственных военных действий, то апелляция к праву в том случае, когда дело идет о жертвах народных движений и о преступных действиях администрации в глубине воюющей страны, приобретает весьма своеобразный характер.

Мы, представители народа, сбросившего иго преступного правительства, не имеем никаких оснований для того, чтобы защищать преступления этого правительства. Мы, противники войны, не видим причин для защиты возмущения обманутых народных масс, возмущения, которое было направлено не по адресу действительных виновников войны, но против случайных представителей враждебных народов. Но мы не считаем возможным удовлетворять единичные жертвы войны за счет тех масс, которые сами еще более пострадали от войны. Мы не можем оставить без внимания всех пострадавших от мировой войны, к какому бы народу они ни принадлежали. Поэтому мы и предложили создать международный фонд путем взносов капиталистов всех стран, политика которых и привела к этой ужасной войне. И мы полагали, что только такой международный фонд мог бы воссоздать все разрушения, явившиеся следствием настоящей войны.

Не дожидаясь того времени, когда это произойдет в интернациональном масштабе, Российская рабоче-крестьянская республика уже предоставила в распоряжение каждого, желающего работать, столько земли, сколько ему нужно. Заботу о благе всех трудящихся она поставила в центре своей программы. Пусть последуют за нами трудящиеся массы всех народов, и тогда новая жизнь возникнет на развалинах, и

новое право сменит прежнее бесправие. В попытке же удовлетворить своих купцов за счет широких народных масс противной стороны, на наш взгляд, таится план скрытых контрибуций. И потому мы его отвергаем.

Хотя все предложения германского проекта, повидимому, построены на принципе взаимности, но, в виду того, что германский капитал был гораздо более заинтересован в России, нежели капитал русский в Германии,—требование возместить убытки капиталистам всей тяжестью ляжет только на Россию. Мы полагаем, что нужно или уплатить всем пострадавшим как беднякам, так и богачам, и в таком случае необходимо принять полностью все наши предложения относительно возвращения уже полученных контрибуций, уплаты за произведенные реквизиции и создания международного фонда для восстановления разгромленных провинций и стран; или же, если от этого отказываются и все эти расходы ложатся целиком на пострадавший народ,—то нельзя еще больше отягощать его требованием возместить убытки, понесенные капиталистами противной стороны.

Если германская делегация сочтет возможным принять наше предложение,—мы позволим себе подвергнуть германский проект соответственным изменениям и внести соответственно формулированные предложения с нашей стороны.

Криге. Г. председатель российской делегации противопоставил системе германского проекта возмещения убытков другую систему, которую он обосновал весьма подробно. Он разрешит мне сделать некоторые критические замечания по поводу этого обоснования в следующем заседании, когда у меня под руками будет в полном об'еме система русских выводов. Но я хотел бы уже сейчас указать на то, что германская система, безусловно, основывается на тех принципах, по поводу которых делегации пришли к соглашению еще до рождественского перерыва, причем это соглашение не имеет характера обязательности для обеих сторон.

Если я в нескольких словах суммирую выводы, вытекающие из об'яснений г. председателя российской делегации, то, придерживаясь постановлений гл. 3-ей германского проекта, мы имели бы налицо следующие контр-предложения российской делегации:

Ст. 8-ая гл. 6-ой подлежала бы полному исключению, и соответствующие ссылки двух предыдущих глав должно было бы заменить окончательной формулировкой. Но в то же время, насколько я понял, контрпредложения г. председателя российской делегации не затрагивают положений ст. 7-ой гл. 6-ой.

Далее, подлежала бы исключению ст. 1-ая гл. 7-ой в то время, как ст. 2-ая той же главы не встречает, кажется, никаких возражений. Я был бы весьма признателен г. председателю российской делегации, если бы он подтвердил сделанные мною из его об'яснений выводы.

Иоффе. В общем и целом, г. председатель германской делегации превосходно понял нашу точку зрения; что касается практического применения ее к формулировкам отдельных спорных пунктов, то оно, в

общем, также правильно понято. Но некоторые дополнения я все же позволю себе сделать.

Несколько изменить пришлось бы также и главу 3-ю; прежде всего,—и это относится ко всем вообще спорным главам,—мы предложили бы вычеркнуть все места, где говорится о зоне военных действий, так как, с нашей точки зрения, именно невозможно установить точного различия между военной и невоенной зоной. Далее, в гл. 3-ей пришлось бы вычеркнуть слова «включая и реквизиции», так как мы именно придерживаемся того взгляда, что реквизиции должны быть оплачены и контрибуции возмещены. Следовательно, 3-ью главу должно было бы или заново редактировать, или же дополнить ее новым специльным пунктом, в котором говорилось бы о реквизициях и контрибуциях.

Далее, в отношении ст. 6-ой, где речь идет о восстановлении прав, мы полагаем, текст должен быть сохранен весь, поскольку дело идет именно о правах, и должно исключить все, относящееся к возмещению убытков.

Что касается гл. 7-ой, то также подлежат исключению все места этой главы, где вопрос о возмещении убытков рассматривается с принципиальной точки зрения; поскольку же дело сводится практически к необходимости уплаты за потери, понесенные при разгромах,—постольку, повторяю, никаких возражений быть не может.

Наконец, пришлось бы еще вставить специальную статью, трактующую вопрос о создании международного фонда. Статья эта могла бы быть составлена приблизительно таким образом: «Оставляя вопрос о восстановлении разрушенных провинций и государств до момента заключения всеобщего мира, обе договаривающиеся стороны обязуются на мирном конгрессе требовать создания особого международного фонда для возмещения убытков частных лиц, пострадавших от войны».

В этом и заключались бы все изменения и поправки, которые мы позволили бы себе внести в германский проект.

Криге. Я позволю себе попросить г. председателя российской делегации сделать дополнительные раз'яснения по поводу некоторых вопросов. Я понял его в том смысле, что российская делегация делает два совершенно различных предложения. Одно предложение сводится к тому, чтобы взаимно отказаться от всякого возмещения убытков, за исключением тех убытков, которые причинены консульским и дипломатическим представителям. В таком случае, нам не пришлось бы говорить ни о контрибуциях, ни о реквизициях, ни о международном фонде.

Второе предложение сводится к тому, что от возмещения всех указанных убытков мы не отказываемся, но что этот вопрос остается открытым в связи с созданием международного фонда, до созыва всеобщей мирной конференции. Полагаю, что я правильно понял г. председателя российской делегации и что только-что сделанные им выводы имели своей целью более точное уяснение как первого, так и второго предложения.

Иоффе. Г. председатель германской делегации совершенно правильно понял меня. Об'яснения, которые я имел честь только-что сде-

лать, касались именно второй возможности, т.-е. когда признается необходимым возместить все убытки, понесенные как в зоне военных действий, так и вне этой зоны, как населением торговым, так и крестьянским. Если же это отвергается, то остается другая возможность—те условия, когда каждое государство само должно возместить убытки своих граждан, и в этом случае мы считаем необходимым не отягощать еще более тяжелых обязанностей данного государства и не требовать возмещения убытков, понесенных вследствие исключительных законов.

Криге. Вряд ли уместно было бы, в виду позднего времени, приступить теперь же к обсуждению следующей главы, тем более, что было бы желательно на подробные об'яснения г. председателя российской делегации ответить так же подробно. Итак, не касаясь вопроса о возмещении убытков, я еще раз констатирую, что глава о восстановлении прав, насколько мы подвергли ее рассмотрению в сегодняшнем заседании, возражений с русской стороны не встречает.

Иоффе. В общем, это совершенно верно, но я хотел бы только напомнить, что некоторые поправки внесены нами уже в предыдущих совещаниях также и по вопросу о восстановлении прав. Например, по поводу § 3-го гл. 6-ой мы просили продолжить мораторий до шести месяцев и т. д.

Криге. Этого мы в сегодняшнем заседании не касались.

Иоффе. Я говорю вообще.

Криге. Само собой разумеется, это совершенно верно.

Иоффе. В таком случае, мы просили бы продолжить мораторий с трех месяцев до шести и т. д.

Криге. Все это уже обсуждалось нами, и эти поправки остаются в полной силе.

В котором часу мы могли бы продолжать завтра наше совещание?

Иоффе. Это зависит от экономической комиссии. Еще неизвестно, состоится ли заседание сегодня или завтра.

Криге. Во всяком случае, мы можем собраться завтра.

Иоффе. Может быть, мы могли бы устроить заседание сегодня же вечером?

Криге. В таком случае, если угодно, мы можем продолжить наше совещание сегодня в 5½ часов пополудни. Об'являю заседание закрытым.

Заседание закрывается в 12 час. 57 мин.

Заседание комиссии по правовым вопросам

23/10 января 1918 года.

Заседание открывается в 5 час. 35 мин. пополудни под председательством Криге.

Криге. В утреннем заседании мы пришли к соглашению относительно того, что об'яснения по поводу возмещения убытков, вызванных исключительными законами военного времени и актами насилия, будут подвергнуты рассмотрению в следующем заседании, так как для этого нужно иметь под руками стенограмму с общей сводкой этих об'яснений, стенограмма же вручена мне только недавно.

Поэтому мы переходим к обсуждению гл. 8-ой, которую мы уже разбирали; относительно статей этой главы возражений с русской стороны не было, за исключением ст. 3-ей и абзаца 2-го ст. 4-ой, который стоит в связи с ст. 3-ей.

Ст. 3-ья, в которой речь идет о возмещении расходов по содержанию военнопленных, с русской стороны встретила критику. Г. председатель российской делегации, правда, признал, что основной принцип требования возместить расходы по содержанию военнопленных соответствует существующей практике, но он полагал, что особые условия настоящей войны требуют иного отношения к этому вопросу, в виду того, что военнопленные привлекались в течение этой войны к работам в размерах, до сих пор еще не виданных, и не получали такой заработной платы, которая соответствовала бы их работе. От этих работ государство, взявшее пленных, получило уже, по его словам, достаточное возмещение.

По мнению германской делегации, фактические предпосылки, на которых основаны эти соображения, неправильны. В случае, если бы даже они и были правильны, нельзя на основании их делать подобных выводов. Прежде всего, следует напомнить, что далеко не все категории пленных привлекались к работам. Именно те категории, расходы на которых, средним числом, падают в наибольшем размере, в работах не участвовали, как, например, офицеры. То же самое относится, поскольку речь идет о Германии, и к унтер-офицерам и, во всяком случае, к больным и раненым. Помимо этого, масса здоровых военно-пленных, находящихся в так-называемых основных лагерях военнопленных, привлекается лишь к работам по опрятному содержанию своих помещений.

Поскольку же военнопленные совершали работу в интересах экономической жизни страны, взявшей их в плен, то работа эта не может оцениваться так высоко, чтобы не только их заработная плата, но и расходы государства по содержанию их могли бы считаться окупленными.

Сделанное г. председателем российской делегации сравнение между работами военнопленных и работами внутри страны не выдерживает никакой критики, в особенности—в отношении Германии: помимо того, что работа военнопленных стоит вообще сравнительно ниже работы внутри страны, на свободе, помимо этого можно считать установленным фактом, что, в среднем, немецкий рабочий в отношении работоспособности стоит выше русского рабочего; таким образом, заработную плату, установленную в Германии для военнопленных, ни в коем случае нельзя считать несоразмерно низкой. Если бы даже и нельзя было смотреть на заработную плату военнопленных, как на полное возмещение их труда, то отсюда еще не следует не возмещать расходов государства, взявшего их в плен; подобное заключение слишком легко может повести не только в будущих войнах,—возникновения которых мы, правда, не ожидаем, но за невозникновение которых мы ручаться не можем,—но даже еще в настоящей всемирной войне может привести государства, взявшие в плен, к стремлению уменьшить расходы по содержанию военнопленных и, может быть, даже совершенно не оплачивать военнопленным их работы. Германское правительство, например, стараясь по возможности облегчить положение военнопленных путем сносного размещения, достаточного пропитания и образцовых санитарных условий, вряд ли могло бы оправдать это свое отношение в общественном мнении Германии, в виду тяжелого положения германских военнопленных в некоторых других странах.

Отказ же Германии от возмещения расходов, которые она несет по содержанию военнопленных, означал бы не что иное, как премию тем странам, которые плохо относятся к военнопленным и заставляют их производить тяжелые работы, без какого бы то ни было значительного вознаграждения этих работ.

Принятие германского предложения является, поэтому, требованием человечности и справедливости. Вследствие этого, мы и предлагаем оставить в силе § 3-ий гл. 8-ой.

И о ф ф е. Прежде всего я позволю себе ответить на последний тезис г. председателя германской делегации.

Г. председатель германской делегации видит в необходимости возмещения расходов по содержанию военнопленных нечто в роде воспитательной меры по отношению к тем правительствам, которые, без такого упрека, могли бы относиться к военнопленным еще хуже, нежели относились в продолжение настоящей войны. При всем моем критическом отношении к буржуазным правительствам, я не думаю, чтобы нашлось хотя бы одно из них, которое, не имея надежды на получение затраченных им средств, могло бы обращаться с военнопленными еще хуже, нежели обращалось с ними в настоящей войне.

Что касается того довода г. председателя германской делегации, что нельзя ставить военнопленных, как людей не свободных, на одну доску со свободными рабочими, то я на прошлом заседании и не пытался сравнивать интенсивность работы военнопленных с работой свободных граждан. При минимальной заработной плате, военнопленные, во всяком случае, производят гораздо больше, нежели на них затрачивается; это я и хотел мотивировать моим указанием на то, что, согласно принятой экономической наукой точке зрения, оплата труда каждого рабочего меньше ценности продуктов, им производимых; что касается другого довода г. председателя германской комиссии относительно того, что некоторые категории военнопленных, как, например, офицеры, больные и раненые, вообще никаких работ не производят, то подобный довод кажется мне справедливым.

Я полагаю, в данном случае можно было бы поступить следующим образом: признать необходимым возместить расходы по содержанию офицеров и больных; расходы же на солдат, которых повсюду заставляли работать, возмещению не подлежали бы.

Мне кажется, что это соответствовало бы решениям, принятым на второй мирной конференции в Гааге в 1907 году. Там, в приложении к конвенции 4-ой в главе 2-ой о военнопленных, делается ясное различие между офицерами и нижними чинами.

В статье 17-ой говорится:

«Военнопленные офицеры получают оклад, на который имеет право офицер того же ранга страны, в которой они задержаны, под условием возмещения этих расходов их правительствами»,—

между тем, как в тех главах, которые касаются солдат, между прочим в статье 7-ой, определенно говорится:

«Если между воюющими не заключается особого соглашения, военнопленные пользуются той же пищей, одеждой и помещением, какими пользуются войска правительства, взявшего их в плен».

О возмещении этих расходов ровно ничего не говорится.

Поэтому я просил бы г.г. представителей германской делегации рассмотреть наше компромиссное предложение о возмещении тех расходов, которые были сделаны государством, взявшим в плен, по содержанию офицеров и больных, отказавшись, вместе с тем, от возмещения расходов по содержанию военнопленных остальных категорий.

Я хотел бы также указать еще на один пункт, на который я уже обратил внимание в прошлом заседании. Я уже в прошлый раз высказал возникшее у нас сомнение по поводу § 2-го ст. 1-ой, где говорится о разрешении удерживать документы, если это будет признано необходимым военными властями.

В этой самой конвенции, которую я уже цитировал, в статье 4-ой говорится:

«Все принадлежащее лично военнопленному, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, является его собственностью».

Если бы германская делегация сочла возможным придать § 2-ому

именно такую формулировку, мы избежали бы той опасности, что право цензуры остается за военными властями.

Криге. Прежде всего, что касается последней части 2-го абзаца § 2-го статьи 1-ой, то мне нечего возразить против редакции, предложенной г. председателем российской делегации. Вопрос о том, следует ли говорить о лошадях, амуниции, оружии и других тому подобных вещах,—я оставляю открытым, потому что обыкновенно подобные вещи не принадлежат солдатам, а являются собственностью государства.

Но, конечно, в данном случае можно принять к сведению редакцию, принятую Гаагской конференцией, в отношении военных бумаг.

Что касается гораздо более сложного вопроса, изложенного в § 3-м, то ссылка г. председателя российской делегации на соглашение, принятое Гаагской конференцией по поводу обычаев сухопутной войны, а именно на то, что соглашение это не предусматривает возмещения расходов по содержанию военнопленных не офицеров, совершенно правильно. Однако, отсюда еще не следует, что конференция о правах и обычаях сухопутной войны стоит на той точке зрения, что расходы эти никакому возмещению не подлежат. Наоборот, вопрос этот предоставляется соглашению воюющих сторон, хотя подобного рода предусмотренные Гаагской конференцией соглашения в действительности не производятся; например, при русско-японской войне, несмотря на заключение мира, основанного на соглашении, все же было предусмотрено возмещение расходов по содержанию военнопленных.

В общем, я должен оставить за собой право в дальнейшем еще вернуться к заявлению г. председателя российской делегации.

Итак, мы переходим к статье 2-ой относительно возвращения гражданских пленных обеих сторон. Статья эта гласит:

«Возвращение гражданских пленных обеих сторон определяется следующими положениями.

§ 1. Заключенные в Петрограде соглашения относительно возвращения гражданских пленных обеих сторон будут осуществлены наивозможно скорее.

Оставшиеся открытыми при переговорах в Петрограде вопросы подлежат разрешению особой комиссии, предусмотренной в § 4-ом статьи 1-ой. Комиссия эта наблюдает также за осуществлением заключенных соглашений.

§ 2. Подданные одной из сторон, кои в начале войны имели местожительство на территории другой стороны или имели там промышленное или торговое предприятие и которые там более не пребывают, могут вернуться обратно, как только противная сторона не будет более находиться в состоянии войны. В возвращении может быть отказано исключительно по соображениями внутренней или внешней безопасности государства.

В качестве удостоверения, достаточен выданный властями собственного государства паспорт, в котором будет указано, что владелец его принадлежит к обозначенным в абзаце 1-ом лицам.

Паспортная виза не обязательна».

Я позволю себе сделать некоторые об'яснительные замечания по поводу этой статьи.

Во время войны правильные сношения между договаривающимися сторонами были нарушены. § 1-ый ст. 2-ой касается восстановления таких правильных сношений, и речь идет именно о тех гражданских лицах, которые были застигнуты войной в неприятельской стране.

В § 2-ом говорится не о тех лицах, которые были застигнуты войной в неприятельской стране, но которые имели в этой стране торговое или промышленное предприятие.

Что касается вопросов, связанных с § 1-ым, то в этом отношении уже ведутся переговоры с комиссией в Петрограде.

С этим, конечно, надо будет считаться при заключении мирного договора. Поэтому в § 1-ом предусмотрено проведение в жизнь постановлений, которые будут приняты Петроградской комиссией.

Вопросы, оставшиеся открытыми при переговорах в Петрограде, подлежат разрешению особой комиссии, которая будет учреждена в целях обсуждения вопросов, связанных с обменом военнопленными, согласно положениям § 4-го ст. 1-ой.

Что касается вопросов, связанных с желанием гражданских лиц поехать в неприятельскую страну, то они не подлежат рассмотрению комиссии в Петрограде. Из факта восстановления мирных отношений следует, что несправедливо препятствовать такому переезду. Тем не менее, понятно, что еще некоторое время по заключении мира пассажирское сообщение между обеими сторонами будет затруднено.

Такого рода затруднения могли бы быть очень опасными для лиц, имевших торговое или промышленное предприятие в неприятельской стране и поэтому вдвойне заинтересованных в возможности скорее вернуться в эту страну и принять меры к сохранению своего имущества и к урегулированию своих торговых отношений. Для таких лиц § 2-ой предусматривает особого рода льготные условия. Этим и ограничиваются об'яснения германской делегации.

Иоффе. Только что изложенные §§ 1-ый и 2-ой ст. 2-ой с нашей стороны никаких возражений не вызывают.

Мы также желали бы, по возможности, не чинить каких-либо препятствий возвращению тех лиц, которые по заключении мира выразили бы желание вернуться в другое государство. Именно поэтому предпоследний абзац статьи 2-ой кажется мне несколько сомнительным. Там говорится, что в возвращении может быть отказано по соображениям внутренней или внешней безопасности государства. Я попросил бы г. председателя германской делегации раз'яснить точнее, что именно под этим разумеется; мне кажется, что в соответствии с этой формулировкой может быть отказано в возвращении вообще кому бы то ни было.

Криге. Выражение «внутренней и внешней безопасности государства» имеется в целом ряде договоров, заключенных Германией с другими государствами и касающихся прав оседлости, как, например, договоры с Нидерландами, Швейцарией и Турцией. Этой оговоркой заключающие договор стороны хотели оставить за собой право не допускать

в страну такого рода элементов, которые по общим правилам допущению не подлежат.

Все попытки подробнее развить заключающееся в этом выражении понятие не привели ни к чему, и правительства, заключавшие такого рода договоры, очевидно, вынуждены были ограничиться подобного рода общей формулой.

Если иметь в виду русских подданных, то они, согласно такой редакции, имели бы те же самые права оседлости, как и подданные Нидерландов, Швейцарии и Турции,—следует в данном случае, конечно, разуметь только тех русских подданных, которые раньше имели местожительство в Германии и теперь выражают желание вернуться туда. Если пойти дальше, то возникнет вопрос—вопрос этот здесь совершенно в виду не имеется,—о заключении договора об оседлости, договора, который предоставлял бы право оседлости подданным обеих сторон; мы же здесь говорим только о тех лицах, которые до войны имели местожительство в определенной стране и в настоящее время желают вернуться в эту страну.

Иоффе. Поэтому-то я и полагаю, что, может быть, лучше всего было бы совсем опустить эту фразу, так как в данной редакции она представляет слишком много возможностей для произвола. Я поясню это примером. До войны в Германии было много русских рабочих. Как нам известно, почти все они в настоящий момент большевики. Если какое-либо учреждение в Германии пожелало бы истолковать пункт о внутренней и внешней безопасности государства в том смысле, что рабочие эти не могут быть допущены в Германию, то я не думаю, чтобы это способствовало восстановлению дружественных международных отношений.

Криге. Мы не можем согласиться на отказ от этой фразы, потому что право не допускать опасных иностранцев является суверенным правом государства, которое нельзя уничтожить договором. Тем не менее я считаю возможным успокоить г. председателя российской делегации, опасающегося, что мы из-за политических убеждений не допустим в свою страну рабочих, которые своей работой принесут пользу народному хозяйству Германии.

Иоффе. Если бы г. председатель германской делегации нашел возможным дать подобную гарантию, то я счел бы себя удовлетворенным. Я только напоминаю, что не всегда практика Германии соответствовала этому, и что очень многие из русских граждан высылались из пределов Германии, именно в виду своих политических убеждений,—в том числе, например, я сам.

Криге. Конечно, я не могу дать обязательства в том, что каждый рабочий, который пожелает у нас работать, будет допущен в нашу страну. Но я говорю только об общей практике, и я полагаю, что от этой практики мы отступать не будем.

Итак, мы переходим к статье 3-ей. Сначала я ее прочту, а затем сделаю краткие об'яснительные замечания:

«Подданные каждой из договаривающихся сторон не подлежат на

территории другой стороны за время, в продолжение которого, вследствие войны, приостановились работы их промышленных или торговых предприятий или иная их промысловая деятельность, никаким обложениям, податям, налогам или сборам за их промышленные или торговые предприятия или другую промысловую деятельность. Суммы, которые, согласно вышеуказанному, не должны быть уплачены, но которые были уже взысканы, подлежат возвращению в течение шести месяцев после ратификации прелиминарных условий мира.

Постановления абзаца 1-го соответственно применяются к торговым и промышленным обществам, в которых подданные одной из сторон состояли в качестве членов, акционеров или принимали участие какимлибо иным образом в предприятиях, которые на территории другой стороны не функционировали, вследствие войны».

Статья эта содержит само собою понятное постановление относительно того, что подданные противной стороны не должны платить никаких промысловых налогов за деятельность, которую они не могли осуществлять в течение войны.

То же относится и к тем обществам, деятельность которых была приостановлена, в виду того, что в их состав входили подданные противной стороны.

Не имеется ли каких-нибудь вопросов или замечаний по данному поводу?

Иоффе. Против этого пункта возражений не имеется.

Криге. Я перехожу к чтению статьи 4-ой:

«Каждая из договаривающихся сторон обязуется чтить и содержать в порядке находящиеся на ее территории могилы подданных другой стороны как военных, так и гражданских лиц, которые умерли, будучи интернированы или сосланы. Уполномоченным этой стороной лицам предоставляется также, с согласия местных властей, принимать меры к уходу за могилами и к сообразному их украшению.

Отдельные вопросы, связанные с попечением о могилах, подлежат дальнейшему соглашению».

Считаю своим долгом сделать по поводу этой статьи следующие об'яснительные замечания. В последние мирные договоры обычно входило обязательство содержать в порядке могилы воинов, павших на территории страны или в плену, а также постановление о почитании этих могил.

При внесении такого рода постановления в наш договор следовало бы принять во внимание то, что интернированные и сосланные гражданские лица, подданные противной стороны, в большинстве своем умерли в неприятельской стране. Ст. 4-ая содержит исключительно общие постановления, при чем урегулирование отдельных подробностей вопроса, как, например, вопроса об откопании трупов, подлежало бы еще дальнейшему обсуждению, хотя бы особой комиссии. Этим я и ограничу свои об'яснения.

Не имеется ли каких-нибудь вопросов или замечаний со стороны российской делегации?

Иоффе. Ст. 4-ая с нашей стороны никаких возражений не встречает. Точно так же же мы не возражаем и против специальной комиссии.

Криге. Я перехожу к чтению гл. 9-ой. Глава эта носит название: «Забота о реэмигрантах». Она гласит:

«Ст. 1. Подданным каждой из договаривающихся сторон, являющимся выходцами из территории другой стороны, должно быть предоставлено, по соглашению с властями этой стороны, право вернуться в страну, из которой они происходят, в течение десяти лет после ратификации прелиминарных условий мира. При этом они имеют право ликвидировать свое имущество и вырученную сумму взять с собой так же, как и прочее свое движимое имущество, а, равным образом, имеют право на соответственное вознаграждение за причиненный им во время войны вследствие их происхождения ущерб.

Ст. 2. Право реэмиграции не должно быть ограничено никакими прямыми или косвенными мерами. Лица, имеющие право реэмиграции, должны быть по их заявлению освобождены от принадлежности к государству, подданными которого они были до сих пор; равным образом, не должно ставить каких-либо препятствий или затруднений их письменным или устным сношениям с дипломатическими и консульскими представителями страны, из которой они происходят.

Ст. 3. При осуществлении права реэмиграции, реэмигранты не несут никакого ущерба имущественно-правового характера, помимо обязательства продать в соответственный срок свою недвижимую собственность. Реэмигранты, державшие аренду в стране их местожительства, могут отказаться от арендных договоров, при условии предупреждения за шесть месяцев, при чем арендодатель не имеет права пред'явить иск об убытках, причиненных ему досрочным расторжением арендного договора».

По этому поводу имею честь сделать следующие замечания. В конце XVIII и в начале XIX в.в. большое число немецких крестьян по приглашению российского правительства переселилось в Россию и осело там. Эти люди приняли русское подданство и оказались очень хорошими подданными. Тем не менее, сейчас же после начала войны, царское правительство стало обходиться с такими людьми, как с неприятельскими подданными. Они в большом количестве высылались в отдаленные местности, в особенности в Сибирь, а имущества их насильственно продавались, как имущества неприятельских подданных. Поэтому нет ничего удивительного в том, что большое число этих людей горячо желает вернуться на свою старую родину и выражает желание, чтобы российское правительство не чинило им в этом отношении никаких препятствий.

Германская делегация считает весьма важным, чтобы таким крестьянам немецкого происхождения было предоставлено в мирном договоре ясно выраженное право вернуться в Германию.

Поэтому, в 9-ой главе имеется особое постановление, в котором ясно разработаны права вернуться в Германию, в особенности—взять с

собою свое имущество. Согласно об'яснению, данному российской делегацией до рождественского перерыва, казалось бы, нет никаких возражений против подобного постановления, так как указывалось, что подобного рода постановления подразумеваются сами собой, однако, следует сказать, что в таких вопросах взгляды меняются и что поэтому Германия считает своим долгом по отношению к своим соплеменникам связать их судьбу с определенно выраженным в договоре постановлением.

Иоффе. Как правильно сказал г. председатель германской делегации, мы еще до рождественского перерыва указывали, что вся эта глава является излишней, так как в революционной России ни один гражданин, к какой бы национальности он ни принадлежал, не ограничен в праве покинуть ее, если он того пожелает, точно так же, как и иностранцам не воспрещается в'езд в Россию, в случае, если они того пожелают.

Я полагаю, что условия, существовавшие в России при царизме, никоим образом не могут применяться в настоящее время. Все новые российские законы действительны также и по отношению к русским гражданам немецкого происхождения. Последние получают право пользоваться землей наравне с русскими крестьянами. И я не знаю, будут ли теперь немецкие колонисты, еще при царском режиме выразившие желание вернуться в Германию, будут ли они и теперь настаивать на этом. Поэтому я еще раз предлагаю исключить из проекта мирного договора главу о реэмигрантах.

Я хотел бы привести еще и тот довод, который так часто приводится нам с немецкой стороны, а именно,—что в данном случае дело идет о русских гражданах и, следовательно, весь этот вопрос является внутренним русским вопросом,—германская делегация, ведь, постоянно требует от нас невмешательства в свои внутренние дела.

Криге. По поводу об'яснений г. председателя российской делегации считаю своим долгом сказать следующее:

Если бы эти колонисты, в связи с изменившимися в России обстоятельствами, оставили свое намерение вернуться в Германию, то, конечно, постановления этой главы не нашли бы никакого применения. Но, ведь, г. председатель российской делегации сам признает, что людям, которые действительно пожелали бы вернуться, никоим образом нельзя препятствовать. Мы как раз теперь и настаиваем на том, чтобы подобный, очень симпатичный, нам взгляд был закреплен договором. Если мы обсуждаем эти вопросы, то, хотя наши соплеменники и являются русскими подданными, все же это носит иной характер, чем если бы какое-либо государство вмешивалось во внутренние дела другого государства: в данном случае речь, прежде всего, идет о потомках людей, происшедших от нашей плоти и крови; помимо того, российское правительство относится к ним, не как к своим подданным, а как к подданным неприятельской стороны и смотрит на них, как на немцев. При таком положении вещей наше стремление пойти навстречу этим людям, желающим вернуться к нам, на мой взгляд, никоим образом не является

вмешательством во внутренние дела России; это лишь прямой вывод из поведения обеих договаривающихся сторон.

Вследствие этого, германская делегация настаивает на том, чтобы глава о реэмигрантах, не встречающая никаких возражений по существу, нашла себе выражение в мирном договоре.

Иоффе. Не говоря уже о том, что некоторые возражения по существу данного проекта имеются, я все же вынужден повторить, что несправедливости, совершавшиеся царским правительством, ни в коем случае не могут исходить от нынешнего российского правительства. Нынешнее правительство не только не видит в немецких колонистах врагов, но считает нужным вообще не делать никакого различия между людьми, живущими в России. Если бы немецкие колонисты выразили желание выехать из России, то я не сомневаюсь в том, что российское правительство не только согласилось бы на это, но, вероятно, приняло бы все предложения, заключающиеся в 9-ой главе, поскольку они не противоречат другим основным законам России, в порядке внутреннего российского законодательства.

Поэтому я полагаю, что предложения, касающиеся русских граждан, не должны быть включены в договор между Германией и Россией. В виду того, что г. председатель германской делегации все же на этом проекте настаивает, я прошу оставить этот вопрос открытым и, таким образом, предоставить мне возможность запросить наше правительство; в случае, если оно это удовлетворит, то я думаю, что я мог бы уверить г. председателя, что такой закон был бы издан в России.

Я только возражаю против того, чтобы этот закон обсуждался, как закон международный или как закон, касающийся двух народов.

Криге. Время уже позднее, и я полагаю, следовало бы отложить обсуждаемый нами вопрос до следующего заседания, которое мы можем назначить хотя бы на завтра в 5 часов. Об'являю настоящее заседание закрытым.

Заседание закрывается в 7 час. 10 мин.

Заседание комиссии по правовым вопросам

24/11 января 1918 года.

Заседание открывается в 5 час. 15 мин. пополудни под председательством Криге.

Криге. Г. председатель российской делегации в своем вчерашнем об'яснении относительно лиц, желающих вернуться на родину, указал на то, что право реэмиграции русских подданных немецкого происхождения могло бы быть урегулировано путем издания в России соответствующего закона.

Германская делегация не отрицает, что в данном случае очевидно желание пойти навстречу; однако, она не может усмотреть в подобном законе достаточной гарантии, потому что такой закон каждую минуту мог бы быть отменен или изменен в соответствии с меняющимися взглядами компетентных кругов России. Г. председатель российской делегации далее указал на то, что в настоящее время в России уже не относятся к колонистам, как к врагам, и, вследствие этого, Германии незачем более заботиться о них. На это следует возразить, что Германия считает своим долгом помочь своим соплеменникам, которых преследовали именно за то, что они немцы; Германия ничего большего и не требует, как только того, чтобы им было предоставлено,—независимо от возможного изменения взглядов на этот вопрос в России,—свободное право решить, желают ли они вернуться к себе на прежнюю родину, или же желают остаться в России, как русские. Это не есть вмешательство во внутренние дела России, потому что Германия не вмешивается, поскольку эти люди желают и далее остаться в России. Германия заботится только о тех, которые после того, как их преследовали в России из-за их немецкого происхождения, сделали отсюда соответствующие правовые выводы и хотят стать действительно немцами. Германская делегация поэтому обращается к российской делегации с просьбой запросить российское правительство в том отношении, чтобы российской делегации было разрешено согласиться с германским проектом до второго чтения. Как и было предложено г. председателем российской делегации, рассмотрение соответствующей главы следовало бы пока отложить.

Иоффе. Я не возражаю против того, чтобы отложить обсуждение этого пункта, и не премину запросить наше правительство о его отношении к данному вопросу. Я хотел бы только указать, что я не говорил о возможности издания специального закона в России,—так как, если закон не запрещает, то, следовательно, нет нужды в законодательном

подтверждении права на выезд. Я только укажу на то, что такие вопросы вообще должны разрешаться в порядке внутреннего законодательства. Я продолжаю оставаться при том мнении, что вопрос о немецких колонистах—гражданах России—не должен быть предметом обсуждения между Россией и Германией. Повторяю, я обращусь за надлежащими в этом отношении указаниями к нашему правительству.

Криге. Мы переходим к следующей главе, в которой говорится об амнистии. Я позволю себе прочесть всю главу целиком, так как ее части находятся в тесной связи между собою, и затем сделаю соответствующие об'яснительные замечания ко всей главе в целом:

«Статья 1. Каждая из договаривающихся сторон освобождает от наказания подданных другой стороны, согласно следующим положениям:

§ 1. Каждая из сторон предоставляет военнопленным другой стороны полное освобождение от наказания за все совершенные им деяния, наказуемые по суду или подлежащие дисциплинарному взысканию.

§ 2. Каждая из сторон предоставляет всем гражданским подданным другой стороны полное освобождение от наказания за деяния, которые они, будучи интернированы или сосланы, совершили в течение войны и которые подлежат наказанию по суду или дисциплинарному взысканию.

§ 3. Каждая из сторон предоставляет всем подданным другой стороны полное освобождение от наказания за совершенные ими в интересах этой стороны наказуемые политические деяния и за нарушение исключительных законов, изданных в ущерб подданным враждебного государства.

§ 4. Предусмотренное в §§ 1—3 освобождение от наказания не распространяется на деяния, совершенные после ратификации прелиминарных условий мира.

§ 5. Поскольку постановлениями §§ 1—4 предоставляется свобода от наказания, постольку не возбуждается новое уголовное преследование, начатые же уголовные процессы прекращаются, а уже присужденные наказания не приводятся в исполнение. Однако, военнопленные, находящиеся в предварительном или тюремном заключении за совершенные ими: военную или государственную измену, умышленное убийство, разбой, грабительское вымогательство, умышленный поджог или преступление против нравственности, могут быть оставлены в заключении до их возвращения на родину, которое должно совпасть с первым обменом годных к военной службе военнопленных.

Статья 2. Договаривающиеся стороны предоставляют своим подданным освобождение от наказания, согласно следующим положениям:

§ 1. Каждая из договаривающихся сторон предоставляет полное освобождение от наказания лицам, числящимся в составе ее вооруженных сил, за работы, которые они производили в качестве военнопленных другой стороны.

§ 2. Каждая из договаривающихся сторон предоставляет жителям своих занятых другой стороной областей полное освобождение от наказания за их политическое поведение во время оккупации.

§ 3. Подданные одной из договаривающихся сторон, кои в течение

войны оказали другой стороне услуги военно-политического характера и перешли в подданство к этой стороне до или после ратификации прелиминарных условий мира, должны быть по их заявлению освобождены от принадлежности к государству, подданными которого они были до сих пор, и вполне освобождены от наказания за свои вышеупомянутые услуги. Однако, по требованию местных властей, эти лица должны немедленно выехать из пределов страны, являвшейся до сих пор их родиной, а, равным образом, обязуются продать в течение десяти лет после ратификации прелиминарных условий мира принадлежащие им в этой стране земельные участки, включая и родовые имения, а также и торговые и промышленные предприятия или долю в таковых; что касается их движимого имущества, то они свободны вывезти его по уплате обязательных для всех подданных этой страны налогов.

Подданным одной из договаривающихся сторон, кои, с целью получить предусмотренное в § 1-ом освобождение от наказания, пожелали бы перейти в подданство другой стороны, не должно на их родине какими-либо способами препятствовать обратиться в этих целях с соответствующим заявлением к властям другой стороны.

§ 4. Постановления § 5-го статьи 1-ой имеют силу в отношении предусмотренного в §§ 1—3 освобождения от наказания; равным образом, в подобных случаях лица, которым предоставляется освобождение от наказания, и их семьи не должны подвергаться также никаким дальнейшим правоограничениям».

По поводу этой главы я имею сделать следующие об'яснения. Согласно правилам гуманности, по заключении мира военнопленные не подлежат преследованию за преступления, совершенные ими во вражеской стране в течение войны, так как они действовали исключительно под влиянием аффекта и, кроме того, нередко подвергались чрезмерно строгим наказаниям.

Эти соображения и имелись в виду в §§ 1-ом и 2-ом ст. 1-ой. Далее, из понятия мира, основанного на соглашении, вытекает, что подданные одной из договаривающихся сторон не преследуются, если они действовали в интересах своей родины, хотя бы они и нарушили законы другой стороны. С этим в достаточной мере считается § 3-й ст. 1-ой.

Выходя за пределы этих постановлений, предусмотренных в интересах подданных противной стороны, ст. 2-ая постановляет и то, чтобы государства в широких размерах предоставили освобождение от наказания также своим согражданам.

Здесь прежде всего имеются в виду военнопленные, которые по принуждению государства, взявшего их в плен, участвовали в работах по военным укреплениям и тем самым нарушили законы своей страны. Далее предусмотрена безнаказанность для жителей занятых областей, нередко находившихся под давлением оккупационных властей. Наконец, безнаказанность должна быть предоставлена также и тем лицам, которые совершили политические преступления и, перейдя в подданство другого государства, предоставили себя в его полное распоряжение.

Во всех этих случаях обе стороны заинтересованы в том, чтобы

подданные другой стороны не подвергались наказанию за действия, совершенные ими под давлением и, таким образом, непрерывно нарушалось бы мирное сожительство. Полагаю, я не ошибусь, если скажу, что эти весьма либеральные взгляды встретят сочувствие российской делегации.

И о ф ф е. Г. председатель германской делегации не ошибается, полагая, что мы вполне согласны со всеми этими пунктами. Я позволю себе предложить только один вопрос. В предлагаемой амнистии я не вижу амнистирования еще для одной категории пострадавших в течение войны. Это те, которые понесли наказание за свою борьбу в пользу мира, хотя и не действовали в интересах враждебного государства, но, наоборот, в интересах своего собственного государства.

В России таких нет. В Германии они, к сожалению, еще имеются. Я хотел бы спросить, не предусматривается ли амнистия также и в отношении этих борцов за мир. Для большей ясности, я назвал бы одного из них, наиболее известного всем, а именно, нашего товарища по партии Карла Либкнехта.

К р и г е. В следующей статье нами предусмотрены и те случаи амнистии, когда заинтересованы обе стороны. Я уже указал на то, что во всех случаях, где дело идет об амнистировании своих собственных подданных, существуют интересы другой стороны постольку, поскольку заинтересованное государство вызвало наказуемые деяния. Поскольку налицо имеются такие предпосылки, постольку соответствующая статья этой главы нашла бы себе применение. Случаи эти, конечно, не подлежат урегулированию в настоящем мирном договоре.

И о ф ф е. Я позволил себе задать этот вопрос, потому что амнистия терпит существенные ограничения в отношении собственных граждан в том именно месте, где указывается, что амнистируются они в том случае, если они действовали в интересах враждебного государства. В интересах тех дружественных отношений, к содействию которым г. председатель германской делегации стремился, по его словам, в своем предложении амнистии, в интересах этих дружественных отношений было бы, на наш взгляд, распространение закона об амнистии также и на тех, которые не совершили каких-либо действий в пользу другого государства, а пострадали в борьбе за мир, в интересах дела всеобщего мира.

Я хотел бы еще указать и на то, что это совпадает и с стремлениями г. председателя германской делегации, заявившего, что германский проект стремится амнистировать только тех, в амнистии которых заинтересованы обе стороны. Борьба же за мир, в отношении тех германских граждан, которые в этой борьбе пострадали, является нашим общим делом.

К р и г е. Я прошу г. председателя российской делегации извинить меня, если я позволю себе указать на то, что после высказанного им взгляда на право реэмиграции лиц, желающих вернуться в Германию, настоящее его замечание несколько удивляет меня, так как в своих об'яснениях г. председатель российской делегации считал нежелательным

внести в мирный договор постановления, касающиеся русских подданных. Я имел бы, поэтому, право полагать, что вся ст. 2-ая, в которой речь идет также о собственных подданных, встретит протест с его стороны. Вместо этого он советует нам расширить постановления этой статьи и предусмотреть амнистию также и в тех случаях, в которых другая сторона непосредственным образом не заинтересована.

На мой взгляд, нам следовало бы ограничиться только теми случаями, в которых непосредственно заинтересованы обе стороны, и не преследовать выходящих за пределы реальности целей.

Амнистирование тех лиц, которые не находились в определенных отношениях к другой стороне, должно быть предоставлено автономному усмотрению каждой из договаривающихся сторон.

Иоффе. Я хотел бы сказать г. председателю германской делегации, что я с самого начала был вполне согласен с тем, что это дело самой Германии. Я не делал предложений, я только поставил вопрос. Поскольку 2-ая статья рассматриваемой главы говорит о собственных гражданах каждой стороны, я считал возможным затронуть также и другую категорию таких граждан. Я хотел бы также подчеркнуть, что совершенно неправильно полагают, что нынешнее российское правительство не имеет в данном случае непосредственного реального интереса.

В признании права амнистии для этих борцов за мир российское правительство заинтересовано, по крайней мере, не менее, нежели в амнистировании военнопленных, которые, находясь в плену в Германии, совершили какой-либо проступок.

Я констатирую, что мы выразили только известное пожелание и что после заявления о том, что решение вопроса предоставляется самому германскому народу, я могу выразить надежду, что германский народ справится с этой задачей в ближайшем будущем.

Криге. На этом мы можем закончить рассмотрение гл. 10-й и перейти к главе 11-ой, гораздо более сложной, имеющей заглавие:

«Отношение к попавшим во власть неприятеля торговым судам и корабельным грузам».

Итак, я приступаю к чтению отдельных статей этой главы:

Статья 1. «К торговым судам договаривающихся сторон и к их грузам применяется, не взирая на противоположные приговоры призовых судов, шестая Гаагская конвенция от 18-го октября 1907 года об отношении к неприятельским торговым судам при начале военных действий; при этом постановляется нижеследующее:

Разрешение на выход из гавани, в смысле абзаца 1-го статьи 2-ой вышеупомянутой конвенции, может считаться данным лишь тогда, если оно признано и другими неприятельскими морскими державами.

Реквизированные, согласно абзацу 2-му статьи 2-ой конвенции, торговые суда подлежат возвращению с вознаграждением за время их использования, или же, в случае их гибели, стоимость их должна быть возмещена в деньгах.

По отношению к нереквизированным торговым судам, государство, под флагом которого они плавали, должно возместить издержки по содержанию их в исправности, но не плату за стоянку в гавани и прочие, связанные с этим, расходы. Торговые суда, которые по своей конструкции могут быть обращены в военные, приравниваются, вопреки статье 5-ой конвенции, к остальным торговым судам. Постановления этой статьи применяются также к тем торговым судам, которые были реквизированы или захвачены до начала войны.

Статья 2. Торговые суда договаривающихся сторон, захваченные в качестве призов, будут окончательно рассматриваться, как таковые, если до подписания прелиминарных условий мира они были признаны призами имеющим законную силу приговором призового суда, и если они не подпадают под постановления ст.ст. 1-ой и 2-ой. В других же случаях они должны быть возвращены, или же стоимость их, если их более не имеется налицо, должна быть возмещена в деньгах.

Постановления абзаца 1-го соответственно применяются к захваченным в качестве призов корабельным грузам подданных договаривающихся сторон. Однако, имущество подданных одной стороны, захваченное на судах под неприятельским флагом другой стороной, должно быть во всех случаях выдано обладателю прав; если же это невозможно, то стоимость его должна быть возмещена в деньгах.

Статья 3. Торговые суда одной из договаривающихся сторон, которые в нейтральных или территориальных водах были задержаны, конфискованы или потоплены военными силами другой стороны, должны быть, равно как и их грузы, возвращены, не взирая на противоположные приговоры призовых судов; в случае, если их налицо более не имеется, стоимость их должна быть возмещена в деньгах; за время до возвращения или возмещения стоимости судна должно быть выдано вознаграждение.

Статья 4. Торговые суда, подлежащие возвращению согласно ст.ст. 1—3, предоставляются, тотчас же после ратификации прелиминарных условий мира, в том состоянии, в котором они находятся, и в той гавани, где они стоят, в распоряжение государства, под флагом которого они плавали. Если такое судно в день ратификации находится в плавании, то, по окончании рейса и разгрузки находящегося на нем в этот день груза, оно должно быть возвращено, во всяком случае, не позже, чем через месяц; за промежуточное время уплачивается фрахт по наивысшим дневным ставкам.

Если за время пользования состояние судна, подлежащего, согласно статье 1-ой, возвращению, ухудшилось больше, нежели от обычного изнашивания, то должно быть уплачено соответствующее вознаграждение. То же самое относится к судам, подлежащим возвращению согласно статье 3-ей, даже если бы они не были реквизированы. За порчу или потери, причиненные после прекращения военных действий стороной, обязанной вернуть судно, должно быть во всех случаях уплачено вознаграждение.

В качестве возмещения за несуществующее более судно, должна быть уплачена продажная стоимость, которую судно имело бы в день ратификации прелиминарных условий мира. В качестве вознаграждения за пользование должен быть уплачен фрахт по нормальным дневным ставкам.

Статья 5. Тотчас же после ратификации прелиминарных условий мира имеет собраться в . . . . . ., с целью проведения в жизнь постановлений ст.ст. 1—4, комиссия в составе двух представителей каждой из договаривающихся сторон и нейтрального председателя. Стороны будут просить . . . . . указать им председателя комиссии.

Комиссия должна решать преимущественно вопросы о том, имеются ли в отдельных случаях основания для возвращения судна или для возмещения стоимости судна, или для уплаты вознаграждения, а также должна определять размеры уплачиваемых сумм в валюте государства, под флагом которого судно плавало.

После определения размеров, суммы должны быть предоставлены, для передачи обладателю прав, в распоряжение того государства, под флагом которого судно плавало».

Я считаю нужным сделать некоторые об'яснения, составленные весьма кратко, вследствие ясности самого текста.

Гл. 11-ая регулирует вопрос об отношении к судам и к грузам, попавшим во власть неприятеля.

Ст. 1-ая касается вопроса о так-называемых судах «эмбарго», т.-е. о тех судах, которые при возникновении войны находились в неприятельской гавани.

Ст. 2-ая говорит о судах, захваченных в качестве призов.

Ст. 3-ья касается судов, задержанных в нейтральных водах.

В 4-ую статью входят общие постановления технического характера.

Ст. 5-ая предусматривает образование особой комиссии для осуществления принятых решений.

В целом, эта глава содержит постановления, которые сводятся к проведению в жизнь принципов, принятых до рождественского перерыва. Что касается терминологии, принятой в немецком проекте, то, во избежание недоразумений, считаю нужным добавить, что понятие о флаге государства всегда относится к тому государству, под флагом которого судно плавало, когда попало во власть неприятеля.

Отношение к так называемым судам «эмбарго» было, как известно, предметом обсуждения 2-ой Гаагской конференции, и оно было ратификовано как Германией, так и Россией. Поэтому ст. 1-ая и указывает на § 1-ый абзаца 1-го Гаагской конвенции.

Абзац 2-ой ст. 1-ой регулирует некоторые единичные вопросы, относительно которых при применении этой конвенции существовали бы или могли бы возникнуть разногласия, сомнения или трудности.

Например, предусматривается такой случай, когда воюющее государство, хотя и дало пропуск судну, отправляющемуся на родину, однако, не приняло мер к тому, чтобы данный пропуск получил признание

его союзников. Ясно, что не следует относиться к такому судну с большим благоприятствованием, нежели к судну, не получившему никакого пропуска. Об этом и говорится в первом предложении абзаца 2-го статьи 1-ой.

Второе предложение того же абзаца касается реквизированных судов. Как известно германскому правительству, все воюющие стороны понимали реквизицию судов «эмбарго» в таком смысле, что пользование ими на время войны предусматривалось без изменения права собственности. Желательно ясно обусловить это в мирном договоре.

Третье предложение регулирует вопрос, не предусмотренный Гаагской конвенцией, а именно—вопрос о том, каким образом надлежало бы распределить расходы за не реквизированные «эмбарго».

Четвертое предложение ст. 1-ой исходит из того соображения, что практически оказалось невозможным установить точный критерий для того, чтобы судить о возможности превращения торгового судна в судно военное, и что, поэтому, из соображений целесообразности, следовало бы отказаться от различия, установленного в этом отношении 1-ой Гаагской конференцией и встретившего сомнение и критику на 2-ой Гаагской конференции.

Отношение к призам, предусмотренное в ст. 2-ой, соответствует договорам, заключенным в прежних мирных трактатах.

Последнее предложение статьи 2-ой касается грузов, находившихся при возникновении войны на торговом судне под неприятельским флагом и поэтому попавших во власть неприятеля. В международном праве до сих пор не существует общепризнанного правила по отношению к подобным грузам.

Германия в своей практике руководствовалась теми соображениями, что к такого рода грузам не следует относиться так же, как к грузам, находящимся на судах «эмбарго», т.-е. что их нельзя присуждать как призы, но следует или задерживать с намерением вернуть по заключении мира, или же реквизировать, как вознаграждение. Поэтому в интересах справедливости и международного общения предлагается признать это правило обоюдным.

Ст. 3-ья, повидимому, не нуждается в более подробных об'яснениях, так как возвращение еще до окончания войны неприятельского судна, сознательно или случайно захваченного в немецких или нейтральных водах, является несомненной обязанностью каждой воюющей стороны.

Само собою разумеется, что такое возвращение должно последовать после заключения мира, если оно не имело места уже ранее. Вопрос о том, захвачено ли судно в нейтральных водах, в случае разногласия, подлежал бы разрешению особой комиссии, которая предусмотрена в ст. 5-ой.

Что касается ст. 4-ой, то, мне кажется, излишне подробно останавливаться на рассмотрении возникающих здесь специальных технических вопросов.

Я хотел бы указать только на один пункт германского проекта, который может произвести впечатление непоследовательности. Дело в том, что в последнем предложении абзаца 1-го статьи 4-ой предусмотрена оплата фрахта по наивысшим дневным ставкам в то время, как в последнем предложении абзаца 3-го речь идет об общепринятой средней оплате фрахта. Это различие основано на том, что в абзаце 1-ом дело идет о пользовании чужими судами по заключении мира, в то время, как в абзаце 3-ем речь идет о пользовании такими судами во время войны.

В первом случае государству, захватившему судно, по техническим соображениям разрешается в промежуток времени между окончанием рейса и возвращением пользоваться судном, которое это государство должно было бы, собственно говоря, вернуть тотчас же по заключении мира. Вполне справедливо,—и это требуется также и в интересах предотвращения злоупотреблений,—что в первом случае государство должно платить фрахт по наивысшим дневным ставкам, в то время, как во втором случае, согласно положению международного права, пользуясь судном, которым владелец его во время войны пользоваться все равно не имел бы возможности, платит оно фрахт по нормальным дневным ставкам.

Технические морские вопросы, непосредственно связанные с выполнением постановлений предыдущих статей, целесообразно было бы не решать здесь в порядке дипломатическом. Поэтому, в ст. 5-ой предусмотрено образование смешанной комиссии с нейтральным председателем во главе. Я позволю себе спросить г. председателя российской делегации, не имеется ли у него каких-либо вопросов в данном отношении и не желает ли он получить дальнейшие раз'яснения?

Иоффе. В общем, я хотел бы в дальнейшем перейти более подробно к обсуждению этого пункта. Однако, несколько вопросов я позволю себе задать тотчас же. В ст. 1-ой говорится о том, что торговые суда должны быть возвращены с уплатой за время пользования ими.

Если я не ошибаюсь, то как раз в 6-ой конвенции 2-ой Гаагской конференции говорится о том, что торговые суда возвращаются без уплаты за время пользования.

Криге. На вопрос г. председателя российской делегации следует ответить в отрицательном смысле.

Абзац 2-ой ст. 2-ой 6-ой Гаагской конвенции, принятой на второй конференции, гласит:

«Воюющая сторона имеет право задержать судно, с обязательством возвратить его после войны без вознаграждения или реквизировать его за вознаграждение. При этом реквизиция, за которую по этому постановлению следует заплатить, может быть реквизицией с целью пользования, как и с целью перенести право собственности».

Этим, я полагаю, устраняется вопрос г. председателя российской делегации.

Иоффе. Второй мой вопрос сводится к следующему. Здесь гово-

рится об уплате за суда. Но, как известно, ценность кораблей за время войны невероятно возросла.

По какой ценности должна произойти оплата,—по той ли, которую судно имело тогда, когда оно было задержано, или по той, по какой оно было оценено во время заключения мира?—или же этот вопрос также подлежит разрешению особой комиссии, предусмотренной в ст. 5-ой?

Криге. Абзац 3-ий ст. 4-ой постановляет следующее:

«В качестве возмещения за несуществующее уже более судно должна быть уплачена продажная стоимость, которую судно имело бы в день ратификации прелиминарных условий мира».

Это постановление исходит из того соображения, что владельцу судна должна быть предоставлена возможность купить другое судно, подобное потерянному, что, конечно, было бы невозможно, если бы он получил плату, совершенно недостаточную для покупки такого судна во время заключения мира.

Иоффе. Я благодарю г. председателя за данные раз'яснения; в настоящий момент вопросов больше не имеется.

Криге. Следующая глава касается урегулирования судоходства по реке Дунаю. Этот вопрос не входит в компетенцию правовой комиссии; он заключает в себе материал, подлежащий рассмотрению экономической комиссии.

Итак, мы переходим к главе 13-ой, касающейся вопроса об организации Шпицбергенского архипелага.

Сначала я прочту ее, а затем сделаю несколько раз'яснительных замечаний:

«Договаривающиеся стороны будут стремиться к тому, чтобы в намеченной на Шпицбергенской конференции 1914 года—международной организации Шпицбергенского архипелага обе стороны были поставлены в одинаковые условия.

Для этой цели правительства обеих сторон обратятся к королевскому норвежскому правительству с просьбой возможно скорее по заключении всеобщего мира возобновить работы Шпицбергенской конференции».

Мои замечания сводятся к следующему. В десятилетие, предшествовавшее настоящей войне, торговые интересы государств по отношению к Шпицбергенскому архипелагу настолько увеличились, что международная организация этой бесхозяйственной области сделалась настоятельной необходимостью.

Такой выработкой международного статута, как известно, была занята в Христиании, до возникновения войны, конференция, на которой были представлены все воюющие державы, в частности, Германия и Россия, обе весьма заинтересованные в Шпицбергенском архипелаге. Работы конференции подвинулись уже настолько вперед, что соглашение могло бы быть подписано, если бы российское правительство не противилось предложению, сделанному Германией и принятому в принципе делегациями других держав,—предоставить всем государствам пра-

во на равных началах принимать участие в управлении Шпицбергенским архипелагом.

По заключении мира общий недостаток в сырых продуктах, несомненно, поведет к увеличению интересов по отношению к Шпицбергенскому архипелагу. Поэтому, осуществление международной организации надлежало бы предусмотреть, по возможности, скорее; мы убеждены, что нынешняя Россия, в полном согласии со своими принципами, не будет стремиться к политическому господству на Шпицбергене.

Итак, мы рассчитываем на ее готовность работать рука об руку с Германией. И, при соблюдении пункта равноправности обоих государств в решении предстоящих задач, было бы целесообразно сейчас же закрепить этот принцип равноправности,—без того, чтобы забегать вперед по другим решениям,—чтобы тем самым исключить возможность будущих трений по этому вопросу.

Иоффе. Так как я в настоящий момент не могу еще сообщить отношения нашего правительства к данному вопросу, то я предложил бы отложить на некоторое время обсуждение главы 13-ой.

Криге. Мы переходим к разбору последней главы, содержащей в себе заключительные постановления. 2-ой абзац этой главы обозначен в проекте многоточиями; я коснусь его в моих дальнейших об'яснениях. Глава эта говорит о приведении в действие и подписании прелиминария:

«Статья 1. Настоящий прелиминарий с германской стороны имеет быть ратификован его величеством императором Германии, королем Пруссии, с русской стороны . . . . и обмен ратификационными грамотами имеет состояться по подписании прелиминария.

Статья 2. Прелиминарий, поскольку в нем не имеется каких-либо иных постановлений, вступает в силу одновременно с ратификацией».

К ст. 1-ой. Само собою понятно, что прелиминарные условия мира войдут в силу только с того момента, когда они будут ратификованы компетентными государственными органами обеих сторон.

Так как в России компетенция государственной власти не установлена основными законами, то германский проект оставляет пока открытым вопрос о том, какой орган российского правительства будет ведать ратификацией. В заключительной статье следует указать, какое международно-правовое значение будут иметь эти прелиминарные условия мира.

При этом возможны два случая: может быть обусловлено, что с ратификацией прелиминарных условий мира состояние войны прекращается и что мирные отношения окончательно восстанавливаются; в таком случае, конечно, надлежало бы решить и те вопросы, которые в прелиминарных условиях остались не решенными. При этом, однако, наступление окончательного мира было бы обеспечено раньше.

В другом случае, прелиминарные условия мира являлись бы исключительно основой для окончательного мирного договора, который еще подлежал бы заключению. В последнем случае, согласно международному праву, состояние войны продолжалось бы до тех пор, пока сто-

роны не пришли бы к соглашению относительно окончательных условий мирного договора.

Не надо особенно подчеркивать, что первая возможность имеет преимущества в том смысле, что заключается соглашение по основному вопросу.

В этом смысле и редактирован абзац 1-ый статьи 2-ой.

2-ой абзац, который в проекте обозначен многоточиями, можно было бы редактировать следующим образом:

«Для дополнения прелиминария, в особенности—для заключения предусмотренных в нем дальнейших соглашений, представители договаривающихся сторон должны по истечении десяти дней после ратификации прелиминарных условий мира собраться в . . . .».

Я позволю себе спросить г. председателя российской делегации:—как относится российская делегация к нашим предложениям?

И о ф ф е. Полагаю, что в главе 14-ой речь идет о тех технических вопросах, для рассмотрения которых у нас еще будет достаточно времени, когда мы дойдем до подписания договора. Что касается того, кто с русской стороны будет ратифицировать договор, то я полагаю, что, вернее всего, это должен будет сделать Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов или же С'езд этих Советов. По отношению к тому, где должно произойти подписание прелиминария, я хотел бы указать на неоднократно выраженное нами желание, чтобы подписание произошло на российской территории.

Относительно ст. 2-ой я вполне согласен с мнением г. председателя германской делегации, что с ратификацией прелиминария состояние войны прекращается.

Что касается того провизорного параграфа, который в проекте обозначен многоточиями, то, на мой взгляд, десятидневный срок недостаточен.

К р и г е. Благодарю г. председателя российской делегации за раз'яснения, которые, конечно, имеют пока характер предварительный. Остается сделать еще подробные об'яснительные замечания по поводу таких же подробных заявлений г. председателя российской делегации, сделанных им по вопросу о возмещении частных убытков в связи с нарушением частных прав. Я предложил бы, в виду того, что этот весьма важный вопрос требует к себе более внимательного отношения, отложить эти об'яснения до завтрашнего заседания.

Для окончательного завершения первого чтения необходимо еще, чтобы изменения или предложения были внесены в проект в наглядном виде.

Этим была бы закончена последняя задача первого чтения. Какое время было бы завтра удобно для этой заключительной работы?

Г о л о с: В 5 часов дня.

К р и г е. Итак, я назначаю заседание завтра в 5 часов. Об'являю настоящее заседание закрытым.

Заседание закрывается в 6 час. 40 мин.

Заседание комиссии по правовым вопросам

25/12 января 1918 года.

Заседание открывается в 5 час. пополудни под председательством Криге.

К р и г е. Я перехожу сегодня к разбору об'яснений г. председателя российской делегации по вопросу о возмещении убытков, вызванных нарушением частных прав; по поводу некоторых из них, в виду их принципиального значения, я оставляю за собой право более подробного ответа.

Прежде всего, г. Иоффе еще раз повторил принципы российского правительства, а именно, что следует заключить мир без аннексий и контрибуций; при этом он упрекнул германскую делегацию в том, что в работах политической комиссии она стремится к скрытым аннексиям, а в работах экономической комиссии к скрытым контрибуциям.

Что касается скрытых аннексий, то, затронув этот вопрос, г. председатель российской делегации перешел в область, не подлежащую компетенции нашей комиссии; поэтому я этого вопроса касаться не буду. Однако, я должен решительно протестовать против упрека, будто бы мы стремились к скрытым контрибуциям. Из дальнейших об'яснений будет очевидна полная необоснованность такого упрека.

Переходя же к существу вопроса, г. Иоффе утверждал, что невозможно строго провести различие в области нарушения частных прав, в зависимости от того, произведены ли они в зоне военных действий или же вне этой зоны, и что, наоборот, все убытки, понесенные частными лицами вследствие войны, должны встретить к себе одинаковое отношение. Он поэтому поставил нас перед выбором: или взаимно возместить причиненные войной убытки, или взаимно отказаться от подобного возмещения. Германская делегация сожалеет, что она вынуждена отклонить подобный выбор. Согласно системе, в первую голову предложенной г. председателем российской делегации, надлежит,—путем взносов капиталистов всех стран,—образовать международный фонд в целях возмещения убытков, понесенных частными лицами от всемирной войны. Предложение это германская делегация находит невыполнимым уже из-за одних технических соображений; в целях установления размеров фонда, прежде всего, следовало бы, так сказать, определить пассив, т.-е. надлежало бы взять на учет, оценить и таксировать все военные убытки,—в самом широком смысле этого слова,—причиненные всемирной катастрофой. Очевидно, что подобная работа, которая, само

собою разумеется, потребовала бы международного контроля, никоим образом не может быть выполнена; если же ее и возможно выполнить, то лишь по истечении десятилетий, что было бы весьма плохим утешением для пострадавших, которых отсылали бы, в таком случае, к тому времени, когда, наконец, международный фонд будет распределяться между пострадавшими. Определение актива встретило бы также непреодолимые препятствия, в виду того, что участвующие стороны, по возможности, избегали бы, по всей вероятности, уплаты, в силу чего возник бы спор; спор этот возник бы уже по вопросу о том, в каком масштабе надлежит установить взносы в этот общий фонд. Если при этом принять во внимание, что руководящим началом в данном отношении должна явиться податная способность капиталистов каждой страны, то, вероятно, главную часть платежей должны были бы нести Англия и Соединенные Штаты Северной Америки; однако, судя по заявлениям Ллойд Джорджа и президента Вильсона о целях войны, какие себе ставят Англия и американское правительство, повидимому, приходится считать совершенно исключенной готовность этих стран возместить убытки, взаимно причиненные в течение настоящей войны Россией и Германией; до сих пор эти страны, наоборот, требуют, чтобы Германия возместила им и их союзникам все причиненные войной убытки. Во всяком случае, мирный договор между Германией и Россией, в основу которого был бы положен международный фонд, не представлял бы собою никакой гарантии, в смысле проведения его в жизнь. Поэтому мы считаем невозможным утешать частных лиц, указывая им на всеобщий мир. Таким образом, оставалось бы только, чтобы Германия и Россия обязались взаимно возместить убытки, причиненные войной подданным другой стороны. Однако и такое постановление, в том виде, в каком оно делалось с русской стороны, неосуществимо. Так, например, нельзя думать, чтобы Германия, согласно договору, обязалась возместить убытки, причиненные русским гражданам русскими же военными и гражданскими властями или самим русским населением, как это, например, было при очищении западных русских провинций или при изгнании немецких колонистов.

Каждая из договаривающихся сторон может отвечать только за те убытки, которые она сама причинила. Но как можно на театре военных действий,—где отдельные местности или поля сражений переходили из рук в руки и опустошались обеими сторонами,—определить, насколько та или другая сторона повинна в причиненных убытках? Имея в виду эту невозможность, такого рода военные убытки следовало бы рассматривать, как стихийное бедствие, за которое возмещение убытков исключается. В виду этого обязанность возместить убытки могла бы иметь место только в том случае, когда эти убытки являлись бы следствием противных международному праву военных действий той или другой стороны. Без сомнения, подобные действия в течение войны совершались в большом количестве. Германская делегация далека от того, чтобы утверждать, что исполнительные органы со стороны Германии не проявили подобного рода противных международному праву

действий. Наоборот, такие случаи, где действительно было нарушено международное право, были настолько часты, что потребовалась бы громадная работа для того, чтобы установить их в целях определения возникших отсюда убытков и следуемого за них возмещения. Попытка решить эту задачу заставила бы враждующие стороны еще в течение многих лет спорить друг с другом о способах ведения войны, заставила бы их упрекать друг друга в совершении незаконных деяний и тем самым укоренила бы дух ненависти и в мирное время.

Если, в самом деле, желательно заключить мир на основах соглашения, то возможно только одно: поставить крест над всеми неправомерностями, совершенными обеими сторонами в течение войны, и восстановить мирные отношения на новых началах. Все эти соображения, однако, не имеют никакого отношения к тому виду возмещения убытков, который предлагается с германской стороны, а именно, к возмещению убытков, законным путем или незаконно понесенных гражданскими лицами одной стороны в пределах территории другой стороны, в которой они находились, как мирные гости. В пользу особого отношения к такого рода убыткам говорят юридические, политические и экономические соображения. Юридически подобного рода убытки отличаются от военных, в собственном смысле этого слова, убытков тем, что они не имеют никакой связи с ведением войны. Мир без контрибуций признает прежде всего отказ от возмещения издержек по ведению войны, к каковым должно приравнивать и убытки, нанесенные в военных целях, когда государство, разрушая или конфискуя частное имущество, тем самым содействует своим военным операциям.

Однако следует различать деяния, предпринимаемые не для того, чтобы сломить военную мощь противника, а направленные против мирных граждан другой стороны, которые живут вне зоны военных действий под защитой законов страны. Подобные деяния не имеют ничего общего с ведением войны. Их задача состоит не в способствовании целям войны, но в удовлетворении мстительным чувствам, желанию обогатиться или подготовить экономическую войну, которая должна найти место по заключении мира.

За возмещение так называемых гражданских убытков говорят также и соображения политические и экономические. Частные лица, о которых в данном случае идет речь, не были вовлечены со своими правами в круговорот военных событий, но были ограничены в своих правах в части территории, не затронутой войной, в том государстве, под защиту которого они себя поставили. Правильно понятые интересы принявшего их под свою защиту государства требуют возмещения причиненной им несправедливости; иначе, если оставить эту несправедливость безнаказанной, это отпугнуло бы в дальнейшем как раз те элементы, деятельность которых способствовала бы восстановлению дружественных отношений между сторонами, раз'единенными войной. Без этого расцвет народного хозяйства был бы значительно затруднен и замедлен. Кроме того, взаимный отказ от возмещения убытков, причиненных нарушением мирных гражданских прав, противоречил бы принципу заклю-

чения мира без контрибуций, так как путем секвестра, ликвидации и конфискации неприятельской собственности каждое государство легко могло бы себе доставить выгоды, которые следовало бы рассматривать, как совершенно произвольные и вызывающие ненависть способы возмещения убытков, находящиеся в полном противоречии с миром, заключенным на основах соглашения.

Соображения, приведенные г. председателем российской делегации против германского проекта, на наш взгляд, неправильны во всех отношениях. Прежде всего, г. председатель российской делегации старался вызвать в нас сожаление к тому бедному крестьянину, у которого неприятельские войска разрушили дом или у которого они увели его единственную лошадку и который, согласно германскому проекту, не получил бы за это никакого возмещения. Такие соображения неправильны. Мы признаем за этим крестьянином право на возмещение и, в общем, мы уже заплатили ему за реквизицию после введения правильного управления. Пусть он обращается за возмещением причиненных ему вследствие войны убытков к своему собственному государству. В Германии, путем обширного законодательства, уже позаботились о таком возмещении убытков. Равным образом и во Франции, путем внутреннего зазаконодательства, в широких размерах предусмотрено возмещение военных убытков. Г. Иоффе сообщил нам, что и нынешнее российское правительство имело в виду возмещение убытков посредством предоставления земли. Во всех этих случаях каждое воюющее государство будет в состоянии произвести справедливое возмещение тем способом, который оно найдет более целесообразным.

Г. председатель российской делегации особенно подчеркнул, что германский проект односторонне заботится только об интересах капиталистов, в то же время оставляя без достаточного внимания убытки, причиненные сельскому населению, стремится исключительно к возмещению убытков, понесенных финансистами и промышленными предпринимателями. Это неправильно в двух отношениях: наш проект касается также и возмещения убытков, понесенных немецкими крестьянами, которых российское правительство прогнало со своего двора, и, наоборот, отказывает в возмещении тех громадных сумм, которые потеряли немецкие фабриканты и капиталисты, благодаря мероприятиям русских войск при очищении западных провинций.

Наконец, г. Иоффе упрекнул нас в том, что наш проект представляет односторонние невыгоды для России. Правда, что, согласно предложенному постановлению, Россия, по всей вероятности, должна была бы возместить больше убытков, причиненных частным лицам, нежели Германия, так как германские капиталы, как известно, были вложены до войны в заграничные предприятия в более широких размерах, нежели капиталы русские, и германские предприниматели в большем количестве обосновывались за границей, нежели предприниматели русские.

Плодами этой деятельности пользовались не только германские капиталисты, но и германские рабочие, возможность заработка которых в значительной степени зависит от расцвета германского экспорта и

германской внешней торговли, и, наконец, пользу от этого в немалой степени имело и русское народное хозяйство, процветавшее при товарообмене с Германией.

Помимо всего этого, не следует забывать, что в своих предложениях союзные страны отказываются от возмещения тех громадных убытков, которые причинены русскими войсками в цветущих германских и австро-венгерских провинциях и на возмещении которых со стороны России настаивает общественное мнение очень влиятельных кругов нашего населения; во всяком случае, суммы, подлежащие возмещению за причиненные частным лицам убытки, совершенно исчезают перед суммами, превышающими их во много раз,—перед суммами военных убытков, в собственном смысле этого слова.

После всего этого германская делегация, с своей стороны, может повторить только свое предложение, чтобы обе стороны взаимно отказались от возмещения военных убытков, в собственном смысле этого слова, но возместили бы друг другу убытки, понесенные вне зоны военных действий подданными другой стороны, вследствие исключительных законов, как, например, в силу секвестра, ликвидации или соответственных насильственных актов, противных международному праву. При этом мы не можем довольствоваться указанием г. председателя российской делегации на то, что российское правительство самостоятельно урегулирует возмещение убытков, причиненных частным лицам путем насильственных действий, так как,—оставляя совершенно в стороне то, что секвестр и ликвидация в данном случае не были бы приняты в расчет,—не было бы также и достаточной гарантии, что подобное урегулирование будет иметь место. Поэтому, мы, как и раньше, считаем необходимым, чтобы наши интересы были поставлены под охрану международных договоров.

Эти постановления, наконец, соответствуют и тем принципам, относительно содержания которых существовало уже временное соглашение до рождественского перерыва между российской делегацией и делегациями союзных держав. И мы должны определенно ожидать, что такое положение дел останется и впредь.

И о ф ф е. Я, конечно, не могу сейчас же дать подробного ответа на весьма детальное заявление г. председателя германской делегации; поэтому я оставлю за собой право вернуться к нему в дальнейшем. Однако, я хотел бы уже сейчас указать на некоторые пункты.

Прежде всего, мне хотелось бы напомнить, что при обсуждении вопросов перед Рождеством ни та, ни другая сторона никаких обязательств на себя не принимала, и по целому ряду пунктов было даже отмечено, что российская делегация оставляет за собой право ответа на сделанные предложения,—если память мне не изменяет,—то как-раз именно по тем самым пунктам, о которых только-что говорил г. председатель германской делегации. Это было отмечено с русской стороны.

Что касается некоторых возражений г. председателя германской делегации,—они особенно запали мне в память,—то я хотел бы остановиться на следующем. Г. председатель германской делегации доказывал,

что невозможно требовать от Германии возмещения тех убытков, которые при отступлении совершала сама русская армия или русская администрация, а что касается областей военной зоны, то совершенно невозможно разобраться, кто именно нанес вред.

Я хочу напомнить, что в нашем проекте вовсе не было требования возмещения со стороны Англии убытков, причиненных населению разгромленных территорий. Но именно в этих целях мы и предложили образовать международный фонд. Заявление г. председателя германской делегации о том, что Англия и Америка, которые по своему внутреннему благосостоянию должны были бы сделать наибольший взнос в этот международный фонд, ни в коем случае на это не согласятся, по-моему, совершенно резонно. Но когда мы выдвинули требование мира без аннексий и контрибуций, с правом наций на самоопределение, то мы отнюдь не льстили себя надеждой, что империалистические и капиталистические правительства на этот мир согласятся. Мир, который мы предлагали, мы назвали миром народов, и мы не сомневались в том, что английский и американский народ с этим миром согласятся.

С этой же точки зрения, я не могу согласиться со всеми доказательствами того, что в сделанных нам предложениях нет ни скрытых аннексий, ни скрытых контрибуций. Я полагаю, в том-то именно и заключается революционизирующая сила демократических идей, что ни одно правительство уже не может открыто говорить об аннексиях и контрибуциях и что в настоящее время аннексии проводятся под видом свободно-самоопределяющихся буферных государств, а контрибуции— под видом уплаты не другим государствам, а собственным капиталистам. Тот довод, что нельзя уплатить за убытки, понесенные населением разгромленных территорий, в виду невозможности определить, кто именно в этом повинен, кажется мне не убедительным, как и довод в пользу невозможности вернуть взятые уже контрибуции и уплатить за произведенные реквизиции. Весьма легко установить, чьи именно армии,— отступающие ли русские, или отступающие германские,—произвели эти реквизиции.

Также не совсем ясными кажутся мне доказательства возможности отделить убытки, причиненные государствам в целях войны, как, например, разрушение имущества или конфискация его,—от убытков, целям войны не соответствующих. Возникает вопрос: в целях ли войны произведены убытки, нанесенные населению Парижа или Лондона бомбами цеппелинов, а, равным образом, и потопление нейтральных или частных судов? Совершается ли это в целях войны? На этот вопрос ответа я не слышал. Наконец, еще один довод, который я припоминаю, сводился к тому, что Германия не делает различия между уплатой крестьянам и уплатой капиталистам. Мне думается, что это тоже не совсем так. Г. председатель германской делегации заявил определенно, что все государства сами возместили убытки, понесенные населением сельских областей, и что так именно и должно быть. В таком случае возникает вопрос: возможно ли требовать возмещения от враждебного государства за те убытки, которые понесли капиталисты?

В дальнейшем, как я уже сказал, я оставляю за собою право после более внимательного рассмотрения вопроса вернуться к сделанным нам возражениям.

Криге. Без сомнения, г. председатель российской делегации имеет право оставить за собой более подробный ответ после соответствующего рассмотрения вопроса. Поэтому я и не намереваюсь углублять обсуждение этого вопроса в сегодняшнем заседании. Я хотел бы лишь вкратце ответить на следующие пункты, затронутые г. председателем российской делегации.

Ясно, что соглашения, имевшие место до рождественского перерыва, не влекли за собой никаких обязательств для обеих сторон. Тем не менее я склонен думать, что в этих соглашениях нашли себе выражение взгляды сторон в то время. Основные принципы, проводимые германской делегацией, заключались в п.п. 9, 10 и 11-ом; ни один из этих пунктов не вызвал замечания российской делегации в том смысле, что она оставляет вопрос открытым.

Далее, г. председатель российской делегации не нашел в моих об'яснениях ответа на вопрос, считаем ли мы нападение нашего воздушного флота на Париж и Лондон и нападение наших подводных лодок на те суда, которые стремятся прорвать нашу блокаду, военными мероприятиями и убытки, причиненные ими, не подлежащими возмещению Я, не задумываясь, могу категорически ответить на эти вопросы в утвердительном смысле. Париж и Лондон, несомненно, являются крепостями и, согласно международному праву, подлежат бомбардировке. Совершенно безразлично, происходит ли эта бомбардировка с суши или с цеппелинов. Равным образом, мы смотрим на нападение наших подводных лодок на суда, стремящиеся прорвать нашу блокаду, как на военные действия, которые мы считаем с точки зрения международного права, законными репрессивными мерами; подобно тому, как Англия, не считаясь с международным правом, блокировала Германию, так и нам в отношении к этому противнику должно быть предоставлено то же самое право блокады.

В общем, я совершенно не хотел бы входить здесь в обсуждение наших военных мероприятий, но я хотел бы лишь ответить на вопрос г. председателя российской делегации. Поэтому, я полагал бы, что следовало бы отложить обсуждение всех этих вопросов до того времени, когда г. председатель российской делегации будет иметь возможность подробнее ознакомиться с моими об'яснениями.

Полагаю, что на этом мы могли бы закончить первое чтение работ правовой комиссии. Остается дополнить текст нашего проекта теми предложениями и изменениями, которые сделаны российской делегацией. Мы разрешили себе уже произвести эту работу, и я имею честь вручить г. председателю российской делегации экземпляр, в котором русские изменения внесены красными чернилами. В общем я сейчас не жду ответа по поводу того, правильно ли мы отнеслись в этом смысле к пожеланиям российской делегации. Мы ждем, что российская делегация проверит нашу работу и сообщит нам, правильно ли мы в нашей работе приняли

во внимание ее пожелания, после чего я попрошу разрешить мне войти в сношение с г. председателем российской делегации по вопросу о том, когда мы можем собраться в следующий раз. На этом мы и закончим нашу сегодняшнюю работу.

Иоффе. Если г. председатель германской делегации ничего не имеет против, то я хотел бы предложить всю дальнейшую работу, которая, по моему мнению, в настоящее время сводилась бы к тому, чтобы формулировать в одной редакции те пункты, по которым имеется согласие, и в двух редакциях—те, по которым согласия не имеется, производить не в такой громоздкой комиссии, как настоящая, и мне казалось бы, что для этой цели надлежало бы создать менее многолюдную подкомиссию.

Криге. С этим предложением я вполне согласен.

Иоффе. С нашей стороны мы предложили бы двух: Покровского и Радека.

Криге. Об'являю настоящее заседание закрытым.

Заседание закрывается в 7 час. 5 мин.

СОДЕРЖАНИЕ.

Экономические и правовые условия Брестского мира.

Стр.

Вступительная статья *Бор. Штейна* 3

Протоколы заседаний:

А. Экономическая комиссия.

1. Заседание 19/6 января 1918 г. 35
2. Заседание 20/7 января 1918 г. 44
3. Заседание 21/8 января 1918 г. 49
4. Заседание 24/11 января 1918 г. 61
5. Заседание 27/14 января 1918 г. 67
6. Заседание 28/15 января 1918 г. (I) 77
7. Заседание 28/15 января 1918 г. (II) 93

Б. Правовая комиссия.

1. Заседание 20/7 января 1918 г. 97
2. Заседание 21/8 января 1918 г. 107
3. Заседание 23/10 января 1918 г. (I) 113
4. Заседание 23/10 января 1918 г. (II) 125
5. Заседание 24/11 января 1918 г. 135
6. Заседание 25/12 января 1918 г. 167

